След в Истории

Н. С. ХРУЩЕВ

В. Н. Шевелев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Никита Сергеевич Хрущев, третий по счету лидер Советского государства после Ленина и Сталина, так и вошел в историю в «черно-белом» образе. Добро и зло были уравновешены в нем, что и отразил надгробный памятник. Это был человек больших страстей и великих заблуждений.

В книге рассматривается жизненный путь Хрущева, его взаимоотношения со Сталиным, другими вождями, входящими в «ближний круг». Автор стремится осмыслить период хрущевской «оттепели», способствовавшей формированию нового общественного и духовного климата в обществе.

- Владимир Шевелев
  - Вместо введения
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть вторая
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ

Владимир Шевелев

Н. С. ХРУЩЕВ

СЕРИЯ «СЛЕД В ИСТОРИИ»

Владимир Шевелев

Н. С. ХРУЩЕВ

«ФЕНИКС»
РОСТОВ-НА-ДОНУ
1999

Вместо введения
Миры разных людей имеют разные очертания

Мертвые обладают лишь той жизнью, какую приписывают им живые.

А. Франс

Политическая история никогда не двигается по заранее намеченному руслу, но, как и сама жизнь, подвержена множеству случайностей. Потому и выглядит она как бессмысленное нагромождение невесть откуда взявшихся фактов, событий, «этапов пути», ответвлений и попятных движений, творимых как историческими личностями, так и «историческими» ничтожествами. История в принципе непредсказуема, поскольку создается непредсказуемым человеком, а ее «неправильность» обусловлена «неправильностью» самой действительности.

Именно такой непредсказуемой личностью, попытавшейся изменить «неправильную» реальность, и вошел в историю XX века Никита Сергеевич Хрущев. Вряд ли кто мог предсказать, что именно он станет лидером постсталинского режима. Вряд ли кто мог предвидеть те серьезные реформы, которые он осуществил (или попытался осуществить) за десять лет пребывания у власти, «взрывая» традиционное архаичное общество, скованное страхом, ложью, стукачеством и отсутствием воли к развитию.

Именно Хрущев первым из коммунистических лидеров попытался отделить Свет от Тьмы, божественное от сатанинского. Но слишком тяжел был груз прошлого, веригами висевший на нем и на всем обществе. Хрущев отдал приказ уничтожить все архивы, где находились документальные свидетельства его преступлений в годы сталинской тирании, однако из социальной памяти выбить это не удалось. А то, что главной ценностью и смыслом жизни для Хрущева была лишь власть, но никак не нужды народа и потребности общественного развития, позволяет ставить его, несмотря на широкомасштабные новации и реформы, в один ряд со всеми прочими партийными вождями советской эпохи.

Россия всегда демонстрировала не поступательное, а скачкообразное продвижение в цивилизацию: реформы Петра I, Александра II, Столыпина, сталинская индустриализация,

хрущевская либерализация, горбачевская перестройка, ельцинская квазимодернизация. Но всегда оставался вопрос вопросов: как совместить экономическую и политическую модернизацию с традиционной «почвой», устоявшимися социокультурными ориентациями и ценностями?! Неспособность разрешить подобную дилемму стала причиной гибели Александра II и Столыпина, террора Сталина, непоследовательности Хрущева и Горбачева, наконец, иррациональности и безумства постсоветской квазимодернизации. В традиционном обществе быстрые изменения всегда чреваты катастрофой.

В России на протяжении всей истории социального реформирования при всех существенных или незначительных, удачных или сорвавшихся, верхушечных или глубинных, мирных или насильственных преобразованиях никогда не удавалось серьезно затронуть (Глубинную социокультурную суперсистему, лишающую общество способности к самоорганизации и саморазвитию и являющуюся одной из главных причин российской неустроенности.

Несмотря на все свои усилия прорваться в мировые лидеры, Хрущев всегда оставался в тени двух монументальных фигур коммунистической эпохи — Ленина и Сталина. На их фоне он выглядел весьма скромно. Он всегда был сыном своего времени. Выходец из простых людей, как и большинство его соратников, Хрущев искренне верил, что мир движется силой, а не знанием, что главное — это власть, а не интеллект и нравственность.

«Моментом истины» для него стало отстранение от власти. Многое из того, что говорилось на октябрьском пленуме ЦК партии в 1964 году в адрес Хрущева, было несправедливым, обидным, горьким. А ведь совсем недавно, в апреле того же года, поздравляя Хрущева с семидесятилетием, соратники выражали надежду, что им прожита только половина жизни, и желали ему прожить еще столько же и столь же блистательно и плодотворно. Леонид Ильич Брежнев вручил тогда юбиляру четвертую Золотую Звезду и трижды его расцеловал.

Тогда власть вновь персонифицировалась в личности Вождя. На смену славословию в адрес Сталина пришло восхваление Хрущева. Будучи сыном своего времени, он искренне верил в правоту марксистского учения и в скорое пришествие коммунизма. Мог ли он предвидеть, что на смену «курсу партии» придет «курс доллара», а мощная сверхдержава, созданная во многом и его усилиями, в считанные годы превратится в слаборазвито-могучую, управляемую виртуально-демократическим режимом страну.

Совмещавший в одном лице марксиста-догматика и прагматика-реформатора, Хрущев не подлежит какой-то однозначной оценке, как и всякая другая весомая историческая фигура. Отсюда — громадный разброс мнений в отношении его деятельности и его наследия.

Известный кинорежиссер Михаил Ромм говорил: «Пройдет совсем немного времени, и забудутся и Манеж, и кукуруза… А люди будут долго жить в его домах. Освобожденные им люди… И зла к нему никто не будет иметь ни завтра, ни послезавтра. И истинное значение его дел для всех нас мы осознаем только спустя много лет… В нашей истории достаточно злодеев — ярких и сильных. Хрущев — та редкая, хотя и противоречивая фигура, которая олицетворяет собой не только добро, но и отчаянное личное мужество, которому у него не грех поучиться всем нам».

А вот как оценивает Хрущева современный публицист и историк Игорь Бунич: «На роль нового руководителя партии и государства был выдвинут наиболее ничтожный и покладистый из всех членов бывшего сталинского политбюро — Никита Хрущев, которого номенклатура видела простой марионеткой, полностью послушной ее воле.

Это был тот самый Хрущев, который по приказу Сталина, обливаясь потом и тяжело дыша, плясал гопака прямо на совещаниях Политбюро, а все хохотали и хлопали в ладошки. Сам Сталин смеялся до слез.

Не имея опыта ни во внешней, ни во внутренней политике, он чуть было не развязал третью мировую войну, спровоцировав Карибский кризис; расколол всемирную коммунистическую империю, вдрызг переругавшись с Мао Цзэдуном; выкинул Сталина из мавзолея и в довершение всего пригрозил номенклатуре, что закроет все спецраспределители.

Никита Хрущев, который никогда не стыдился, а напротив, всячески подчеркивал свое пятиклассное образование, выброшенный наверх номенклатурной фрондой, оказался человеком неприспособленным к руководящей государственной деятельности. Сталин держал его на второстепенных ролях и близко не подпускал его к большой политике, как внешней, так и внутренней. Поэтому, оказавшись на самом верху партийно-государственной пирамиды, Хрущев повел себя, как Алиса в Стране чудес: постоянно удивлялся и разочаровывался. Его попытка что-то изменить или сломать в сталинской империи немедленно приводила к хаосу, неразберихе, к финансовой чехарде, а в итоге — к полной невозможности разобраться, что же происходит в стране и каково ее место в современном мире».

Скульптор Эрнст Неизвестный, когда-то всячески поносимый

Хрущевым, автор надгробного памятника ему, в интервью в 1998 году так отзывался о Хрущеве: «Это был человек невероятной мощи, огромных нереализованных возможностей. Динамическая энергия сочеталась в нем с дремучим бескультурьем. Его неуправляемое поведение было способом руководства. Хрущев упразднил сталинский страх, но, не изменив политическую и государственную структуру, он не мог управлять без страха».

Как сам Хрущев имел свой взгляд на окружающий мир, по-своему его воспринимал и интерпретировал, так и те, кто с ним сталкивался, каждый по-своему его оценивали. Как говорил Уильям Голдсмит, «миры разных людей имеют разные очертания».

Хрущев был бойцом, он не терялся в сложных ситуациях и обычно дрался до конца. Примеры тому — свержение Лаврентия Берии или события 1957 года, когда Каганович, Молотов и Маленков попытались сместить Хрущева. Умение использовать в своих интересах сложившиеся обстоятельства он проявил и в случае со сбитым американским самолетом-разведчиком У-2 в 1960 году.

Он любил выступать, и многим нравились его импровизаций на любую тему, пересыпанные многочисленными отступлениями, прибаутками, поговорками и жаргоном. В сентябре 1960 года, будучи в США, Хрущев много спорил с американцами, стремясь довести до сознания конгрессменов, политологов, бизнесменов азы марксизма-ленинизма, которому всегда был привержен. Ведущая мысль его выступлений: мы — коммунисты, вы — капиталисты, но давайте дружить и мирно соревноваться, а потом мы вас все равно «закопаем». Его попросили объяснить, что значит: «Мы вас похороним!»

Хрущев отвечал: «Я не имел в виду какое-то физическое закапывание. Моей жизни не хватило бы на это. Речь идет об изменении общественного строя». Именно тогда газета «Нью-Йорк Таймс» так отозвалась о Хрущеве: «Он относится к разряду борцов, которых нельзя сбить с ног».

По-иному воспринял речь Хрущева Вениамин Каверин, когда тот выступал перед писателями в мае 1957 года: «Он говорил два часа. Пересказать его речь невозможно. Она была похожа на обваливающееся здание. Между бесформенными кусками, летящими куда придется, не было никакой связи. Начал он с заявления, что нас много, а он один. Мы написали много книг, но он их не читал, потому что, если бы он стал их читать, его бы выгнали из Центрального Комитета. Потом в середину его речи ворвалась какая-то женщина «нерусской национальности», которая когда-то обманула его в Киеве. За женщиной последовал

главный выпад против Венгрии с упоминанием, что он приказал Жукову покончить с мятежниками в три дня, а Жуков покончил в два».

Хрущеву катастрофически не хватало образования и культуры, о чем он, к слову сказать, сожалел. Он принадлежал ко второму поколению партийных руководителей — в подавляющем большинстве людей малограмотных и малообразованных, которые брали не культурой, а слепым повиновением, исполнительностью и жестокостью. Дмитрий Шепилов свидетельствует, что Хрущев, хоть и с запинками, но читал, однако писать так и не научился. Нет ни одного документа, написанного рукой Хрущева. Он был даже способен написать такую резолюцию: «Азнакомица».

Хрущев был одержим идеей власти и властью марксисткой догмы, но он являлся искренне «верующим» и даже на закате жизни, судя по мемуарам, был убежден и в правоте «дела партии», и в грядущей победе коммунизма над капитализмом. Это был человек утопии и вместе с тем прагматик.

Он пролил немало крови и совершил зла, хотя многие и пытаются обелить его, считая, что Хрущев всего лишь выполнял, волю Сталина. Это не так! Документы и исторические факты свидетельствуют, что он нередко выступал с инициативами, которые при всем желании трудно назвать гуманными. Много зла принес он и в годы «славного десятилетия».

Наверное, суть — не в оценке личности Хрущева, несомненно, сложной и противоречивой. Главное — это то, что дала эпоха Хрущева обществу и людям. Ведь именно тогда, в 1956–1964 годах, начался «осевой сдвиг», равный по своей энергетике и масштабности преобразованиям Петра I, Александра II или эпохе «трех революций» XX века. Отходил в прошлое страх. Вырос уровень жизни. Была во многом решена жилищная проблема. Происходили серьезные изменения в массовом сознании и поведении. Было положено начало мощному всплеску в культуре и литературе. Поистине политическим бестселлером 50-х годов стал доклад Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде партии. Потом, при Брежневе, все это постарались забыть, вытравить из народной памяти.

Как пишет Алексей Аджубей, после 1964 года молчание вокруг имени Хрущева было не только полным, но и каким-то злым. Номенклатурная система, которую он осмелился потревожить, проводила своеобразную «демонстрацию силы» и предупреждала на будущее: «Не троньте нас!» Только во второй половине 80-х годов «плотина умолчания» рухнула. В начале 90-х годов в журнале «Вопросы истории» были опубликованы мемуары

Никиты Сергеевича, впервые изданные еще в начале 70-х годов в США, Диктуя свои воспоминания, Хрущев мог сказать: «Сейчас я, как вольный казак, ничем не занят. Удел пенсионера — доживать свой век. Сейчас я имею возможность оглянуться, выразить более смело свои соображения и высказаться о недостатках».

Жизнь Хрущева закончилась почти неприметно. Официальное сообщение о смерти бывшего Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР было опубликовано только в день его похорон. Замалчивание продолжалось. Даже мертвый, он был ненавистен партийно-государственной номенклатуре. Но чем дальше в прошлое отступала эпоха Хрущева, тем чаще вспоминался этот самобытный и чрезвычайно противоречивый человек.

Имя Хрущева было возрождено на волне горбачевской перестройки как символ демократических реформ. Тогда в его адрес прозвучало немало добрых слов. Появились воспоминания С. Хрущева, А. Аджубея, Ф. Бурлацкого, К. Симонова, Г. Арбатова, других его сподвижников.

За последние годы опубликовано немало рассекреченных документов из архива президента Российской Федерации. Изданы мемуары Л. Кагановича, Д. Шепилова, С. Гегечкори, О Трояновского, П. Судоплатова, исторические исследования Н. Барсукова, Ю. Аксютина, Р. Медведева, В. Наумова, Л. Опенкина, Д. Волкогонова, А. Пономарева, Н. Зеньковича. Все это позволяет более объективно взглянуть на монументальную фигуру Хрущева, попытаться понять мотивы его действий на разных этапах его партийно-государственной карьеры.

Часть первая

ПУТЬ НАВЕРХ

Глава 1
Восхождение

Счастлив тот народ,
история которого скучна.

Монтескье

Никита Сергеевич Хрущев не оставил воспоминаний о своем детстве. Мемуары он начинает с XIV партийной конференции 1925 года: настоящая жизнь для него берет свое начало со служения партии. Все, что было до этого, видимо, для него значения не имело.

Родился Хрущев 4 (17) апреля 1894 года в селе Калиновка Курской губернии. Его отец, Сергей Никанорович, и дед, Никанор Сергеевич, были крестьянами, как и мать — Ксения Ивановна. Традиционный сельский мир, окружавший в детстве Никиту Хрущева, вряд ли мог способствовать формированию будущего большевика и крупного партийного функционера. Да и сама Россия тогда еще не ведала, какие потрясения ждут ее уже в недалеком будущем.

Российская империя, раскинувшаяся на огромных пространствах, была одной из ведущих держав мира. После реформ Александра II социально-экономическое развитие страны ускорилось, и она быстро продвигалась к современной цивилизации. Но у России была своя судьба, свой путь и свой рок.

Россия во многом оставалась традиционным обществом, основную массу населения составляло крестьянство, патриархальное по образу жизни и культурно-психологическим характеристикам. Сохранялся значительный разрыв между городом и деревней — экономический, культурный, социально-психологический. В городах в конце XIX века происходил промышленный подъем, городской мир быстро менялся. В деревне ситуация была иной. В 1891-м неурожайном году даже начался голод, что произвело немалое воздействие на общество. Георгий Плеханов тогда сравнил эффект, произведенный этим голодом, с поражением в Крымской войне 1853–1856 гг. А один из депутатов рейхстага Германии заявил: «Кто же будет опасаться страны, где от единственного неурожая начинается голод».

В крестьянско-патриархальной психологии слабо просматривалось чувство личной инициативы и индивидуальной ответственности; «барин — царь — Бог» — только этому поклонялось большинство народа. В генетическом коде России

изначально была запрограммирована ведущая роль государства, а громадные пространства, отсутствие тесноты, богатые природные ресурсы — все это налагало отпечаток на культуру и национальный характер россиян, способствовало формированию расточительности, небрежности и бесхозяйственности. Отсюда — инерционность, опять же во многом обусловленная большими масштабами страны и культурно-психологическими факторами.

Истоком бед России был также нарастающий разлад между властью и значительной частью образованного слоя. Уже восстание декабристов вынесло этот разлад на суд мировой, а не только российской общественности. Радикальные критики и обличители существующего строя всегда были «властителями дум». Началось «хождение в народ», чтобы распространить радикальные идеи среди крестьян. Инертная масса архаичного общества, во многом проникнутая люмпенским духом, была почвой для распространения радикализма и терроризма. «Революционеры», не знающие и не понимающие своего народа, тем не менее были одержимы идеей вести его «железной рукой». к счастью. Несколько лет охотились они за императором Александром II, и, наконец, 1 марта 1881 года очередное покушение оказалось «удачным». Император Александр III сумел сбить мощную волну революционного террора, однако с воцарением более мягкого и либерального Николая II обстановка снова осложнилась. Общество погружалось в паранойю саморазрушения. Разрушительное действие «отщепенцев», казалось, уже было неостановимо. Дискредитация власти стала их главным устремлением. Некоторые даже отправляли в 1905 году японскому императору телеграммы с поздравлениями по случаю победы над Россией. Отсюда — прямой переход к позиции Ленина и большевиков, желавших поражения страны в первой мировой войне.

В 1905 году в России разразилась очередная смута. Крестьяне жгли поместья, рабочие громили заводы или бастовали. Повсюду постились листовки, призывавшие пролетариат к борьбе. Наверняка вести об этих событиях доходили и до села Калиновки, где проходило детство Никиты. И хотя, повторимся, письменных воспоминаний об этой поре Никита Сергеевич не оставил, однако в своих многочисленных выступлениях он подчас, обращался к детству и юности. «Мой отец был простым рабочим-шахтером. Но он всю жизнь мечтал стать капиталистом. Хорошо, что это ему не удалось», — заявил однажды Хрущев зарубежным журналистам. А вот фрагмент его выступления на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1962 года: «Детство и юность я провел в шахтах. Если Горький прошел школу народных университетов, то я

воспитывался в шахтерском «университете» Это был для рабочего человека тоже своего рода Кембридж, «университет» обездоленных людей России».

Выступая в мае 1962 года на митинге дружбы в Болгарии, Никита Сергеевич говорил:

«Сам я работаю с детства. Мой трудовой стаж в качестве рабочего небольшой, потому что революция меня выбросила из области физического труда. Но я начал работать в очень раннем возрасте. Помню, как сам пас овец, только был я не чабаном, а рангом ниже. Бывало, чабан меня посылает: «А ну, Никита, беги, заверни овец» И я бегал, заворачивал их. В деревне я и телят пас. Потом я работал на заводах, в шахтах, в сырых шахтах, частенько приходилось мокрым выходить зимой из шахты и так идти домой за три километра. Никаких бань, никаких раздевалок для нас капиталисты не делали. Вот такие были условия работы. А теперь меня никакой черт, никакая хворь не берет».

Впрочем, свидетельств, что Хрущев действительно работал шахтером, нет. Что же касается вышеприведенных высказываний самого Никиты Сергеевича, то, как известно, иногда он мог и преувеличить.

В 1908 году семья Хрущевых перебирается под Юзовку (ныне Донецк) на Успенский рудник. Никите в это время исполнилось 14 лет. Он пас коров, чистил котлы на шахтах. Затем устроился на завод учеником слесаря. В отличие от спокойной деревенской жизни здесь бурлило рабочее движение, и вскоре Хрущев приобщается к «революционной деятельности». В своем донесении от 26 мая 1912 года начальник Екатеринославского губернского жандармского управления отмечал, что среди тех, кто собирал пожертвования для семей убитых на Ленских приисках рабочих, был 18-летний ученик слесаря на заводе Боссе Никита Хрущев. Впрочем, других фактов его «революционности» не обнаружено.

В том же году Хрущев, оставив завод, устроился слесарем на Рутченковский рудник. «Столовался» он в семье Ивана Андреевича Писарева, машиниста шахтной подъемной машины. У Писарева было пятеро дочерей. Со старшей, Фросей, Никита подружился, и в 1914 году они поженились. Вскоре у молодой четы родился сын Леонид.

Уже в первые месяцы после февраля 1917 года революция проявила свою негативную сторону — погромы, репрессии, рост преступности, жестокость. Появляется немало пророчеств о грядущей кровавой гражданской войне. Однако молодой Никита Хрущев уже выбрал свой путь, и никакие сомнения его не одолевали.

Когда по всей стране начали создаваться Советы депутатов, то членом такого Совета избирается и Хрущев, к тому времени ставший активным участником забастовочной борьбы. Считается, что уже с 1914 года он поддерживал большевиков, распространял газету «Правда», устраивал среди рабочих ее коллективное чтение, хотя и не являлся членом партии. Советы формировались как органы непосредственного революционного действия и стремились охватить собой все среды управления. Это были своеобразные околопартийные институты, и влияние эсеров, меньшевиков, большевиков напрямую сказывалось на их повседневной деятельности.

Здесь, в Юзовке, в феврале 1917 года Хрущев познакомился с молодым революционером-большевиком Лазарем Кагановичем, который работал сапожником и носил тогда фамилию Кошерович. Вскоре Каганович станет покровителем Никиты Хрущева и будет всячески способствовать его партийной карьере.

После того как большевики взяли власть в октябре 1917 года, Хрущев избирается председателем местного профсоюза металлистов горнорудной промышленности. Таковы были его первые шаги на пути восхождения к власти. Впрочем, подлинных свидетельств, чем занимался Никита Хрущев в эти годы, не имеется. К официальной биографии, составленной в годы его правления, вряд ли можно относиться серьезно — слишком много там преувеличений. Дмитрий Шепилов в своих воспоминаниях даже пишет: «Все, что говорили о революционной деятельности Хрущева с 14 лет — это ложь».

Позднее Хрущев вспоминал, что когда после революции он приехал в родную Калиновку, то обнаружил, что крупное помещичье имение, где он когда-то работал мальчишкой, разрушено:

«Понимаю, конечно, сколько ненависти накопилось у крестьян, сколько пота они там пролили, сколько крови высосали из них помещики, сколько спин высекли кнутами и розгами. Однако взрыв гнева смел не только тех, которые пороли, но и то, что крестьяне сами создали и чем раньше владел их деспот. Богатства, созданные их руками, могли бы служить людям. Но понимания дела не было проявлено, и по всей России все было сметено. Нового такого крестьяне не построили. Зато власть обрел трудовой народ».

В 1918 году Никита Хрущев становится членом партии большевиков. Опять же неизвестно, где и при каких обстоятельствах это произошло. В годы гражданской войны он принимает активное участие в военных действиях. Хрущев был комиссаром батальона, а затем — инструктором политотдела

армии. В конце 1918 года в Нижнем Новгороде он вновь встречает Лазаря Кагановича. В своих мемуарах Хрущев упоминает и о том, как во время службы в Красной армии в Курске в 1919 году он впервые увидел и услышал Николая Ивановича Бухарина, который его «буквально очаровал».

Находясь в Красной армии, Хрущев узнал, что его жена Ефросинья в 1919 году умерла от тифа. Вскоре после этого он возвращается в освобожденный Донбасс, где становится заместителем председателя Рутченковского рудоуправления по политической работе. В конце 1921 года открывается Юзовский горный техникум, на рабфак которого поступает Никита Хрущев. Вскоре его назначают политруком техникума и избирают секретарем парторганизации. Сам Хрущев позднее, рассказывая о себе, утверждал, что рабфак он закончил. Однако документальных свидетельств тому не имеется. Большинство биографов полагает, что в связи с переходом на партийную работу закончить учебу на рабочем факультете Хрущеву так и не удалось.

В техникуме Никита Хрущев встретил 22-летнюю Нину Кухарчук, которая преподавала политэкономию в окружной партийной школе в Юзовке и вела занятия на рабфаке. В 1924 году они поженились. Позднее Нина Петровна Хрущева вспоминала, что когда она как пропагандист райкома партии выступала с лекциями на политические темы на Рутченковском руднике, где многие знали Хрущева, то на них приходило много женщин: «Оказалось, что их интересовала я как жена их приятеля Никиты Хрущева: какую такую он нашел не на руднике, а на стороне».

Восстание в Кронштадте и волнения в деревне вынуждают Ленина пересмотреть курс по отношению к крестьянству. Начинается новая экономическая политика. Хрущев вспоминал, как в годы НЭПа после разрухи к голода вдруг ожили города, появились продукты, стали понижаться цены. Это было, конечно, отступление, говорит Хрущев, но оно помогло отойти от последствий гражданской войны и набраться сил.

В 1925 году Хрущев избирается вторым секретарем Петрово-Марьинского райкома партии. В апреле того же года он принимает участие в работе XIV партийной конференции как делегат с правом совещательного голоса от Юзовской парторганизации. Потом Никита Сергеевич Хрущев вспоминал, что для него это было большой радостью. Появилась возможность побывать в Москве, увидеть и услышать вождей. Здесь уже выделялся Сталин. «Я все больше и больше проникался глубоким уважением к этой личности», — так оценивал Хрущев свои первые

впечатления о будущем «вожде всех времен и народов».

Человеческий материал — вот главное, что определяло ход всех процессов в полутрадиционном обществе, все более погружавшемся в оковы политического тоталитаризма. Слой за слоем были срезаны интеллигенция, купечество, дворянство, духовенство, затем, в конце 20-х годов взялись и за крестьянство.

Интеллигенция в годы гражданской войны уничтожалась, как пишет Владимир Солоухин, с «заделом» вперед на многие годы, чтобы никогда уже не смогла возродиться. В некоторых городах отстреливали гимназистов. Их определяли по форменным фуражкам — как фуражка, так и пуля в затылок. Мальчишки стали ходить без фуражек. Тогда чекисты, поймав мальчика, искали у него на голове рубчик, который остается от фуражки. Есть рубчик — стреляли на месте.

Николай Бухарин, по определению Ленина, «золотое дитя революции», теоретизировал: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи». Что же, они добились своего — выработали «нового человека»! Писатель Марк Алданов так комментировал в начале 30-х годов кадры советской кинохроники: «Идет «глава советского государства». В фигуре Калинина есть что-то непреодолимо комическое. Он посажен в сановники больше за происхождение: «крестьянин от сохи», так же, как «рабочий от станка», — это нечто вроде советского генерала от инфантерии… За ним следуют сановники и чекисты. Лента на мгновение выбрасывает и уводит истинно страшное, зверское лицо. Кто это? Кем был этот человек до революции? Как могли подобные люди появиться в чеховской России?.. Напишет ли свои воспоминания, расскажет ли когда-нибудь свою мрачную повесть этот человек-по-ошибке?.. Другие лица в большинстве серые, не злые, не добрые — никакие… В отдельности они ничтожны, в массе очень страшны. Вот она, новая людская порода».

Большевики-ленинцы, продолжая дело «отщепенцев», сделали выбор в пользу люмпенов, отбросив идею свободной личности. Молодые «партейцы» — городские и сельские активисты — последовательно, не раздумывая и не сомневаясь, проводили в жизнь политику партии. Они должны были твердо держать классовую линию, по сути дела отринув все нравственные категории, сложившиеся ранее в обществе. Конечно, их реальный облик мало соответствовал облику «нового человека», о котором разглагольствовала советская пропаганда. Это были неграмотные и малообразованные молодые люди, развращенные «партейными

должностями», сытой и разгульной жизнью, безнаказанностью. С трудом владея политической риторикой, а нередко и обычной разговорной речью, они, начав предложение, с трудом могли его закончить. Но они знали, что любое указание вышестоящих партийных органов должно неукоснительно выполняться. В декабре 1927 года в Москве состоялся XV съезд партии. Хрущев, который был его делегатом, вспоминал, что на съезде развернулась острая борьба с зиновьевцами. «У нас не было сомнений, что Сталин и те, кто был вокруг него и поддерживал Сталина, правы. Я и сейчас считаю, что тогда наша идейная борьба была в основе правильной», — так пишет он в своих мемуарах.

В 1928 году Хрущев становится заместителем заведующего орготделом ЦК КП(б) Украины и переезжает в Харьков, где в то время размещались ЦК и правительственные органы. Это уже была серьезная партийная «синекура»: он вышел на республиканский уровень. Заведовал орготделом ЦК Николай Демченко, о котором Хрущев всегда отзывался очень уважительно. Позже он погиб в годы «большого террора».

Однако с самого начала работа в ЦК Хрущеву не понравилась: «Канцелярская работа: через бумаги живого дела не видишь. Это специфическая работа, а я — человек земли, конкретного дела, угля, металла, химии и в какой-то степени сельского хозяйства». Здесь он выстроил в ряд все отрасли, специалистом в которых себя считал. Но главное, видимо, в том, что Хрущев был человек энергичный, неусидчивый, импульсивный.

Дмитрий Шепилов так оценивал своего будущего обидчика: «Он постоянно рвался куда-то ехать, лететь, плыть, ораторствовать, быть на шумном обеде, выслушивать медоточивые тосты, рассказывать анекдоты, сверкать, поучать — то есть двигаться, клокотать. Без этого он не мог жить, как тщеславный актер без аплодисментов или наркоман без наркотиков».

Однако уже вскоре Демченко избирается секретарем Киевского окружного Комитета партии, и Хрущев переезжает вместе с ним в Киев, где становится заведующим орготделом окружкома. Об этом времени Хрущев всегда вспоминал с теплотой: работалось ему хорошо и легко. Но в 1929 году Хрущеву исполнилось 35 лет — это был последний год, когда он, в связи с возрастом, еще мог поступить учиться в вуз. И Хрущев отправился в Харьков к Косиору проситься на учебу в Промышленную академию, которая только что открылась в Москве.

По рекомендации ЦК КП(б) Украины Хрущев поступает в

Промакадемию, благо, для этого большого образования не требовалось. Известно, что позднее в ней учился и почти неграмотный, но зато знаменитый шахтер Алексей Стаханов. Так завершилось пребывание Хрущева на Украине. Однако пройдет десять лет, и в 1938 году он вновь, выполняя поручение Сталина, вернется сюда.

Таким образом, двадцатые годы стали исходной точкой в его восхождении к высотам власти. Октябрьская революция и приобщение к деятельности большевистской партии предопределили становление Хрущева как начинающего кадрового рабочего, организатора и агитатора. Вместе с тем в это время он дока что исполнитель, ограниченный в самостоятельных решениях и поступках.

Глава 2
Социализм неотвратим как смерть

Хочешь познать человека — дай ему власть.

Восточная мудрость

В 35-летнем возрасте Никита Хрущев поступает учиться в Промышленную академию имени Сталина в Москве. Шел 1929 год. Заканчивалась эпоха НЭПа. В партийно-государственном руководстве распространялись настроения «чрезвычайщины», которые нашли отражение в выдвинутой в 1928 году теории обострения классовой борьбы по мере построения социализма. Позднее в мемуарах Хрущев скажет: «Тогда очень широко гуляла по стране надуманная Сталиным теория дальнейшего обострения классовой борьбы в СССР. Она запутала умы честных людей и в партии, и вне партии. Сталин извратил все понятия». Однако в то время сам Хрущев полностью разделял эту «теоретическую» установку и внес существенный вклад в борьбу с «классовым врагом».

С начала 1928 года в партийной верхушке шла подспудная, но чрезвычайно острая борьба по многим вопросам жизни партии и всей страны. Все более проявлялись властные амбиции Сталина. После того как Сталин инспирировал «Шахтинское дело» и «дело Промпартии», Бухарин, Рыков и Томский обвинили его в стремлении руководить через аппарат ОГПУ и партии, нарушая принципы коллегиальности. В политбюро сложились две группировки — Сталина и Бухарина. Именно бухаринская фракция и получила от Сталина эпитет «правые». На октябрьском пленуме Московского Комитета партии в, 1928 году Мартемьян Рютин, в то время секретарь Краснопресненского райкома, прямо обвинил Сталина в том, что «правый уклон» — его собственная выдумка в целях расправы с неугодными членами политбюро.

Сделав ставку на люмпенов и умело опираясь на ставленников в различных эшелонах партийной иерархии, Сталин сумел реализовать свои властные амбиции. По мнению Абдурахмана Авторханова, Сталин превзошел Ленина, потому что сумел создать партию в партии. Психология «вождизма», начиная со времен Ленина, все глубже проникала в общественное сознание. Постепенно этому начинает даваться теоретическое

обоснование. Так, в работе Ф. Сулковского «Вожди в истории» (1928) говорилось, что «вожди необходимы рабочему классу» и что партией руководит сейчас «коллектив вождей и кандидатов в вожди».

Хрущев появляется в Промакадемии как раз в разгар борьбы с «правыми». В своих мемуарах он много рассказывает об этом, с достоинством подчеркивая, что всегда стоял за «генеральную линию партии». Именно в 1929 году начинается великий сталинский «перелом». Сталин «успешно» завершил начатое Лениным дело, попутно уничтожив всех потенциальных соперников в борьбе за власть. К своему 50-летию (декабрь 1929 года) Сталин вытеснил из политбюро всех, с кем он начинал свою деятельность: Льва Троцкого, Льва Каменева (Розенфельда), Григория Зиновьева (Апфельбаума), Николая Бухарина и других. По отлаженной им иерархической лестнице наверх поднималось новое поколение «вождей», а личности загонялись в щели маргинального существования.

Академия была создана по инициативе Сталина, и он шефствовал над ней — ведь она носила его имя. Академия пользовалась многими привилегиями: снабжение из специального распределителя, обслуживание лечебно-санитарного управления Кремля, персональные путевки на отдых, денежные субсидии во время отпуска, отдельные квартиры или комнаты, месячное содержание. Видимо, тогда Сталин и обратил внимание на Хрущева.

В Промакадемии Хрущев ведет активную борьбу с «правыми», которые возглавляли ее парторганизацию и поддерживали Бухарина, Угланова, Рыкова «против Сталина и против Центрального Комитета партии», как вспоминал позднее Хрущев. Происходящее в академии нередко напоминало «театр абсурда», однако даже спустя много лет, рассказывая о тех временах в своих мемуарах, Хрущев воспринимал все это абсолютно серьезно.

Газета «Правда» часто выступала против «правых», и после каждого ее выступления в академии созывалось партийное собрание и переизбиралось партбюро. Однажды в течение целого дня из-за острых споров по каждой кандидатуре не смогли избрать даже президиум партийного собрания, и оно открылось только на следующий день. Сам Хрущев был два или три раза провален, но в конце концов его избрали в президиум собрания, и он даже стал председательствовать.

С начала 1930 года в обстановке острой политической борьбы шла подготовка к XVI съезду партии. От парторганизации академии на Бауманскую партконференцию были избраны

Сталин, Бухарин, Рыков и несколько делегатов из числа слушателей академии. Однако часть коммунистов академии, в том числе и Хрущев, расценили это как попытку протащить «правых» — Бухарина и Рыкова. На новом партийном собрании состав делегатов на районную партийную конференцию был пересмотрен, в итоге Бухарин и Рыков не прошли. Зато в число делегатов был избран Хрущев. А вскоре, в конце мая, он становится и секретарем парторганизации Промакадемии.

Впрочем, когда летом 1930 года состоялся XVI съезд партии, то Хрущев не был избран его делегатом. В мемуарах он так объясняет это: «Промышленная академия занимала нетвердую политическую позицию, и при выборах на съезд моя кандидатура не была выдвинута: во-первых, я был новый человек, неизвестный Московской парторганизации; во-вторых, *я* в Промышленной академии представлял новое руководство, которое стояло на позициях генеральной линии партии».

Слова эти выдают его обиду даже спустя много лет. Однако тут же Хрущев с удовлетворением пишет, что сумел получить гостевой билет на съезд и слушал отчетный доклад Сталина.

Став секретарем парторганизации Промакадемии, Хрущев с присущей ему энергией взялся за дело. Главным для него было одно — борьба с «правыми», повышение «бдительности и боевитости». Нередко заседания партбюро и даже партийные собрания целиком были посвящены персональным делам коммунистов. Видимо, работа — шла успешно, поскольку в ноябре 1930 года, выступая на партийном собрании Промакадемии, Хрущев заявил, что с «болотом» покончено. Под «болотом» он подразумевал коммунистов, которые не проявляли должной активности в борьбе с «правыми».

Дмитрий Шепилов в своих воспоминаниях свидетельствует, что звезда Хрущева начала восходить на политическом небосклоне Москвы в начале 30-х годов. Говорили, что из Донбасса на ученье в Промакадемию прибыл шахтер. Учиться в академии он не стал, а перешел на партийную работу. Насчет общей и политической грамотности у него не ахти, но мужик он простой и сообразительный.

Когда в 1930-м году верный сторонник Сталина Лазарь Каганович становится первым секретарем Московского Комитета партии, то вскоре начинается и головокружительная партийная карьера Никиты Хрущева, который, так и не закончив обучения в Промышленной академии, избирается в январе 1935 года первым секретарем Бауманского райкома партии столицы. Спустя шесть месяцев Хрущев был переброшен на укрепление Краснопресненской партийной организации.

Рой Медведев утверждает, что Хрущев сменил на посту первого секретаря райкома Мартемьяна Рютина, однако известно, что тот был снят еще в октябре 1928 года. Позднее, в 1937 году Рютин будет расстрелян.

Похоже, что и здесь Хрущев проявил себя верным сталинцем. На состоявшейся вскоре районной партийной конференции некоторые выступающие говорили, что «с помощью нового руководства в лице т. Хрущева были достигнуты колоссальные победы, произведена подлинно «большевистская перестройка».

В январе 1932 года Хрущев избирается вторым секретарем московского городского комитета партии и становится правой рукой Кагановича. В 1933 году Хрущев вдобавок к этой должности избирается и вторым секретарем московского обкома партии. Тогда же он знакомится с Георгием Маленковым, в то время малоприметным партийным функционером, приход которого в МК ВКП(б) совпал с волной борьбы против «правых». I Маленков работал в областном комитете партии с 1930 по 1934 год, являясь вначале заведующим агитационно-массовым, а затем, с февраля 1932 года, — организационно-инструкторским отделом.

В эти годы Хрущев знакомится и активно сотрудничает с Николаем Булганиным, который вначале был директором электрозавода в Бауманском районе, а затем — председателем Моссовета. Хрущев относился к нему с уважением, однако позднее изменил свое мнение о нем: «Булганин — очень поверхностный, легковесный человек. Он не влезал глубоко в хозяйство, а в вопросах политики мог считаться даже аполитичным, никогда не жил бурной политической жизнью».

Хрущев, в отличие от многих тогдашних руководителей, предпочитал не засиживаться в кабинетах, а работать с людьми на местах. Настойчивый и энергичный, общительный и любознательный, он словно бы «вываривался» в людской массе, что, по его собственному признанию, часто помогало. Однако формирующаяся система брала свое: у Хрущева, как и у других партийных руководителей, на первый план постепенно выдвигались не политико-воспитательные, а командно-волевые методы управления и воздействия.

Действовать Хрущеву приходилось в сложных, подчас экстремальных условиях. На основе набирающих щлу директивных методов управления экономикой и расширения сферы принудительного труда ужесточался политический режим Сталина, усиливался идеологический прессинг. Чтобы реализовать завышенные планы форсированного развития, необходимо было подхлестывать народ, преодолевать

сопротивление недовольных, «разжигать» трудовой энтузиазм. Хрущеву, как и другим партийным, советским и хозяйственным руководителям, чтобы удержаться в своем кресле, приходилось работать буквально на износ, не щадя ни себя, ни других. Образцом подражания для него был «трудоголик» Каганович.

Одним из главных дел московского руководства в первой половине 30-х годов стало строительство метро. Вначале Хрущев этим не занимался, но затем Каганович поручил Хрущеву и Булганину контроль за ходом строительства. Он сказал Хрущеву:

— Со строительством метро дело обстоит плохо. Вам придется как бывшему шахтеру заниматься детальным наблюдением за ним. На первых порах, чтобы ознакомиться с ходом строительства, предлагаю вам бросить свою работу в горкоме партии. Сходите на какие-то метрошахты, а Булганин пойдет на другие. Побудьте там несколько дней и ночей, посмотрите на все, изучайте с тем, чтобы можно было руководить по существу и знать свое дело.

Однако Булганин вскоре простудился в метрошахте и заболел ишиасом. Вся нагрузка пришлась на Хрущева, который по сути дела стал единолично отвечать за ход строительства, постоянно отчитываясь перед Кагановичем.

Наряду со строительством метро началась реконструкция всей столицы. Хрущев вспоминал: «Москва того времени уже была крупным городом, но с довольно отсталым городским хозяйством: улицы неблагоустроены; не было должной канализации, водопровода и водостоков; мостовая, как правило, булыжная, да и булыга лежала не везде; транспорт в основном был конным». В городе развернулось широкомасштабное строительство. К сожалению, при этом было уничтожено немало ценных исторических памятников, в том числе храм Христа Спасителя, Красные ворота, Сухарева башня.

В 1934–1935 годах, когда окончательна упрочились Позиции Сталина, развернулась широкая кампания чистки руководящих кадровых работников. Тогда же на ведущие посты были назначены выдвиженцы Сталина — Н. Хрущев, А. Жданов, Н. Ежов, А. Вышинский и другие. На XVII съезде партии в феврале 1934 года Хрущев избирается в состав Центрального Комитета, а ранее, в январе, он стал первым секретарем МГК партии.

В 1935 году Каганович был назначен наркомом путей сообщения, и Хрущев становится первым секретарем МК партии. Вскоре после этого на пленуме ЦК он избирается кандидатом в члены Политбюро. В том же году в честь завершения строительства первой очереди московского метро Хрущев был удостоен ордена Ленина. Это был его первый в жизни орден. А

московский метрополитен получил имя Кагановича. Хрущев вспоминал позднее о своих встречах со Сталиным: «В тот период я довольно часто имел возможность непосредственно общаться со Сталиным, слушать его и получать от него прямые указания по тем или другим вопросам. Я был тогда буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, его вниманием, его осведомленностью, его заботой, его обаятельностью и честно восхищался им».

Имеется немало свидетельств, что и Сталин с симпатией относился к Хрущеву. Уже в начале 30-х годов, когда будущий ниспровергатель культа начинал свою карьеру московского партийного вождя, Сталин часто приглашал его вместе с Булганиным на семейные обеды: «Приходите обедать, отцы города». Хрущев вспоминает, что посещение домашних обедов у Сталина было особенно приятным, пока жила Надежда Сергеевна Аллилуева. Сталин часто шутил, а поскольку Хрущев, по собственному признанию, его боготворил, то любая, шутка вождя казалась ему необыкновенной: шутит «человек не от мира сего».

Вполне возможно, что Хрущеву удалось уцелеть в «мясорубке» второй половины 30-х годов во многом благодаря хорошему отношению к нему Сталина. Р. Медведев допускает, что в симпатии Сталина к Хрущеву играла роль не только энергия и лояльность, но и рост Никиты Сергеевича. Сталин не любил высоких людей, а Хрущев был еще ниже ростом, чем сам «вождь».

В мемуарах Хрущев с удовлетворением вспоминает, что он считался неплохим оратором. Выступал обычно без готового текста, даже чаще всего и без конспекта. Читать доклады он начал позднее, «когда стал уже большим начальником: все очень ответственно, сказанное поправить трудно». Выступая с докладом на собрании партийного актива в августе 1936 года, Хрущев яростно обличал «врагов народа» — Зиновьева и Каменева:

«Товарищ Сталин, его острый ленинский глаз, как во всем строительстве, всегда метко указывает пути нашей партии, указывая уголки, откуда могут выползти гады. Надо расстрелять не только этих мерзавцев, но и Троцкий тоже подлежит расстрелу».

Ни одно из его выступлений не обходилось без славословий в адрес Сталина. Это Хрущев делал особенно виртуозно. Один из участников VIII Всесоюзного съезда Советов (1936 год) вспоминал: «Особенно выделяется славословие Хрущева. Все его длинное выступление, вернее, чтение, пронизано явным заискиванием. Даже тов. Сталин, слушая его, все время хмурится. В речи Хрущева склонялось имя Сталина много больше полсотни раз. Это становилось неприятным».

Шипилов вспоминает, как он впервые услышал Хрущева: «Хрущев вышел к трибуне, сопровождаемый всеобщими аплодисментами. Он начал свое выступление. Видимо, тогда он еще не был так натренирован в ораторстве, как в годы будущего премьерства: говорил запинаясь, с большими паузами и повторениями одних и тех же слов. Правда, когда он разгорячился, речь пошла бойчее, но речевых огрехов оставалось много. О чем он говорил — сказать трудно. Обо всем, что попадалось под руку. Эта черта его речей сохранилась и в будущем… Все смеялись. И всем нравилось. Правда, произносил он многие слова неправильно: средства, сицилизмь… Но говорил красочно. Речь пересыпал шутками-прибаутками. И как-то хотелось не замечать огрехов в его речи».

А. Авторханов так оценивает роль Хрущева как оратора «новой эпохи»:

«Будучи оратором «на все темы», Хрущев тем не менее не просто болтал, как это многим казалось. Он был первым основоположником той новой школы ораторского искусства в большевизме, которая пришла на смену старым школам: блистательного Троцкого и академического Бухарина. Речи Троцкого, напечатанные без указания оратора, без малейшего труда можно узнать именно как его речи, также и сочинения Бухарина — как бухаринские. Такими же ярко индивидуальными были стили и других вождей большевизма — Ленина, Луначарского, Каменева и других.

Новая школа не признавала и не признает индивидуального стиля — речи Молотова, Кагановича, Хрущева, Маленкова, Булганина отличаются друг от друга только именами их произносящих… Это был современный, новый, безличный, «коллективный» стиль с одним и тем же запасом слов и с такими же стандартными предложениями при абсолютном отсутствии особых ораторских приемов, звонких фраз, лирических отступлений и даже личного местоимения. Они, собственно, и не говорили за себя или от себя».

В 1936–1937 годах Хрущев играл ведущую роль в чистке столичной парторганизации, при этом проявляя большое рвение. В январе 1936 года на пленуме городского комитета партии он говорил: «Арестовано только 308 человек; для нашей московской организации это мало». Выступая летом 1937 года на отчетной партийной конференции, Хрущев заявил, что агенты врагов народа просочились даже на городскую партконференцию.

В мемуарах Хрущев с возмущением говорит о тогдашних репрессиях в Московской парторганизации, однако он сам принимал в них активное участие. Коммунисты, обращавшиеся к

нему за помощью, поддержки со стороны Хрущева не находили. Так, Ростислав Ульяновский, впоследствии известный ученый-востоковед и работник ЦК КПСС, вспоминал об этих тяжелых временах: «Ордер на арест был подписан заместителем народного комиссара внутренних дел Прокофьева… Но внизу ордера стояла весьма знакомая подпись — Н. Хрущев. Мой арест был согласован с Московским комитетом партии… Это меня удивило: Хрущев меня знал. Я был одним из лучших и наиболее популярных пропагандистов Бауманского района и МК».

Хрущев с помощью Кагановича быстро поднялся на самые верхи партийно-государственной иерархии, но он остался таким же необразованным и малокультурным человеком. Слепая вера вместо анализа, бездумная исполнительность подменяли критическое течение мысли. Вряд ли он далеко ушел от «незабвенного» шолоховского люмпена Макара Нагульнова, готового ради революции уничтожить всякого: «Гад! Как служишь революции? Жа-ле-е-шь? Да я тысячи станови зараз дедов, детишков, баб… Да скажи мне, что надо их в распыл… Для революции надо… Я их из пулемета всех порешу!»

Работая секретарем Московского комитета партии, Хрущев начинает тесно контактировать с московским управлением НКВД, во главе которого находился Реденс, по национальности поляк. На стол Хрущева ложились сводки и донесения о происшествиях в городе и области. В мемуарах Хрущев вспоминает, что в сводках приводилось довольно много нелестных отзывов о партии и оскорбительных высказываний в адрес ее вождей. Однако против таких людей в то время никаких мер, кроме воспитательных, не предпринималось. Ситуация изменилась только после убийства Сергея Мироновича Кирова.

И в докладе на XX съезде партии, и в мемуарах Хрущев много говорит об этом трагическом событии. Он убежден, что убийство Кирова подготовил Генрих Ягода, который мог действовать только по секретному поручению Сталина. Таким образом был устранен реальный соперник, а затем выбита вся «ленинская гвардия», где было много не согласных с политикой и методами Сталина. Понятно, что в то время у Хрущева подобных мыслей не возникало. После убийства Кирова он возглавил московскую делегацию, направленную в Ленинград, и стоял в траурном почетном карауле. Хрущев являлся также членом комиссии по организации похорон вместе с А. Енукидзе, М. Чудовым, П. Алексеевым, Н. Булганиным и Я. Гамарником, — созданной решением Политбюро 1 декабря 1934 года.

Мысль о том, что убийца Кирова Николаев действовал не один, а организатором убийства был сам Сталин, первым

высказал отнюдь не Хрущев, а Лев Троцкий еще в 1935 году. Вскоре после этого о том же говорили бежавшие на запад агенты советских спецслужб В. Кривницкий и А. Орлов. И тем не менее, нет прямых свидетельств, участия Сталина в этой трагедии. Более того, в последнее время ряд специалистов-историков склоняется к версии об убийце-одиночке и мотивах личной мести обманутого мужа, каковым был Николаев.

Однако Хрущев, несомненно, прав в том, что убийство Кирова было использовано как повод для организации «большого террора». Конечно, в то время он верил Сталину и органам НКВД и сам был в первых рядах «за чистоту» партии. «Нужно уничтожать этих негодяев. Уничтожая одного, двух, десяток, мы делаем дело миллионов. Поэтому нужно, чтобы не дрогнула рука, нужно переступить через трупы врага на благо народа», — говорил Хрущев в мае 1937 года на пленуме МГК партии. Однако можно допустить, что его, как человека здравомыслящего, беспокоило то обстоятельство, что органы безопасности были поставлены над партией. Свыше дали указание: при выборах в партийных организациях все кандидатуры, выдвигающиеся в руководство, проверять — не связаны ли они с уже арестованными врагами народа. И хотя секретари обкомов партии должны были проверять правильность действий органов НКВД — таково было указание Сталина, — это являлось не больше чем фикцией.

В своих мемуарах Хрущев констатирует, что к 1938 году прежняя демократия в ЦК была уже значительно подорвана. Он получал только те материалы, которые Сталин направлял по своему личному указанию, и касались они чаще всего «врагов народа». «Материалы рассылались для того, чтобы члены Политбюро видели, как опутали нас враги, окружили со всех сторон. Я тоже читал эти материалы, и у меня тогда не возникало сомнений в правдивости документов: ведь их рассылал сам Сталин! У меня и мысли не могло появиться, будто это — ложные показания».

На старости лет Никита Сергеевич Хрущев с воодушевлением вспоминал, как все они были тогда увлечены работой, совершенно не зная отдыха, как скромно жили: «То время, о котором я вспоминаю, было временем революционных романтиков. Сейчас, к сожалению, не то. В ту пору никто и мысли не допускал, чтобы иметь личную дачу: мы же коммунисты! Ходили мы в скромной одежде, и я не знаю, имел ли кто-нибудь из нас две пары ботинок. А костюма, в современном его понимании, не имели: гимнастерка, брюки, пояс, кепка, косоворотка — вот, собственно, и вся наша одежда». Это

действительно так. В личной жизни Хрущев, как и многие другие государственно-партийные руководители, был скромен, чуть ли не аскетичен.

Шепилов так описывал свои впечатления, когда осенью 1937 года впервые увидел Хрущева: «Он был одет в поношенный темно-серый костюм, брюки заправлены в сапоги. Под пиджаком темная сатиновая косоворотка с расстегнутыми верхними пуговицами. Крупная голова, высокий лоб, светлые волосы, открытая улыбка — все оставляло впечатление простоты и доброжелательности. И я, и мои соседи, глядя на Хрущева, испытывали не только удовольствие, но даже какое-то умиление: вот молодец, рядовой шахтер, а стал секретарем Московского комитета. Значит, башковитый парень. И какой простой».

30-е годы стали временем быстрого усиления экономической и военной мощи страны.

Что оставил после себя Ленин? Павел Бунич говорит по этому поводу: «Пустую казну, дезорганизованную и совершенно небоеспособную армию, расколотую, разложенную И на глазах деградирующую партию, разоренную, разграбленную и распятую страну с темным, забитым, деклассированным и, что, возможно, самое главное, неграмотным населением, у которого уже тогда само слово социализм ассоциировалось с пулей в затылок… Разрушенная до основания промышленность, приведенная в полный хаос финансовая система, парализованный транспорт, почти полностью уничтоженная квалифицированная рабочая сила и частично уничтоженная, частично рассеянная по всему миру интеллигенция. Мертвые фабричные трубы, проржавевшие, оледенелые паровозы, брошенные, полузатонувшие корабли, легионы бродяг в лохмотьях, уголовный террор в городах, спокойно сосуществующий с террором государственным».

В годы НЭПа во многом удалось восстановить экономический потенциал страны. Сам Ленин сравнивал Россию после гражданской войны с избитым до полусмерти, тяжелобольным человеком, которому срочно требуется «лекарство», чтобы встать на ноги. Таким лекарством стала новая экономическая политика, позволившая преодолеть тяжелый экономический и социальный кризис. Но в конце 20-х годов ситуация вновь осложнилась. В городах не хватало хлеба. Очень трудно шла индустриализация. В деревне нарастало социальное брожение.

Однако прошло десять лет, и ситуация кардинально изменилась. К концу 30-х годов Советский Союз превратился в мощную экономическую и военную державу. Темпы роста тяжелой промышленности в это десятилетие были в 2–3 раза выше, чем в России в 1900–1913 годах. По абсолютным объемам

промышленного производства СССР вышел на второе место в мире после США. Было преодолено качественное отставание промышленности. Советский Союз в 30-е годы вошел в число трех-четырех стран, которые способны были производить любой вид промышленной продукции.

К середине 30-х годов стабилизировалась ситуация в деревне. Была отменена карточная система. Поднялась производительность труда в сельском хозяйстве.

Стремительно нарастала военная мощь страны. К концу 30-х годов под ружьем находилось до 300 дивизий. В Красной Армии насчитывалось 20 тысяч танков, 15 тысяч самолетов, 220 подводных лодок.

По сути дела «из ничего» за десятилетие была подготовлена целая армия гражданских и военных специалистов: инженеров, конструкторов, исследователей. На Западе активно скупались современные технологии. Строились мощные заводы. Однако добиваться этого приходилось за счет ущемления материальных интересов широких масс, падения уровня жизни, расширения сферы принудительного труда, усиления политического и идеологического прессинга.

Подлинной трагедией стала политика «большого террора», быстро набравшая обороты после убийства Кирова. Во второй половине 30-х годов были физически уничтожены многие видные партийные и хозяйственные руководители, военачальники, специалисты народного хозяйства. Конечно, во многом политика «большого террора» была своим острием направлена против местных элит и партийных функционеров, растущая самостоятельность которых и моральное разложение все более беспокоили Сталина и его сподвижников. Позднее, в 60-е годы, китайский почитатель Сталина Мао Цзэдун осуществит подобную операцию, которая получит наименование «культурная революция». Осуществляя «большой террор», Сталин вместе с тем выступал и в роли «заступника» народа от бюрократического беспредела. Недаром некоторые историки даже полагают, что «смысл 37 года — это возмездие», поскольку были осуждены и уничтожены «бесы» революции. Однако в ходе террора пострадали миллионы людей, не причастных к номенклатурным играм.

Между тем «звезда» Хрущева неуклонно восходила. В декабре 1937 года он был избран депутатом Верховного Совета СССР, а в январе 1938 года становится членом Президиума. Тогда же, в январе, Хрущев на пленуме ЦК ВКП(б) избирается кандидатом в члены Политбюро. Так он вошел в число самых влиятельных людей в партии и государстве.

«В чем причины столь стремительной и загадочной карьеры Хрущева?» — задается вопросом А. Авторханов. И приходит к выводу, что Хрущев был «первым классическим представителем напористо рвущегося к власти второго поколения большевизма». Эти люди не участвовали в Октябрьской революции, но зато они принимали самое активное участие в партийных боях Сталина против «поколения Октября». А «случайное счастье» Хрущева заключалось в том, что Сталин имел возможность наблюдать за ним и открыть в нем «видающийся талант партийного организатора».

Глава 3
На Украине
Война

Изданный в 1984 году в Киеве в издательстве «Наукова думка» седьмой том «Истории Украинской ССР» (1921–1941) ни разу не упоминает имени Хрущева, хотя подробно (и очень нудно) рассказывает о деятельности республиканской партийной организации. Между тем, именно Никита Сергеевич Хрущев с 1938. года являлся первым секретарем ЦК КП(б) Украины, то есть был главным лицом в республике.

Прзднее он вспоминал: «1938 год. Вызывает меня Сталин и говорит: «Мы хотим послать Вас на Украину, чтобы Вы возглавили там партийную организацию. Косиор перейдет в Москву к Молотову первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и председателем Комиссии советского контроля». 27 января 1938 года на пленуме ЦК КП(б) Украины произошла смена «вождей». «Товарищи, — говорил, обращаясь к участникам пленума, С. В. Косиор, — вы все знаете решение Центрального комитета партии, которое уже проведено в жизнь, о моем новом назначении, что я уже формально перешел на другую работу… Первым секретарем ЦК КП(б) Украины Центральный комитет партии рекомендует товарища Хрущева, которого вы все хорошо знаете и как секретаря Московского комитета и, кроме того, как прежнего работника Украины. Товарищ Хрущев работал во многих местах, многие его помнят».

Именно Станислав Косиор направлял в 1929 году молодого Никиту Хрущева на учебу в Промышленную академию. И вот сейчас Хрущев сменил Косиора на посту правителя огромной республики, которая в 1932–1933 годах пережила тяжкое бедствие — голод, унесший, по разным оценкам, от 4 до 5 миллионов жизней. Но об этом Хрущев в мемуарах упоминает лишь мимоходом: «Позже просачивалось в Москву много сведений, что на Украине царит голод. Я же просто не представлял себе, как может быть в 1932 году голод на Украине. Когда я уезжал в 1929 году, Украина находилась в приличном состоянии по обеспеченности продуктами питания.

После приезда Хрущева на Украину ему немало рассказывали о тех страшных временах. Однако всей правды, похоже, он не узнал. Между тем, в 1932–1933 годах Украина пережила подлинную трагедию. Летом 1932 года республике был спущен план хлебозаготовок в объеме 356 миллионов пудов. Но урожай

выдался низким. На 25 октября 1932 года план хлебозаготовок был выполнен только на 39 процентов. На Украину прибывает чрезвычайная комиссия во главе с Молотовым. Начинаются репрессии. На заседании политбюро ЦК КП(б) Украины с участием Молотова главе республиканской парторганизации Косиору и председателю ГПУ Реденсу было поручено срочно разработать план ликвидации «основных кулацких и петлюровских контрреволюционных гнезд».

Репрессивные методы проведения хлебозаготовок привели к тому, что в начале 1933 года стали ощущаться трудности с продовольствием, а с весны начался массовый голод. Из сельского населения Украины, составлявшего 20–25 миллионов человек, от голода умерли миллионы людей. Было немало случаев людоедства.

Получив назначение на Украину, Хрущев обратился к Маленкову с просьбой подобрать несколько украинцев из Московской парторганизации и аппарата ЦК. Связано это было с тем, что, как стало ему известно, на Украине были арестованы почти все руководящие работники, начиная от ЦК и до нижних элементов партийной иерархии. Маленков предложил вторым секретарем ЦК КП(б) Украины своего заместителя М. Бурмистенко, а тот, в свою очередь, подобрал еще человек десять. Председателем Совнаркома Украины стал Д. Коротченко, до этого работавший в Московском горкоме партии.

В 1937 году, еще до приезда на Украину Хрущева, здесь были репрессированы многие руководители республики. Погибли почти все члены Политбюро ЦК КП(б) Украины, в том числе С. Кудрявцев, В. Затонский, М. Хатаевич, Н. Попов. Председатель Совнаркома Г. Любченко, не дожидаясь ареста, застрелил жену и сына и застрелился сам. Уцелели только С. Косиор, Н. Постышев и Г. Петровский. Впрочем, первые двое позднее, в 1938 году, будут арестованы и расстреляны.

Никита Сергеевич Хрущев вспоминает: «Начали мы знакомиться с делами. По Украине будто Мамай прошел. Не было ни секретарей обкомов партии, ни председателей облисполкомов. Даже секретаря киевского горкома не имелось». Сталин приказал Хрущеву взять на себя руководство Киевской областной и городской парторганизацией. Когда в 1938 году созвали XIV съезд партии, обнаружилось, что численность республиканской парторганизации уменьшилась с 453,5 тысяч в 1934 году до 286 тысяч. По свидетельству Роберта Конквеста, из 102 членов ЦК КП(б) Украины остались только трое.

Хрущев и его сподвижники, выполняя поручение Сталина, приступили к формированию нового партийного и

государственного руководства республики. Вначале сам Хрущев и другие прибывшие с ним кадровые работники были лишь «исполняющими обязанности». Прошли районные, городские и областные партийные конференции. В июне 1938 года на пленуме нового ЦК, сформированного XIV съездом КП(б) Украины, Никита Сергеевич Хрущев становится уже полноправным главой украинских коммунистов. Тогда же, в июне 1938 года, прошли выборы в Верховный совет Украинской ССР. Вскоре М. Бурмистенко избирается председателем Верховного Совета, Л. Корниец — председателем Президиума Верховного Совета, Д. Коротенко был назначен председателем Совнаркома УССР.

Репрессии продолжались и при Хрущеве, хотя уже в меньших масштабах. В мемуарах Никита Сергеевич резко осуждает террор, развязанный органами НКВД. Он пишет, что было немало и шарлатанов, которые; избрали своей профессией разоблачение врагов народа. Они терроризировали всех, бесцеремонно заявляя в глаза: «Вот этот — враг народа». Тогда не требовалось доказательств, достаточно было наглости и нахальства. Однако многие историки полагают, что именно Хрущевым после января 1938 года была осуществлена последняя волна террора на Украине. В мае-июне было полностью смещено правительство республики. С февраля по июнь заменили всех 12 первых секретарей обкомов партии, а также большинство вторых секретарей. Историк В. Наумов свидетельствует, что лично Хрущевым были санкционированы репрессии против нескольких сотен человек, подозреваемых в организации против него террористических актов. При этом новый вождь Украины не только неуклонно выполнял все директивы и указания по борьбе с «врагами народа», но и старался быть первым, нередко перевыполняя полученные из центра разнарядки по арестам.

Выступая в июне 1938 года на XIV съезде республиканской компартии, Хрущев говорил:

— У нас на Украине состав политбюро ЦК КП(б)У почти весь, за исключением единиц, оказался вражеским. Приезжал Ежов, и начался настоящий разгром. Я думаю, что сейчас мы враговдоконаем на Украине!

Генерал П. Судоплатов свидетельствует, что Хрущев — один из немногих членов Политбюро, который лично в то время участвовал в допросах арестованных вместе с главой НКВД Украины Успенским.

Широкомасштабная чистка шла в армии. К 25 марта 1938 года в Киевском Особом военном округе (КОВО) были заменены все командиры 9 корпусов, 24 из 25 командиров дивизий, 5 из 9 командиров бригад, 87 из 135 командиров полков, 6 из 9

начальников штабов корпусов, 18 из 25 начальников штабов дивизий. В мемуарах Хрущев много говорит о неподготовленности к войне, о низком моральном духе в войсках. Однако в постановлении Военного Совета КОВО в марте 1938 года «О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа», подписанном Тимошенко и Хрущевым, было сказано, что в результате большой работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов «кадры командного начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов тов. Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи войск».

В марте 1939 года Хрущев принимает участие в работе XVIII съезда ВКП(б), где выступил с речью. На пленуме нового состава Центрального Комитета партии он избирается членом Политбюро наряду с А. Андреевым, К. Ворошиловым, А. Ждановым, Л. Кагановичем, М. Калининым, А. Микояном, В. Молотовым и И. Сталиным. Кандидатами в члены Политбюро стали Л. Берия и Н. Шверник.

Постепенно Хрущев начинает приобщаться и к вопросам обороны. Он вспоминает, как, будучи членом Военного Совета КОВО, однажды присутствовал на заседании Главного Военного совета РККА в Москве. Его поразила обстановка сумбура и несобранности, царившая, там: «Кулик выступал сумбурно, нельзя разобрать, о чем по существу говорил, потому что горячился, плохо формулировал свои мысли, орал. Сразу поднялся ералаш, атмосфера накалилась. После него еще более сумбурно выступал Щаденко. Он тоже начал жестикулировать и кричать. Ворошилов его останавливает, а он кричит на Ворошилова, резко возражает». На Хрущева все это произвело впечатление «несерьезной организации несерьезных людей».

Когда 1 сентября 1939 года немцы напали на Польшу, Хрущев находился в войсках на границе как член Военного Совета Украинского фронта, которым командовал Тимошенко. 17 сентября в войну вступила и Красная Армия под предлогом «оказания помощи украинским и белорусским братьям по крови». «Когда мы перешли границу, — вспоминал Хрущев, — то нам фактически не оказывали сопротивления». Начинается «советизация» Западной Украины, в которой Хрущев принимает самое активное участие. В качестве важной детали он припоминает, что они тогда освободили Степана Бандеру, который сидел в львовской тюрьме за убийство польского министра внутренних дел.

В соответствии со своими служебными обязанностями,

говорит Хрущев, тогдашний нарком внутренних дел Украины Иван Серов установил контакты с гестапо. Во Львов официально прибыл представитель гестапо вместе со своей агентурой.

В ноябре 1939 года Советский Союз развязал войну с финнами, за что был исключен из Лиги Наций. Война началась для Красной Армии крайне неудачно. Войска несли большие потери. Лишь в начале февраля 1940 года, сосредоточив на линии фронта 27 дивизий под командованием Тимошенко, удалось прорвать «линию Маннергейма» и овладеть городом Выборгом. В марте был подписан мирный договор.

Хрущев в мемуарах дает жесткую оценку действиям Красной Армии: «В нашей войне против финнов мы имели возможность выбрать время и место. Мы численно превосходили врага, и мы располагали достаточным временем, чтобы подготовиться к нашей операции. Но даже при таких наиболее благоприятных условиях мы смогли в конечном счете одержать победу только после огромных трудностей и невероятных потерь. Победа такой ценой была на самом деле поражением. Наш народ, конечно, никогда не узнал, что мы потерпели моральное поражение, потому что ему никогда не сказали правды».

В марте 1940 года от обязанностей наркома обороны был освобожден К. Ворошилов, и этот пост занял командарм Тимошенко, до этого командовавший войсками. Киевского Особого военного округа, а потом завершавший неудачную финскую кампанию. Командующим КОВО был назначен генерал армии Г. Жуков. Таким образом, Хрущев близко познакомился с этими двумя полководцами.

В мемуарах он так отзывается о Жукове: «Я был доволен, даже очень доволен Жуковым. Он радовал меня своей распорядительностью и своим умением решать вопросы. Это меня успокаивало: хороший командующий, как мне казалось. Война подтвердила, что он действительно хороший командующий. Я так и считаю, несмотря на резкие расхождения с ним в последующий период, когда он стал министром обороны СССР, к каковому его назначению я приложил все усилия и старания. Но он неправильно понял свою роль, и мы вынуждены были освободить его с поста министра и осудили его замыслы, которые он, безусловно, имел и которые мы пресекли. Однако как военного руководителя во время войны я его очень высоко оценивал и сейчас ни в коей степени не отказываюсь от этих оценок».

Летом 1940 года Хрущев, как член Военного совета КОВО, принимал активное участие в освобождении Бессарабии от румынских войск и ее последующей «советизации».

В январе 1941 года последовали очередные перестановки в

командовании Красной Армии, в том числе начальником Генштаба вместо К. Мерецкова был назначен Г. Жуков, а командующим войсками КОВО вместо него стал генерал-лейтенант (позднее генерал-полковник) М. Кирпонос, до этого командовавший Ленинградским военным округом. Так Никита Сергеевич Хрущев познакомился уже с третьим по счету командующим КОВО. Он вспоминает: «Я ничего не мог тогда сказать о нем ни хорошего, ни плохого, поскольку совершенно не знал его до назначения к нам. Одно лишь меня беспокоило: чтобы с уходом Тимошенко не ослабла военная работа. Я очень высоко оценивал деятельность Тимошенко как командующего войсками КОВО. Он человек волевой и пользовался авторитетом среди военных, имел твердый характер, который необходим каждому руководителю, особенно военному».

Между тем приближалось время новых тяжелых испытаний — война. К ней готовились, ее ожидали, многие были уверены, что она неизбежна. Но к войне страна, говорит Хрущев в воспоминаниях, была подготовлена плохо. «Я объясняю это провалом воли Сталина, его деморализацией. Он был деморализован победами, которые Гитлер одержал на Западе, и нашей неудачей в войне с финнами. Он стоял уже перед Гитлером, как кролик перед удавом, был парализован в своих действиях. Это сказалось и на производстве вооружения, и на том, что мы не подготовили границу к обороне». И добавляет: «Сталин перед войной стал как бы мрачнее. На его лице было больше задумчивости, он больше сам стал пить и спаивать других. Буквально спаивать!»

Однако можно допустить, что Хрущев здесь либо несколько лукавит, либо его попросту в очередной раз подводит некогда феноменальная память. Подготовка к войне шла ускоренными темпами, и Сталин проявлял при этом всю свою волю и недюжинную энергию.

15 февраля 1941 года начала работу XVIII конференция ВКП(б). В центре ее внимания были вопросы ускорения социалистической индустриализации и укрепления военной мощи страны. Говорилось о необходимости доведения промышленности и транспорта до состояния полной мобилизационной готовности. Повышались требования по качеству выпуска вооружений. В резолюции отмечалось, что руководители отраслей, имеющих оборонное значение, должны извлечь урок из критики на конференции, в противном случае они будут освобождены от работы.

19 февраля 1941 года принимается секретное постановление Политбюро развертывании фронтов на базе пограничных военных

округов». На базе КОВО создавался Юго-Западный фронт, командующим которого был назначен генерал-полковник М. Кирпонос, а начальником штаба — генерал-лейтенант М. Пуркаев. Штаб фронта должен быть развернут в городе Тернополе. Однако окончательно созданы все эти фронты были только после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Парад войск на Красной площади 1 мая 1941 года удивил зарубежных наблюдателей своей агрессивно-милитаристской направленностью. Сводный оркестр Московского военного округа непрерывно играл бравурные марши: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин», «Если завтра война», «По дорогам знакомым за любимым наркомом». Выступая в начале июня 19.41 года на собрании партактива, секретарь ЦК партии А. Щербаков заявил: «Красная Армия готова на чужой земле защищать свою землю».

Между тем Хрущев становился на Украине все более популярным. Его имя было присвоено Донецкому индустриальному институту и нескольким колхозам. В Киеве заканчивалось сооружение Центрального стадиона, уже получившего его имя. Открытие стадиона за» планировали на воскресенье 22 июня 1941 года. Однако именно в этот день гитлеровская Германия напала на Советский Союз.

Хрущев вспоминает, что в первые дни войны на участке КОВО сложилось тяжелое, но не катастрофическое положение. Вскоре должна была разгружаться армия И. Конева. В резерве у Кирпоноса находились два танковых корпуса. Однако Сталин приказал отправить армию Конева в Белоруссию, где буквально на глазах разваливался Западный фронт генерала Павлова.

На юго-западном направлений против 5-й, 6-й; 12-й и 26-й армий и 6 механизированных корпусов генерал-полковника Карпоноса действовала группа армий «Юг», возглавляемая генерал-фельдмаршалом фон Рунштедтом. Ее главной ударной силой была 1-я танковая группа генерал-полковника фон Клейста.

Директива № 3 наркома Тимошенко предписывала Юго-Западному фронту в составе 5-й и 6-й армий окружить и уничтожить противника, наступающего в направлении Владимир-Волынского и Броды, а к исходу 24 июня овладеть районом Люблина. Уже 22 июня в Киев срочно был направлен в качестве представителя Ставки генерал армии Жуков. На Украине развернулись тяжелые бои. В районе Луцк — Броды — Ровно на стыке Юго-Западного и Южного фронтов Красная армия в танковом сражении нанесла заметный урон врагу, однако в целом инициатива полностью находилась в руках германских войск. В начале июля были захвачены Бердичев и Житомир. За три недели

боев немцы оккупировали почти всю правобережную Украину. Танкисты Клейста неудержимо рвались к Киеву.

7 июля было опубликовано обращение Президиума Верховного Совета УССР, Совнаркома и ЦК КП(б) Украины к украинскому народу, где говорилось, что настало время, когда каждый, не жалея жизни, должен до конца выполнить свой священный долг перед Родиной. В Киеве был создан штаб обороны города. Шли работы по сооружению оборонительной полосы. Оценивая роль Хрущева, маршал И. Баграмян впоследствии писал: «Я помню, какую огромную политическую и организационную работу вел в период напряженных боев на подступах к Киеву Н. С. Хрущев. Постоянно находясь то в цехах заводов, то на передовых позициях, Н. С. Хрущев, пользовавшийся огромным доверием киевлян и войск, умело направлял их действия на достижение победы».

29 июля 1941 года начальник Генштаба генерал армии Жуков предложил оставить Киев и отвести войска за Днепр, чтобы предотвратить их окружение. Это вызвало резкий отпор Сталина. 2 августа немцы замкнули «котел» под Уманью. 8 августа фон Клейст сумел форсировать Днепр между Киевом и Кременчугом. Командующий Юго-Западным фронтом маршал С. Буденный запросил у Ставки разрешения оставить Киев и отвести войска на реку Псел, но вновь получил отказ.

15 сентября немецкие танки замкнули кольцо окружения в районе Лохвицы, примерно на 200 км восточнее столицы Украины. В «котле» оказались основные силы Юго-Западного фронта: 5-я, 26-я, 37-я и частично 21-я и 38-я армии. Немцы пленили 665 тысяч человек. Незадолго до этого под Уманью были разгромлены 6-я и 12-я армии. В плену оказалось около 100 тысяч красноармейцев. Буденный и Хрущев в это время находились вне «котла». Генерал-полковник Кирпонос застрелился. Член Военного Совета Бурмистенко и начальник штаба Тупиков погибли. Это была одна из крупнейших катастроф в войне 1941–1945 гг.

Другая крупная военная катастрофа Красной Армии также в значительной мере связана с именем Хрущева. 12 мая 1942 года Юго-Западный фронт (командующий Тимошенко) и Южный фронт (командующий Малиновский) начали плохо подготовленное наступление в районе Харькова, на чем настоял Сталин. Первые три дня наступление было удачным. Однако затем немцы нанесли сильнейший удар с юга во фланг наступающим советским войскам. 18 мая Хрущев, по его словам, звонил Сталину, чтобы заручиться санкцией Ставки на отвод войск. Последовал отказ. Таким образом, Хрущев возложил всю

вину за поражение на Сталина. Однако Жуков впоследствии говорил, что ответственность за неудачу несут и руководители Юго-Западного и Южного фронтов. Подобные свидетельства содержатся и в воспоминаниях ряда других советских военачальников.

В связи с этими событиями под Харьковом, ставшими, по признанию Хрущева, «тяжелой вехой» в жизни, он в мемуарах вновь обращается к образу Сталина: «Мне не раз приходилось вступать в спор со Сталиным по тому или иному вопросу в делах гражданских и иногда удавалось переубедить его. Хотя Сталин метал при этом огонь и воду, я настойчиво продолжал доказывать, что надо поступить так-то, а не эдак. Сталин иной раз не принимал сразу же моей точки зрения, но проходили часы, порою и дни, он возвращался к той же теме и соглашался. Мне нравилось в Сталине, что он в конце концов способен изменить решение, если убеждался в правоте собеседника, который настойчиво доказывал ему свою точку зрения, если его доказательства имели под собой почву. Тогда он соглашался».

Под Харьковом Хрущев опять столкнулся с Клейстом. Вскоре две советские армии, 6-я и 57-я, оказались «в мешке». В итоге провала Харьковской операции в плен попало около 150 тысяч человек. А в конце июня 1942 года южнее Курска гитлеровская армия начала мощное наступление. Наша оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов была прорвана, и немцы двинулись по громадным и незащищенным степным пространствам на Кавказ и Волгу. Паника и бегство с оборонительных позиций приняли такие масштабы, что был издан печально знаменитый приказ Сталина № 227 от 30 июля «Ни шагу назад!».

Хрущев, опасаясь гнева Сталина, рассчитывал на самое худшее, однако все обошлось. К этому времени, видимо, Хрущев уже вошел в число самых доверенных лиц. Вскоре он становится членом Военного Совета Сталинградского фронта, которым командовал вначале генерал Гордое, а затем — генерал Еременко.

Под Сталинградом уже в конце лета 1942 года сложилась очень тяжелая обстановка. 23 августа 6-я армия фон Паулюса вышла к Волге и получила возможность держать весь Сталинград под своим огнем. 12 октября немецкие войска начинают штурм Сталинграда. В городе развернулись ожесточенные бои, но немцам так и не удалось взять Сталинград.

Генерал-майор Хрущев принимал участие в разработке плана контрнаступления советских войск под Сталинградом и окружения армии Паулюса.

Вскоре Хрущев столкнулся с одним из крупнейших немецких полководцев второй мировой войны фон Манштейном, которому была поставлена задача деблокирования Сталинградского котла. Хрущев вспоминал: «На участке в направлении Котельниковского действовала 51-я армия, кавалерийский корпус Шапкина, механизированный корпус Вольского и другие соединения. Я несколько раз выезжал в эту группу войск, потому что там сложилась тяжелая обстановка. Мы знали по данным разведки, что немецкий генерал-фельдмаршал Манштейн командует группой войск, которая двигается на освобождение окруженной нами группировки. Он начал теснить нас. Его войска находились уже примерно в 50 километрах от переднего края Паулюса».

Манштейн наносил удар силами 4-й танковой армии Гота, которая начала свое наступление 12 декабря 1942 года. Сам Эрих фон Манштейн в своих знаменитых записках «Утерянные победы» пишет: «Гибкость управления нашими танковыми соединениями, превосходство наших танкистов проявились в эти дни самым блестящим образом, так же как и храбрость солдат механизированных войск… Этот бой показал также, что способна совершить старая испытанная танковая дивизия, когда ее перед боем полностью укомплектовывают танками и самоходными орудиями». Однако немецкий прорыв не удался. 19 декабря наступление танков Гота захлебнулось, и 6-я армия была обречена.

В феврале 1943 года командующим Южным фронтом вместо Еременко, по предложению Хрущева, Ставка назначила генерала Малиновского. Войска шли на Ростов. Хрущев вспоминает, что были заняты станицы Багаевская и Манычская. Штаб фронта перенесли в хутор Веселый. 28-я армия генерала Герасименко заняла Сальск и Новочеркасск. Вскоре был освобожден и Ростов; в городе состоялся военный парад. Через некоторое время Хрущева отозвали в Ставку и назначили членом Военного Совета Воронежского фронта. Тогда же ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

В это время уже началось освобождение Украины. 16 февраля 1943 года наши войска взяли Харьков. Именно в эти дни Хрущев и прибыл в статусе члена Военного Совета Воронежского фронта и секретаря ЦК КП(б) Украины. Командовал войсками фронта генерал армии Ф. Голиков, которого позднее сменил генерал армии Н. Ватутин. В результате немецкого контрнаступления Харьков вскоре пришлось оставить, но в конце августа 1943 года он был вторично и уже окончательно освобожден.

Активное участие Хрущев как член Военного Совета принимал в сражениях, на Курской дуге. Вскоре после этого

началось освобождение Украины. Воронежский фронт был преобразован в 1-й Украинский.

В августе 1943 года Хрущев, посещая 4-ю Гвардейскую армию, познакомился с начальником ее политотдела полковником Д. Шепиловым, который произвел на него хорошее впечатление. «Он умный человек», — так отозвался о нем в своих мемуарах Никита Сергеевич. Сам Шепилов позднее вспоминал, что Хрущев долго и подробно разъяснял ему и командарму прописные истины: что солдата нужно хорошо кормить и не допускать перебоев в питании, мытье, и т. д. Все это начальнику политотдела армии было хорошо известно, но ему понравилось, что член Верховного фронта так глубоко вникает во все мелочи армейской жизни.

А вот мнение о Хрущеве маршала А. Василевского: «Хрущев был человеком энергичным, смелым, постоянно был в войсках, никогда не засиживался в штабах и на командных пунктах, стремился видеться и разговаривать с людьми, и, надо сказать, люди его любили».

В сентябре советские войска форсировали Днепр, а 6 ноября 1943 года части именно 1-го Украинского фронта взяли Киев. Хрущев в числе первых вступил в освобожденный город. 8 ноября Хрущев как первый секретарь ЦК КП(б) Украины направил Сталину письмо «О положении в Киеве», где говорилось о том, что вследствие больших разрушений и угона жителей Киев производит впечатление умершего города.

Перед началом штурма Киева Хрущев поручил командирам наступающих частей подготовить специальные группы для того, чтобы после вступления в город обезвредить мины, заложенные немцами под общественные здания: ЦК партии, штаб КОВО, Совнарком, Академию наук. Такие группы были созданы и сработали успешно — многие здания удалось сохранить.

Позднее Хрущев вспоминал: «Мы ликовали, торжествуя свою победу, освободив родной Киев. Наши войска продолжали наступать, а я с коллегами срочно занялся налаживанием производства и воссозданием на местах государственных и партийных органов, чтобы начать заново всю работу. Прежде всего надо было организовать хлебозаготовки. В хлебе нуждалась вся страна, народ просто голодал. Требовалось сделать максимум, чтобы получить побольше зерна. В 1943 году на Украине был очень хороший урожай. Прошла снежная зима, выпали нормальные летние осадки, поэтому и урожай был хорошим. Следовало срочно организовать заготовку хлеба, чтобы оказать стране посильную помощь». И хотя-для Никиты Сергеевича война во многом как бы закончилась, потому что ему

пришлось переключиться на мирное строительство, восстановление ставшей для него родной Украины, он все-таки оставался членом Военного Совета 1-го Украинского фронта и продолжал бывать в зоне боевых действий.

Какую роль в политической судьбе Хрущева сыграла война? Его английский биограф пишет:. «Затем пришла война. Одетый теперь в военную форму Хрущев, став политическим советником некоторых из наиболее способных генералов, впервые попал в мир, далекий от замкнутого кремлевского круга. Он оказался на стороне солдат против своих собратьев — партийных головорезов. Он непосредственно ощутил горькую ненависть к режиму, к тому режиму, с которым был связан и он сам; эту ненависть продемонстрировал простой народ Украины в самом начале войны. Наконец, Хрущев своими же глазами узрел страшные страдания, которые вынужден был испытывать народ, а также увидел, как этот народ, невзирая на свои страдания, встал против немцев, на которых сначала смотрел как на освободителей, и начал бороться с ними не на жизнь, а на смерть, возведя в полубоги Сталина, недостойного его доверия. Не было такого партийного вождя, за исключением А. А. Кузнецова, прошедшего осаду Ленинграда и вскоре после этого расстрелянного Сталиным, который столь же долго, как и Хрущев, на себе испытывал и столь же ясно представлял по своему опыту подлинную жизнь в Советском Союзе при Сталине. Я полагаю, что это и изменило Хрущева».

Однако с подобным мнением трудно согласиться. Конечно, война определенным образом повлияла на мировоззрение и ценностные установки Хрущева, но никак не изменила его сущности высокопоставленного партийного функционера, для которого главное — удержаться на плаву и по возможности продвинуться дальше вверх по номенклатурной иерархической лестнице.

Глава 4
Восстановление

Мы добились больших успехов в строительстве, создании могучей индустрии, перестройке сельского хозяйства, подъеме культуры, науки, искусства. Народ пробудил свои силы и создал такую сильную державу, какой является Советский Союз.

Н. Хрущев

Уже с лета 1943 года Хрущев вновь начинает руководить деятельностью Политбюро и Секретариата ЦК КП(б) Украины, которая постепенно, область за областью, освобождалась от врага. После взятия нашими войсками Киева Хрущев был в Москве, и Сталин сказал ему:

— Сейчас, видимо, надо будет вам сосредоточить свое внимание на партийной работе и на работе по восстановлению государственных органов республики, ее областей и районов. Сейчас посевы и хлеб, сахар, уголь и металл — вот главное. Вы остаетесь членом Военного Совета, как и были, 1-го Украинского фронта, время от времени сможете выезжать на фронт, но главные усилия, главную энергию вы должны посвятить восстановлению республики.

В то время ЦК партии и Совнарком находились в Харькове. Хрущев с ноября 1943 года попеременно бывал то в Харькове, то в Киеве. Позже он поставил перед Сталиным вопрос о переводе государственных и партийных органов в Киев. 6 февраля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета УССР Хрущев, оставаясь первым секретарем ЦК партии, назначается председателем Совета Народных Комиссаров республики. Выступая в этом качестве на VI сессии Верховного Совета Украины 1 марта 1944 года, он говорил о первоочередных задачах восстановления народного хозяйства и преодолении последствий войны. А работа предстояла большая, ведь значительная часть экономического потенциала Украины была разрушена.

Когда 17 апреля 1944 года Хрущеву исполнилось 50 лет, он получил второй орден Ленина. Частично это было и признанием его военных заслуг. К слову сказать, Хрущев никогда не считал

себя военным человеком, однако в его личном мужестве ни у кого сомнений не возникало.

«Когда завершилась великая эпоха войны народов СССР против гитлеровского нашествия, — вспоминает Хрущев, — смешались воедино радость от уничтожения врага и высокое чувство морального удовлетворения от нашей победы. Фраза из Священного писания, когда-то повторенная Александром Невским: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», — в то время была у всех на устах и наконец-то воплотилась в жизнь в результате нашей победы. Когда я узнал, что Германия капитулировала, радость моя была невероятной. Да и все у нас радовались… Победа! Всеобщее ликование! Целовались, обнимались, торжествовали. Я тоже переживал все это».

Однако приходится признать, что военные заслуги Хрущева Сталин оценивал не очень высоко. Являясь членом Политбюро, Хрущев, однако, не входил в сослав Государственного Комитета Обороны. Выше звания генерал-лейтенанта он не поднялся, в то время как Жданов, Щербаков и Мехлис стали генерал-полковниками, а Булганин — даже маршалом.

Хрущев немало рассказывает о минувшей войне. Много страниц занимают его размышления о роли сонников в войне. Никита Сергеевич приводит слова Зигалина, высказываемые им не раз, что если бы США им не помогли, мы бы не выдержали и войну проиграли. Сам Хрущев разделял эту сталинскую точку зрения. Но при этом он постоянно подчеркивает, что США и Англия помогали нам, чтобы мы перемалывали живую силу общего врага». Таким образом, они нашими руками, нашей кровью воевали против гитлеровской Германии.

Хрущев признает, что почти вся наша артиллерия была на американской тяге и что американская техника, в отличие от нашей, была высокого качества. Как бы подводя итоги своим размышлениям о роли союзников в войне, Хрущев пишет, «что надо честно признать вклад наших союзников в разгром Гитлера. Если бы они не помогали, то мы бы не победили, не выиграли эту войну, потому что понесли слишком большие потери в первые дни войны». Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с этим мнением, однако вряд ли кто будет оспаривать, что для второй половины 60-х годов это были слова смелого и мужественного человека.

Однако и после окончания войны на территории Украины не было спокойствия. Здесь основные сельские районы, особенно глубинка, зачастую контролировались повстанцами-«оуновцами» (организация украинских националистов). Многие местные жители их поддерживали, предоставляя повстанцам, которых

насчитывалось до 20 тысяч человек, еду и жилье. Являясь поборниками независимости Украины, повстанцы-бандеровцы громили органы советской власти, убивали активистов. Ситуация была настолько сложной, что, не надеясь на собственные силы, Хрущев направил в декабре 1945 года докладную, в которой сообщал об активизации украинских националистов в Западной Украине в связи с приближением выборов в Верховный Совет СССР и просил помочь войсками Прикарпатского и Львовского военных округов.

В это время Хрущев много внимания уделяет восстановлению промышленного потенциала Украины. В угольной промышленности был взят курс на создание мелких шахт, где разрабатывались верхние пласты. Все это позволяло при незначительных затратах добывать необходимое количество угля. Проводилась большая работа по восстановлению металлургии, машиностроения, легкой промышленности.

В девятом томе «Истории Украинской ССР (1945 — начало 60-х годов), изданном в Киеве в 1985 году, деятельность Никиты Сергеевича Хрущева по-прежнему замалчивается, его имя отсутствует в именном указателе, а на страницах тома можно лишь встретить упоминание, что Хрущев являлся первым секретарем ЦК КП(б)У и Председателем Совнаркома (с марта 1946-го года — Совета Министров) УССР. Между тем, Хрущев после окончания войны с головой уходит в решение сложнейших проблем восстановления народного хозяйства республики. На Украине было сожжено или разрушено 714 городов и поселков городского типа и более 28 тысяч деревень, более 16 тысяч предприятий. Прямой ущерб составлял (по ценам до 1961 года) 285 млрд. рублей.

В августе 1946 года на восьмой сессии Верховного Совета УССР принимается. «Закон о пятилетием плане восстановления и развития народного, хозяйства Украинской ССР на 1946–1950 гг.». Была намечена широкая программа восстановления экономики Украины. Хрущев, верный себе, в это время особенно часто посещал фабрики и заводы, многие из которых вновь строились чуть ли не с «нуля», встречался с людьми, обсуждая с ними самые насущные вопросы жизни.

Послевоенное общество во многом еще продолжало жить по законам военного времени, но в массовом сознании все более явно формировался новый образ жизни, в основе которого — надежда и вера. Надежда на лучшую жизнь подпитывала массовый энтузиазм послевоенного восстановления. Хрущев ощущал это достаточно отчетливо. В 1946 году после встречи с ним писатель Александр Фадеев записал в дневнике: «Его

обаяние в цельности народного характера. Ум его тоже народный — широкий и практический И полный юмора. Все это необыкновенно гармонирует с его внешним обликом. И хотя он русский, трудно было найти другого такого руководителя для Украины». Однако над Хрущевым уже сгущались тучи.

Летом 1946 года Украину поразила тяжелая засуха, затронувшая также Молдавию и Поволжье. В городах населению хлеб выдавали по карточкам, а в селе начался голод. Государству надо было сдать 400 млн пудов зерна, однако Украина собрала в 1946 году лишь 200 млн пудов. Хрущев обратился к Сталину с просьбой о помощи. Такая помощь была оказана, что несколько сгладило остроту продовольственного кризиса на Украине. Однако сам Хрущев оказался в опале. Сталин высказал свое неудовольствие тем, что украинское руководство оказалось не на высоте.

В феврале 1947 года ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об укреплении партийной и советской работы на Украине». В республику для усиления был направлен Каганович, который 3 марта на пленуме ЦК КП(б) Украины избирается первым секретарем; Хрущев остался на посту Председателя Совета Министров УССР. Конечно, для него это была серьезная пощечина, однако никакого неудовольствия Хрущев не выказывал, прекрасно понимая, что все зависит от Сталина. Впрочем, уже в декабре 1947 года Каганович возвращается в Москву, и Хрущев вновь становится «главным коммунистом» в республике. А пост Председателя Совета Министров занимает Д. Коротченко.

1947 год выдался урожайным. План хлебозаготовок Украина выполнила досрочно. Однако коллективизация на территории Западной Украины сталкивалась с большими трудностями. Здесь преобладали индивидуальные крестьянские хозяйства, а сами селяне отрицательно относились к колхозам. По данным на 1 января 1948 года, в западных областях Украины было коллективизировано чуть больше 10 % хозяйств. Немало проблем было и на территории левобережной Украины.

Считая, что в колхозах необходимо прежде всего укрепить дисциплину, 10 февраля 1948 года Хрущев направляет Сталину и Берии докладную записку (копию). Несмотря на то, что «подавляющее большинство колхозников принимают активное участие в борьбе за быстрый подъем колхозов», говорит Хрущев, «во многих колхозах имеются еще отдельные лица, не желающие приобщаться к общественно-полезному труду. Многие из них разложились, стали на порочный путь еще во время немецкой оккупации и не хотят возвращаться к честному труду. Колхозники

резко отрицательно настроены против таких людей, но многие боятся открыто выступать с их разоблачениями, опасаясь мести с их стороны. Был ряд случаев, когда преступные элементы убивали активистов или сжигали их дома и имущество в отместку за разоблачения. Привлечение к ответственности за уклонение от работы (6 месяцев принудительного труда) не помогает. Поэтому следует принять закон, который предоставлял бы общим собраниям колхозников право выносить приговоры о выселении наиболее злостных и неисправимых преступников и паразитических элементов. Предлагаемыми мерами нужно будет пользоваться только в тех селах и колхозах, где действительно есть необходимость обезопасить общество от преступных элементов».

Ответом на это предложение Хрущева стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» под грифом «Не подлежит опубликованию». В этом указе идея Хрущева была законодательно закреплена. Общим собраниям колхозников и общим собраниям крестьян сел и деревень, за исключением западных областей Украины и Белоруссии, было предоставлено такое право.

Незадолго до отзыва Хрущева с Украины во Львове был прямо в своей квартире в ноябре 1949 года зарублен топором известный писатель Ярослав Галан, выступавший против униатской церкви. Узнав об этом, Сталин заявил, что органы безопасности плохо борются с бандитизмом в Западной Украине. Туда была направлена группа сотрудников МГБ из Москвы во главе с генералом П. Судоплатовым. Над Хрущевым нависла угроза очередной опалы, а ведь лишь недавно Сталин вернул его на пост «вождя» Украины. Он прибыл во Львов и взял под личный контроль розыск убийц Галана.

Судоплатов свидетельствует, что Хрущев выдвинул идею ввести для жителей Западной Украины специальные паспорта, а молодежь мобилизовать на работу в шахтах Донбасса и учебу в фабрично-заводских училищах восточной Украины. Он считал, что это лишит пополнений формирования бандеровцев. Судоплатов на это возразил, что подобные шаги лишь вызовут ожесточение местного населения, а молодежь уйдет в леса и вольется в ряды мятежных отрядов «оуновцев». Эти слова Судоплатова вызвали раздражение у Хрущева. Однако в конечном итоге идеи Хрущева были похоронены. Более удачным оказался шаг, предпринятый в конце 1949 года: всем, кто добровольно сдаст оружие, объявлялась амнистия. Уже в первую неделю 1950

года оружие сдали 8 тысяч человек. Тогда же выяснилось, что более половины из них составляли молодые люди от пятнадцати до двадцати лет, которые бежали в лес, прослышав о том, что их будут в принудительном порядке отправлять на донбасские шахты.

И все же в непростых условиях послевоенного времени Хрущев сумел немало сделать для восстановления народного хозяйства, налаживания нормальной жизни населения. Он часто встречался и беседовал с людьми, старался ответить на волнующие их вопросы. Немало приходилось ему заниматься проблемами молодежи. Тогда секретарем ЦК ЛКСМ Украины был В. Семичастный. Позднее он вспоминал, как однажды пришел к Хрущеву с докладной запиской. Тот стал ее читать и пункт за пунктом вычеркивал. Потом посмотрел на Семичастного и говорит:

— Слушай, что ты все соглашаешься, почему не возражаешь?

— Что ж я Вам возражать буду?

— Но ты же, наверное, с секретарями ЦК комсомола сидел, готовился, прежде чем ко мне идти, вопросы-то, очевидно, обдумывал? Так защищай, доказывай!

Хрущев, находясь на Украине и занимаясь повседневными делами, не был оторван от внутриполитической жизни. Он часто приезжал в Москву, встречался со Сталиным. Как член Политбюро, Хрущев был посвящен во многие перипетии кремлевских интриг и властных амбиций.

Верный себе, Сталин постоянно тасовал колоду своих соратников. Одних он приближал, к другим — охладевал. Но вождь все больше старел. Борьба за право наследовать его власть обострялась, что объясняет многие события и процессы, происходившие в 1946–1952 гг.

Расстановка сил в окружении Сталина была непростой. Одну группировку возглавляли Берия и Маленков. В состав ее входили Первухин, Сабуров и другие в то время не очень известные партийные и государственные деятели. Вторую группировку возглавляли Жданов, Вознесенский и Кузнецов. По свидетельству генерала Судоплатова, сам Хрущев еженедельно присутствовал на заседаниях Политбюро в Москве и был в то время близок к группе Берии и Маленкова.

Есть данные, что еще в октябре 1945 года Сталин называл своими преемниками: в партии — секретаря ЦК БКП(б) А. Жданова, в правительстве — председателя Госплана Н. Вознесенского. В начале 1946 года становится секретарем ЦК ВКП(б) и приезжает в Москву еще один ленинградец — А. Кузнецов. Он вскоре возглавил и Управление кадров ЦК, заняв

место Маленкова, которому Сталин поручил курировать сельское хозяйство. Несколько позднее Маленков оказался в немилости у Сталина и в мае 1946 года был снят с поста секретаря ЦК.

Неожиданное выдвижение ленинградцев, которых опекал А. Жданов, все больше беспокоило «сталинскую гвардию» — Л. Берию, Г. Маленкова, Л. Кагановича. Не нравилось им и сближение Жданова со Сталиным.

Андрей Александрович Жданов, объективная биография которого до сих пор не написана, являясь «продуктом» эпохи и системы, вместе с тем некоторым образом выделялся из общего ряда безликих, серых и малообразованных «вождей». Он слыл интеллигентом и эрудитом, знал языки, любил музыку и играл на фортепиано.

Однако 31 августа 1948 года Жданов скончался, что заметно ослабило позиции «ленинградцев». Впрочем, Сталин по-прежнему к ним благоволил. Однажды он высказался так: «Вознесенский, по-моему, наиболее подходит на пост председателя Совмина, а Кузнецов — генерального секретаря». Но Маленкова и Берию такой расклад никоим образом не устраивал. Они готовятся организовать «контрудар», постепенно собирая компромат на новых «выдвиженцев» Сталина.

Поводом для атаки стала скандальная история с выборами нового руководства на X Ленинградской областной и VIII городской объединенной партконференции, состоявшейся в декабре 1948 года. Вскоре после завершения работы конференции в ЦК партии получили анонимное письмо, где говорилось, что результаты голосования были подтасованы:

«На X Ленинградской областной и VIII городской партконференции я был членом счетной комиссии, и мы, все 35 человек, видели, что фамилии Попкова, Капустина и Бадаева были во многих бюллетенях вычеркнуты. Однако председатель счетной комиссии тов. Тихонов объявил на этой конференции о том, что эти лица прошли единогласно, обманув таким образом свыше тысячи делегатов. Очевидно, такой же обман на районных партийных конференциях и в первичных партийных организациях, когда объявляют об единогласном избрании секретарей. Неужели это с ведома Центрального Комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов? Как это стало возможно в ленинско-сталинской партии?

Боясь репрессий — не подписываюсь».

Начинается раскрутка «ленинградского дела». В ходе проверки выяснилось, что против первого секретаря обкома и горкома П. Попкова было подано 4, второго секретаря обкома Г. Бадаева — 2, второго секретаря горкома Я. Капустина — 15

голосов. 15 февраля 1949 года Попков на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) снят с работы. 22 февраля Маленков, который в июне 1948 года вновь стал секретарем ЦК, на пленуме областного и городского комитетов партии выступил с сообщением о постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК Кузнецова и кандидатов в члены ЦК Родионова и Попкова», которые были обвинены в групповщине, противопоставлении себя Центральному Комитету партии и антиленинских методах деятельности. И начался разгром — чистки, выговоры, снятие с работы, исключение из партии. Затем последовали аресты — это уже подключился Лаврентий Берия.

В конце сентября 1950 года в Ленинграде состоялся суд, проходивший по сценарию процессов 30-х годов, без участия государственного обвинителя и защитников. А. Кузнецов, Н. Вознесенский, М. Родионов, П. Попков, Я. Капустин и П. Лазутин были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Затем прошли другие судебные процессы. Есть свидетельства, что аресты и судебные процессы продолжались вплоть до смерти Сталина. Как заявил в мае 1954 года Генеральный прокурор СССР Р. Руденко, репрессиям было подвергнуто более 200 человек. Так Маленков и Берия избавились от конкурентов. Однако они и предположить не могли, что тем самым расчистили путь к власти для Хрущева.

Глава 5
Ближний круг

Миром правят судьба и прихоть.

Ларошфуко

Сохранилась фотография, сделанная на торжественном заседании в честь 70-летия Сталина — справа от юбиляра сидит Мао Цзэдун, слева — Хрущев. В это время Сталин особенно приблизил его к себе. Он настолько доверял Хрущеву, что именно ему решил поручить наведение порядка в московской парторганизации.

Вернулся Хрущев в Москву в 1949 году, незадолго до юбилея вождя. В своих мемуарах он так вспоминает об этом:

«Однажды, когда я был во Львове и проводил собрание среди студентов института лесного хозяйства, в котором украинские националисты убили писателя Галана, мне неожиданно позвонил Маленков и сказал, что Сталин вызывает меня в Москву.

— Насколько это срочно? — спросил я.

— Очень срочно. Вылетай самолетом завтра утром. Я отправился в путь, будучи готовым ко всему и пытаясь представить себе всевозможные неприятности, которые меня ожидают. Я не знал, каким будет мое положение, когда я вернусь на Украину, и вернусь ли я туда вообще. Однако мои страхи были необоснованными. В Москве Сталин оказал мне теплый прием.

— Скажи-ка мне, — начал он, — не думаешь ли ты, что вполне достаточно побыл на Украине? Ты превращаешься в обычного украинского агронома! Пора возвратиться на работу в Москву. Мы считаем, что тебе следует вновь занять пост первого секретаря Московского городского и областного комитетов партии.

Я поблагодарил его за доверие…

— …Ты нужен нам здесь. Дела идут не блестяще. Обнаруживают заговоры… Пока мы раскрыли заговор в Ленинграде, но Москва также кишит антипартийными элементами. Мы хотим превратить этот город в бастион Центрального Комитета».

Стареющий Сталин становился все более подозрительным. Хрущев знал, что еще весной 1949 года Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел, а Микоян — министра внешней торговли. Правда, оба они оставались членами Политбюро и заместителями председателя Совмина СССР. В

своих мемуарах Хрущев, говоря об «опале» Молотова, прямо связывает это с арестом Полины Жемчужиной, его жены, и «еврейским делом».

В Москве Хрущев сменил на посту первого секретаря МК и МГК партии Г. Попова, который был обвинен в заговорщической деятельности, но все ограничилось лишь опалой со стороны Сталина. В воспоминаниях Хрущев говорит, что, по сути дела, именно он спас опального московского «вождя» от гнева «хозяина».

Близилось 70-летие Сталина. Хрущев, который являлся еще и секретарем ЦК ВКП(б), принимал самое непосредственное участие в подготовке торжеств. В печати и на радио нарастал поток славословия в адрес «вождя». Отовсюду поступали производственные рапорты о выполненных обязательствах соревнования в честь 70-летия Сталина. Естественно, в эти восхваления включился и Хрущев. «Самые глубокие чувства любви и преданности, — говорил он, — миллионы людей обращают к Сталину, который вместе с Лениным создал великую партию большевиков, наше социалистическое государство, обогатил марксистско-ленинскую теорию и поднял ее на новую, более высокую ступень. Вот почему все народы нашей страны с необыкновенной теплотой и сыновней любовью называют великого Сталина своим родным отцом, великим вождем и гениальным учителем».

Тогда же Никита Сергеевич впервые увидел Мао Цзэдуна, который незадолго до этого, в октябре 1949 года, стал правителем громадного Китая. Позднее Хрущев еще не раз будет встречаться и беседовать с ним, а свой первый зарубежный визит совершит именно в Китай, в связи с празднованием в 1954 году 5-летия образования КНР.

По указанию Сталина 5 октября 1949 года «Правда» поместила на своих страницах статью «Историческая победа китайского народа» и портреты Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. Вскоре после этого китайский вождь был приглашен в Москву на 70-летие Сталина.

Хрущев не присутствовал на официальных встречах советского руководства с Мао Цзэдуном, но был на торжественном обеде, который Сталин давал в честь китайской делегации, и на последующей беседе. Он свидетельствует, что в поведении Сталина, несмотря на всю его вежливость, чувствовалось какое-то высокомерие в отношении Мао. Впрочем, в то время не эти далекие от него проблемы заботили Хрущева.

Считая себя специалистом в сельском хозяйстве (он об этом прямо говорит в мемуарах), Хрущев после возвращения с

Украины энергично берется за подъем села в Московской области. В конце 40-х годов по всей стране началось укрупнение колхозов. Это был как бы второй виток коллективизации, когда режим стремился еще более ужесточить контроль за селом, окончательно централизовать управление крестьянами. 30 мая 1950 года принимается постановление ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» с положительной оценкой уже проведенной работы.

4 марта 1951 года в газете «Правда» была опубликована статья Хрущева «О строительстве и благоустройстве в колхозах», в которой говорилось: «Одним из наиболее важных вопросов является сселение мелких деревень, строительство новых колхозных сел и поселков, благоустройство их». По сути дела, впервые высказывалась озабоченность неудовлетворительными условиями жизни в деревне. Но в статье, помимо прочего, были высказаны предположения ограничиться небольшим размером приусадебного участка в 10–15 сотых гектара и о созданий агрогородов.

Статья вызвала серьезное недовольство Сталина. Второго апреля того же года принимается закрытое письмо ЦК «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», где говорилось, что среди части партийных и советских работников наблюдается ошибочное представление по ряду важнейших вопросов колхозного строительства на современном этапе. Допускается потребительский подход, выражающийся в подмене главной — производительной — задачи в сельском хозяйстве задачей немедленного переустройства быта колхозников. Ошибочно предлагается форсированное массовое сселение деревень в крупные «колхозные поселки, агрогорода», а также сокращение приусадебных земель колхозников. В письме особо подчеркивалось, что аналогичные просчеты допущены также в известной статье Хрущева, который полностью признал ошибочность своей статьи.

Хрущев постарался побыстрее исправить свой промах. «Дорогой товарищ Сталин, — витийствовал он в докладной записке на имя «хозяина». — Вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки… После ваших указаний я старался глубже продумать эти вопросы… Опубликовав неправильное выступление, я совершил грубую ошибку и тем самым нанес ущерб партии… Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью… Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мною грубую ошибку и тем

самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением».

Ход Хрущева оказался верным. Сталин простил его, но, как говорили, заявил при этом: «Хрущев болен манией вечных реорганизаций, и за ним следует внимательно следить».

В эти годы в характере Хрущева начинают проявляться черты нетерпимости, мстительности, он временами становится грубым и даже безжалостным. Похоже, что он успешно овладевал сталинским «стилем работы». В апреле 1950 года Московский горком партии созвал совещание по вопросам совершенствования партийного руководства сельским хозяйством. Хрущев, который председательствовал на этом совещании, бросал такие реплики: «Разобраться и наказать!», «За формальное отношение под суд отдавать будем!», «Выгнать к чертовой матери», «Исключить из партии».

Между тем в окружении Сталина обостряется борьба за власть, а сам стареющий вождь неожиданно отдает на заклание своих самых преданных слуг. В мае 1952 года по докладу Маленкова о злоупотреблениях в девятом управлении МГБ Сталин приказал арестовать генерала Н. Власика, начальника своей охраны. Оказался в опале и генерал Поскребышев.

Как вспоминает Хрущев, в 1952 году Сталин предложил провести XIX съезд партии. Со времени предыдущего съезда прошло тринадцать лет. Развернулась подготовка к съезду. Сталин долгое время ничего не говорил ни о повестке дня, ни о том, кто выступит с основными докладами. Его соратники гадали, сам ли Сталин выступит с отчетным докладом, или поручит кому-то другому. Наконец, вождь объявил, что отчетный доклад сделает Маленков, Хрущев выступит с докладом об уставе партии, а председатель Госплана Сабуров — о пятилетием плане развития народного хозяйства.

Это решение Сталина говорило о том, что, стремясь сохранить баланс власти «Маленков — Хрущев», он все же в 1952 году отдавал некоторое предпочтение первому. Хрущев признает, что поручение сделать доклад об уставе партии было для него большой честью, но и вызвало немалые трудности. Однако доклад был подготовлен в срок. Сталин его не читал, но прочли Берия и Маленков.

В августе 1952 года было опубликовано постановление пленума ЦК партии о созыве XIX съезда, а также проект декретов по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы и проект нового устава ВКП(б). Сам съезд проходил с 5 по 14 октября 1952 года. Однако основные события развернулись после съезда; на первом заседании пленума нового ЦК КПСС.

Хрущев вспоминает:

«Сталин лично открыл первый после съезда пленум Центрального Комитета и предложил создать Президиум в составе 25 человек. Он вытащил какие-то листки бумаги из кармана и зачитал нам список членов Президиума. Предложение и кандидатуры были одобрены без обсуждения. Все мы слишком привыкли к таким недемократическим методам. Когда Сталин предлагал что-нибудь, не было ни вопросов, ни комментариев. «Предложение» Сталина считалось проявлением божьей воли: а разве может вызывать сомнение то, что говорит вам бог? Вы должны лишь благодарить и повиноваться. Пока Сталин зачитывал список, мы ерзали на своих местах, опустив глаза. 25 человек! В столь большом коллективе будет, без сомнения, трудно работать и решать оперативные вопросы».

А вот свидетельство Константина Симонова о речи Сталина на пленуме:

«Говорил он от начала и до конца все время сурово, без юмора, никаких листков или бумажек… и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади». Когда Сталин обрушился на Молотова и Микояна, это было настолько неожиданно, что Симонов вначале не поверил своим ушам.

«В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица. Они не знали так же как и мы, где и когда, и на чем остановится Сталин, не шагнет ли он после Молотова, Микояна еще на кого-то. Они не знали, что еще предстоит услышать о других, а может быть, и о себе. Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми».

На верхах партийной иерархии произошли заметные изменения. Партия стал называться КПСС. Политбюро упразднялось, и вместо него создавался Президиум ЦК в составе 36 человек (25 членов и 11 кандидатов). Однако Сталин предложил создать в рамках этого громоздкого Президиума еще и бюро в составе девяти человек, которых он также назначил лично. Помимо Сталина это были Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Сабуров, Первухин и Булганин. Однако обычно Сталин собирал только «пятерку»: сам Сталин, Хрущев, Берия, Маленков, Булганин. Так-что все основные решения по-прежнему принимались келейно, в узком кругу, то есть, как говорит Хрущев, «теми же методами и тем же порядком, как это вошло в практику Сталина после 1939 года».

Было упразднено Оргбюро ЦК партии, а всей текущей организационной работой отныне стал заниматься Секретариат ЦК. В него были избраны: А. Аристов, Л. Брежнев, Н. Игнатов, Г. Маленков, Н. Михайлов, Н. Пегов, П. Пономаренко, И. Сталин, М. Суслов, Н. Хрущев.

Все говорило о том, что Сталин задумал новую чистку в высшем руководстве. Жертвами могли стать Молотов, Микоян и Ворошилов. Как вспоминает Хрущев, Сталин выступил на пленуме «с весьма неожиданными и путаными объяснениями» по поводу того, почему Молотов и Микоян не заслуживают доверия партии. Он сказал, что они, вполне возможно, являются агентами некоторых западных правительств.

Однако, по мнению историка Н. Барсукова, Сталин руководствовался иными мотивами, расширяя состав партийной верхушки после XIX съезда. Вождь сознавал, что культ личности умрет вместе с ним. «Другого Сталина» он не видел. Поэтому альтернативу своей власти Сталин усматривал только в коллективном руководстве. Одновременно с этим он стремился заблокировать возможные диктаторские поползновения кого-либо из своего ближайшего окружения. Именно поэтому Сталин довел Президиум ЦК КПСС до 36 человек, где «старая гвардия» составляла меньшинство.

Острая внутриполитическая борьба за власть при дряхлеющем «Хозяине» вызвала новый виток антисемитизма — «дело врачей». Все перипетии его до сих пор не известны, однако есть немало свидетельств, что Сталин, опираясь на «дело врачей», при помощи Маленкова и Хрущева собирался провести чистку и отстранить Берию. В то же время и Маленков не пользовался полным доверием «Вождя». Недаром врачей обвиняли в убийстве главных соперников Маленкова — Щербакова и Жданова.

В мемуарах Хрущев довольно жестко отзывается об антисемитизме Сталина, считая, что тот во всем стремился видеть происки американского империализма, действующего через сионистов. Он говорит:

«Я стараюсь отдать должное Сталину признать его заслуги, но нет оправдания тому, что, с моей точки зрения являлось одним из главных недостатков его характера, враждебному отношению к еврейскому населению. Будучи руководителем и теоретиком, он в своих трудах и выступлениях не делал и намека на присущий ему антисемитизм. И боже упаси, если кто-нибудь осмеливался предать гласности его высказывания в узком кругу, которые отдавали острым привкусом антисемитизма. Когда Сталин говорил о еврее, он часто придавал своей речи хорошо известный и сильно преувеличенный еврейский акцент. Именно

так поступают тупоголовые, отсталые люди, презирающие еврейское произношение, когда они высмеивают отрицательные черты евреев».

Свидетельством тому, что «дело врачей» явилось очередной политической кампанией, является история с письмом врача Кремлевской поликлиники Лидии Тимашук. Считается, что письмо это было отправлено Сталину в 1952 году и стало первотолчком к аресту врачей. Однако заведующая кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы Тимашук направила свое письмо еще в августе 1948 года. При этом никаких обвинений в адрес врачей-евреев она не выдвигала, а лишь говорила о недостатках лечения Жданова. Тогда же Сталин ознакомился с этим письмом и наложил резолюцию «В архив». Записка Абакумова от 30 августа 1948 года на имя Сталина по поводу этого письма Тимашук приводится в книге генерала Судоплатова «Спецоперации». А когда это письмо понадобилось, оно было извлечено из архива и использовано в целях политической борьбы.

Мемуары Хрущева субъективны, наполнены эмоциями и не всегда верными суждениями. Однако вполне вероятно, что Сталин активно подталкивал следствие по «делу врачей». Хрущев вспоминает, что он не раз в присутствии своих приближенных кричал по телефону на тогдашнего министра государственной безопасности С. Игнатьева, требуя, чтобы тот посадил врачей в тюрьму, избил их по потери сознания и стер в порошок. «Неудивительно, — свидетельствует Хрущев, — что почти все врачи сознались в преступлениях. Я не могу винить их за то, что они клеветали на самих себя. Передо мной прошло слишком много людей — честных и предателей, настоящих революционеров и саботажников, — и все они сознавались».

Раздумывая о событиях, связанных с «делом врачей», Хрущев говорил:

«Сталинское понимание бдительности превратило наше общество в сумасшедший дом, в котором каждого человека поощряли выискивать несуществующие факты в отношении всех других людей. Сына восстанавливали против отца, отца против сына и товарища против товарища. Это называлось «классовым подходом» Я понимаю, что классовая борьба неизбежно восстанавливает одних членов семьи против других, безжалостно ломает семьи. Классовая борьба определяет позицию каждого члена семьи. Я приветствую неослабевающую классовую борьбу. Она необходима для построения социализма и достижения лучшего будущего. Классовая война — не праздничный парад, а кровавая, мучительная битва. Я знаю это. Я сам принимал

участие в классовой борьбе. Я усвоил классовый подход во время гражданской войны… Ленин, глядя далеко вперед, проявлял необычайную сдержанность и гуманность. Он делал все возможное, чтобы не причинить вреда невинным людям… Однако ленинский период остался позади. Мы вступили в сталинский период, и неразумная политика, политика больного человека, терроризировала всех нас».

Подход Хрущева совершенно однозначен — не трожь своих! То, что именно с Ленина начинаются избиения и репрессии без суда, — это «классовый подход». Но нельзя уничтожать своих! Размышляя об этом, Хрущев, несомненно, постоянно вспоминал и о том, сколько раз смертельная опасность висела над ним. Недаром, диктуя свои мемуары, он обронил:

— Все мы, ближайшее окружение Сталина, были временными жильцами на этом свете. Пока он доверял хоть в какой-то степени, вы могли жить и работать. Но как только Сталин переставал вам верить, он начинал с подозрением присматриваться к вам, пока чаша недоверия не оказывалась переполненной. Тогда наступала ваша очередь последовать за теми, кого уже не было в живых.

По воспоминаниям Хрущева, Сталин тогда часто приглашал всех в кинозал. Он сам подбирал кинофильмы для показа. Главным образом, это были трофейные кинокартины. Он очень любил американские картины про ковбоев. Фильмы шли без титров, и их с ходу переводил министр кинематографии Иван Григорьевич Большаков. Он, не владея иностранными языками, зная содержание фильмов по пересказам своих сотрудников. Иногда Большаков говорил невпопад, и тогда Берия над ним подтрунивал.

После этого обычно следовало приглашение на обед к Сталину. Хрущев свидетельствует, что того очень угнетало одиночество. Сталин нуждался в том, чтобы около него постоянно находились люди. Хрущев вспоминает:

«Эти обеды были ужасны. Мы возвращались домой рано утром, успевая как раз к завтраку, а затем должны были идти на работу. Днем я обычно старался вздремнуть во время перерыва, ибо если не удавалось отдохнуть и если Сталин приглашал к обеду, то всегда существовала опасность оказаться за столом в сонном состоянии, люди же, которые выглядели за столом у Сталина сонными, могли плохо кончить. Кроме того, там часто приходилось много пить. Я помню, как Берии, Маленкову и Микояну приходилось просить официанток наливать им фруктовой воды вместо вина, потому что они были не в состоянии выпить столько, сколько Сталин.

Чрезмерные выпивки за столом у Сталина начались еще до войны. До своей смерти Щербаков и Жданов больше Других злоупотребляли спиртным, и они же оказались первыми жертвами этого порока. Однажды Щербаков дошел даже до того, что во всеуслышанье разоблачил договоренность Берии, Маленкова и Микояна с официантками, которые наливали им фруктовой воды вместо вина. Когда Сталин понял, что его обманывали, он вскипел от гнева и поднял страшный шум… Пьянство довело Щербакова до смерти, но он пил не столько из-за безудержной тяги к спиртному, сколько потому, что Сталину доставляло удовольствие, когда окружавшие его люди напивались.

Есть немало свидетельств, что в последний год жизни Сталин уже ни во что не ставил своих ближайших соратников. Что сбудет после него? Смогут ли они разумно распорядиться властью? Не начнется ли грызня в его ближайшем окружении? Вопросы эти наверняка его беспокоили, но ответа на них он не находил.

Глава 6
Смерть Сталина

Великая и страшная фигура Сталина, как гвоздь в доску, вбитая в великое и страшное столетие, до сих пор окутана прямо-таки мистическим туманом.

А. Бушков

Подобным туманом окутаны и последние дни жизни Сталина. Множество свидетельств, воспоминаний, документов — и, вместе с тем, полное отсутствие ясности. Да и слишком этапной стала эта дата — 5 марта 1953 года, для страны, для всего мира, чтобы то, что тогда происходило, получило однозначную оценку.

В официальной интерпретации событий, связанных с болезнью и смертью Сталина, немало неувязок и неясностей. В правительственном сообщении, опубликованном только 4 марта, говорится: «В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, охватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

Однако большинство источников свидетельствует, что удар со Сталиным случился не на квартире в Кремле, а на Кунцевской даче. Что же касается конкретной даты, то здесь имеются довольно существенные расхождения. Сам Хрущев называл разные даты — и 28 февраля, и 1 марта. Даже в последнем по времени источнике — своих мемуарах — он говорит, что Сталин заболел в феврале (т. е. 28 февраля, В Субботу), однако тут же рассказывает, что он, Маленков, Берия и Булганин ушли с дачи после обильного ночного ужина часов в пять или в шесть утра в воскресенье, 1 марта. Сталин вышел проводить их, был в хорошем настроении и много шутил.

Удар же у него произошел, видимо, днем или под вечер 1 марта, потому что, когда четверка «вождей», вызванная охраной, приехала вечером на дачу, Сталин, видимо, уже несколько часов был без сознания. Однако далее следует совершенно необъяснимое: соратники не только не вызвали врачей, но и сами не стали выяснять, что со Сталиным, а преспокойно разъехались по домам. Они решили, что Сталин «просто заснул».

Спустя какое-то время снова последовал тревожный звонок от

охраны. На этот раз уже вызвали врачей, а также пригласили Кагановича и Ворошилова. Происходило это ночью или ранним утром 2 марта. Вскоре на дачу к тяжело больному отцу вызвали Светлану Аллилуеву и Василия Сталина. «Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного, — вспоминает Светлана, — ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на шею и на затылок, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрерывно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни… Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти». И опять же странная деталь: «незнакомые врачи».

Абдурахман Авторханов, пытаясь объяснить многие несовпадения и неясности, связанные с болезнью и смертью Сталина, считает, что тот умер в результате заговора, который явился последним актом продолжительной послевоенной трагедии. Предназначенные к гибели «герои» умертвили «бессмертного», чтобы самим остаться в живых. Уже в своей книге «Технология власти» (1959) Авторханов написал, что, вероятно, загадочная смерть Сталина последовала в результате заговора Берии, Маленкова, Хрущева и Булганина. А в книге «Загадка смерти Сталина» Авторханов подробно рассматривает эту версию.

Так был ли заговор против Сталина? Прямых свидетельств этому нет. Но как понять, к примеру, следующее высказывание Хрущева на митинге 19 июля 1964 года, устроенном в честь венгерской делегации во главе с Яношем Кадаром: «Сталин стрелял по своим. По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем… В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли также от топора, как сами свою власть поддерживали топором», А самое главное — почему слова о тиранах, если они напрямую не касались Сталина и его судьбы, в наших газетах не напечатали, хотя их слышали по радио и в Европе?

Косвенно заговор признается и в постановлении ЦК от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий»: «XX съезд партии и вся политика ЦК после смерти Сталина ярко свидетельствуют о том, что внутри ЦК партии имелось сложившееся ленинское ядро руководителей». Здесь как бы подтверждается, что именно это «ленинское ядро» противостояло Сталину и в конечном счете сумело положить конец его безумствам.

Имеются и более определенные свидетельства, которые, впрочем, тоже трудно признать полностью достоверными. Такова, к примеру, версия Ильи Эренбурга, который в 1956 году рассказывал французскому философу и писателю Жану Полю

Сартру, что 1 марта 1953 года (!) состоялось заседание Президиума ЦК партии. На нем Лазарь Каганович потребовал от Сталина создать комиссию по объективному расследованию «дела врачей» и отменить намеченную депортацию евреев. Каганович был поддержан всеми присутствующими, кроме Берии. Сталин расценил подобное единодушие как заранее подготовленный заговор и пришел в ярость. Однако «оппозиционеры» не отступились от своего, более того, Каганович демонстративно разорвал свой партбилет (или удостоверение члена Президиума ЦК КПСС?). Именно тогда Сталина хватил удар. Однако врачей к нему вызвали только утром 2 марта.

По версии бывшего члена Президиума и секретаря ЦК партии, позднее — посла СССР в Нидерландах Пономаренко, которую он изложил в 1957 году, все это произошло на заседании Президиума ЦК в конце февраля (28 февраля?), где обсуждали «дело врачей» и проект декрета о депортации евреев в Среднюю Азию. Против выступили Молотов и Каганович, которых поддержали остальные.

Есть и свидетельства из других источников, что готовилась массовая депортация евреев и что заместитель председателя Совмина Н. Булганин получил от Сталина задание — подготовить для этой цели железнодорожные эшелоны. Авторханов полагает, что, начав дело кремлевских врачей, Сталин тем самым подписал себе смертный приговор.

В свою очередь, генерал Судоплатов свидетельствует:

«Все сплетни о том, что Сталина убили люди Берии, голословны. Без ведома Игнатьева и Маленкова получить выход на Сталина никто из сталинского окружения не мог. Это был старый человек, больной с прогрессирующей паранойей, но до своего последнего дня он оставался всесильным правителем. Он дважды открыто объявлял о своем желании уйти на покой, первый раз после празднования Победы в Кремле в 1945-м и еще раз на Пленуме Центрального Комитета в октябре 1952 года, но это были лишь уловки, чтобы выявить расстановку сил в своем окружении и разжечь соперничество внутри Политбюро».

В пятницу, 6 марта 1953 года, газета «Правда» выходит в траурном обрамлении. На первой странице сообщалось: «5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества».

Там же было напечатано обращение от ЦК КПСС, Совета

Министров Союза ССР и Президиума ВС СССР ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза.

Над страной нависло горе. В бесконечных траурных вереницах, писал в «Правде» Борис Полевой, тихо переговаривались ошеломленные смертью Сталина люди:

— Эх, если бы можно было годы ему продлить, жизнь бы для этого, не задумываясь, отдала.

— Разве только бы вы? Миллионы бы людей отдали…

Александр Корнейчук писал: «Великое горе постигло народ. Безгранична наша скорбь. В слезах Украина у гроба родного отца и учителя товарища Сталина. В эти тяжелые дни мы вспоминаем все большое и доброе, что сделал для украинского народа любимый вождь трудящихся всего мира…»

Смерть Сталина советские люди восприняли как трагедию. На собраниях принимались резолюции, где предлагалось непременно увековечить память «великого вождя и учителя». Например, СССР отныне читать как «Союз Советских Сталинских Республик», а орден Ленина преобразовать в орден Ленина — Сталина. Один из москвичей пожертвовал месячное жалованье на строительство отдельного мавзолея для Сталина. Слезы, истерика, страх перед будущим «без него»: «Что же делать? Как же мы будем жить без Сталина? Все рухнет. Теперь Запад возьмет нас голыми руками».

Встал и вопрос наследования власти. За несколько часов до смерти Сталина в Кремле собрались все члены прежнего Политбюро, высшие члены Совмина и Президиума Верховного Совета СССР. По предложению Берии главой правительства был назначен Маленков. Расширенный Президиум ЦК, созданный на XIX съезде, был упразднен. В новый состав Президиума вошли десять человек, и в том числе Хрущев. Маленков предложил объединить МВД и МГБ в одно министерство внутренних дел, а министром назначить Берию, который вдобавок к этому стал и первым заместителем Председателя Совета Министров. Хрущеву все это не понравилось, но он промолчал, как, впрочем, и Булганин. Позднее Никита Сергеевич так скажет об этих событиях:

«Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили большинством голосов, что мы склочники, дезорганизаторы, еще при неостывшем трупе начинаем в партии драку за посты».

Однако Серго, сын Берии, свидетельствует, что его отец долго не соглашался возглавить МВД. Серго пишет: «К сожалению, в своих нашумевших мемуарах Никита Сергеевич Хрущев не написал, как в течение нескольких дней просидел у нас на даче,

уговаривая отца после смерти Сталина: «Ты должен согласиться и принять МВД. Надо наводить там порядок!» Отец был вынужден согласиться. Думаю, уговаривали его с дальним прицелом — списать потом все грехи на нового главу карательного ведомства, чтобы объяснить преступления Сталина».

Как бы то ни было, в действиях Маленкова и Берии явно прослеживалась тенденция перенести центр тяжести власти из Президиума ЦК партии в Совмин: большинство членов высшего партийного руководства вошли в президиум Совмина или стали министрами.

Замысел Сталина о коллективном руководстве после его смерти не был осуществлен. Уже 5 марта, еще при живом, но лежащем в коме Сталине, его «гвардия» восстановила свое всевластие. 22 человека без всяких проблем в одночасье были выведены из Президиума ЦК. Писатель Константин Симонов, присутствовавший на этом заседании, вспоминал:

«Пятое марта, вечер. В Свердловском зале должно начаться совместное заседание ЦК, Совета министров и Верховного Совета, о котором было потом сообщено в газетах и по радио… Несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом… сидели совершенно молча, ожидая начала. Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания».

Газета «Правда» 7 марта опубликовала состав членов Президиума ЦК КПСС согласно сложившейся на то время иерархии: Г. Маленков, Л. Берия, В. Молотов, К. Ворошилов, И. Хрущев, Н. Булганин, Л. Каганович, А. Микоян, М. Сабуров, М. Первухин. Как видно из этого перечня, Хрущев замыкает первую пятерку, опередив Булганина, Кагановича и Микояна.

В понедельник 9 марта на Красной площади в Москве состоялись похороны Сталина. Председатель комиссии по организации похорон Хрущев первым предоставил слово Маленкову. В мертвом молчании слушали люди на площади его речь:

> *«Дорогие соотечественники, товарищи, друзья!*
>
> *Дорогие зарубежные братья!*
>
> *Наша партия, советский народ, все человечество понесли тягчайшую, невозвратимую утрату. Окончил* свои *славный жизненный путь наш учитель и вождь, величайший гений человечества Иосиф Виссарионович Сталин.*
>
> *В эти тяжелые дни глубокую скорбь советского народа разделяет все передовое и прогрессивное человечество. Имя Сталина безмерно дорого советским*

людям, широчайшим народным массам во всех частях света. Необъятно величие и значение деятельности товарища Сталина для советского народа и для трудящихся всех стран. Дела Сталина будут жить в веках, и благодарные потомки так же, как и мы с вами, будут славить имя Сталина».

О чем думал в то время Маленков, произнося эти положенные по протоколу трафаретные слова? Известный американский журналист Гаррисон Солсбери вспоминает: «На Красной площади выступали с речами трое — Маленков, Берия и Молотов. Маленков, моложавый человек средних лет, был на удивление привлекателен. Он говорил на прекрасном культурном русском языке, слова использовал мягкие и, казалось, обещал какой-то новый, вполне интеллигентный режим. Берия был одновременно и заискивающ, и снисходителен к своим коллегам. Оно и понятно: все они были во власти его сил безопасности. Но больше всех поразил меня Молотов. Голос у него постоянно срывался, лицо было бело, как бумага… Молотов единственный из присутствующих говорил так, что мне передалось ощущение утраты».

Американский журналист, сторонний наблюдатель, сумел подметить, слушая Маленкова, ощущение рождающегося нового, некую надежду на перемены.

Маленков, отдавая должное «великому Сталину», вместе с тем уже тогда, в своей траурной речи, выдвинул несколько новых идей, на которые сразу же обратили внимание аналитики, особенно если сравнить его слова с тем привычно-трафаретным, о чем говорили Берия и Молотов: восхваление покойного, клятвы в верности «делу Ленина — Сталина». Для Маленкова траурная речь 9 марта стала первым публичным выступлением в качестве официального преемника Сталина, первого лица в государстве. Ведь недаром хитроумный Берия, восхваляя достижения покойного Сталина, не преминул заявить, что одним из новых важных решений стало назначение на пост Председателя Совета Министров «талантливого ученика Ленина и верного соратника Сталина» Георгия Максимилиановича Маленкова.

Несомненно, Маленков и его команда тщательно готовили это выступление, ведь от того, что будет сказано или даже прочитано между строк, зависел имидж нового лидера одного из самых могущественных к тому времени государств мира. В речи Маленкова отчетливо просматриваются прежде всего две новации. В том, что касается внутренней политики, он вполне определенно заявил, что главной задачей здесь является

дальнейшее улучшение материального благосостояния советских людей, забота о благе народа, максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей. Такой подход говорил о заметной смене приоритетов в связи с приходом нового руководства. Касаясь внешней политики, Маленков заявил о возможности и необходимости длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем — капиталистической и социалистической. В какой-то мере это было развитием идеи о мирном сосуществовании, впервые прозвучавшей еще на XIX съезде партии в отчетном докладе ЦК, зачитанном им же.

Несомненно, что в первое время после смерти Сталина именно Маленков обладал наибольшей властью. Он был главой правительства и секретарем ЦК партии, то есть занимал оба сталинских поста. Более того, Авторханов, довольно хорошо информированный исследователь, полагает, что в октябре 1952 года, после XIX съезда, Сталин ушел в отставку с поста Генерального секретаря партии, а первым секретарем стал Маленков.

Однако у Маленкова не было «божественной ауры» «Хозяина», не было у него и огромного авторитета покойного вождя. Слишком велик оказался разрыв между высящейся в небесах монументальной фигурой Сталина и приземленным, отнюдь не самым известным «учеником Ленина и соратником Сталина».

Вождь ушел из жизни, оплакиваемый народом и своими соратниками, которые клялись, что «все будет как при Сталине». Газеты были заполнены восхвалениями покойного вождя, заверениями, что его «великое дело» будет продолжено. Казалось, строй, созданный Сталиным, будет вечным.

Глава 7
Борьба за престол

Престол владыки несут связанные рабы. И горе, если освободить их: престол опрокинется, а владыку будут попирать ногами.

З. Фрейд

Положение Хрущева в системе власти после смерти Сталина можно было бы охарактеризовать как «равного среди равных». Правда, он возглавил комиссию по похоронам Сталина, но это совсем не означало, что Хрущев займет место вождя. На фотографиях, сделанных в день похорон, видно, что гроб с телом покойного у изголовья несут Маленков и Берия. На траурном митинге с трибуны мавзолея Ленина — Сталина выступали Маленков, Молотов и Берия;. Совершенно очевидно, что все эти протокольные тонкости были заранее обговорены.

После смерти Сталина в сложившейся паутине властных интриг и амбиций началась ожесточенная борьба за власть, за право наследовать престол самодержца. С уходом общепризнанного лидера-диктатора обстановка в высших властных структурах заметно изменилась. Каждый из «вождей» становился все более независимым и все активнее боролся за овладение всей полнотой власти. Именно эта ситуация и способствовала продвижению Хрущева вверх.

Среди наследников самым сильным, волевым, умным и безжалостным был Берия. В Маленкове и Молотове он не видел серьезных соперников. Хрущева же Берия вообще не принимал в расчет — слишком уж тот был для него прост, мужиковат и малообразован. Недооценили…

Хрущев же внимательно следил за ходом событий. Д. Шепилов пишет:

«Словно безнадежный картежник, одержимый страстью обогащения, пытливо всматривается в лица постоянных игроков, изучает их повадки, прикидывает, как он выведет из игры второстепенных противников, а затем, играя ва-банк, нанесет решающий удар самому опасному партнеру, — так терпеливо готовил свою игру ва-банк темный выжига из Калиновки Никита Хрущев. Фаворит Сталина, почитатель Молотова, выдвиженец Кагановича, соратник Булганина, друг Маленкова и Берии, Хрущев своими маленькими подпухшими свиными глазками

осторожно и подозрительно осматривал поле действия: что же получилось после смерти Сталина?»

Маленков, Берия, Каганович, Хрущев, Булганин — все они были опытными интриганами. Каким же было место Хрущева в первоначальном балансе политических сил?

В популярной литературе и общественном сознании сложился весьма устойчивый стереотип: уже вскоре после завершения похоронных мероприятий Хрущев начинает активно готовить свержение Берии. Он заручился поддержкой большинства членов Президиума ЦК, маршала Жукова и блестяще провел «операцию» по устранению Берии. Недаром сам Хрущев, особенно в первые годы после смещения и ликвидации Берии, обожал рассказывать об этих событиях и о собственной роли в них.

Однако весной и летом 1953 года Никита Сергеевич не фигурировал в числе ведущих лидеров партии и государства. Поэтому начало десталинизации и борьбы с культом личности вряд ли правомерно с ним связывать. Во всех документах и газетных статьях фигурировали три имени — Маленков, Берия, Молотов. Ведущую роль в этой тройке первоначально играл Маленков. Именно он сразу же после смерти Сталина вносит элементы нового в прежнюю политику.

Правда, уже 14 марта Маленков был поставлен перед необходимостью выбора между постом главы советского правительства и руководителя Секретариата ЦК партии. Он выбрал первое, власть в ЦК окончательно перешла в руки Хрущева. Однако не Хрущев начал атаку на культ личности, а Маленков.

В архивах сохранилось любопытное свидетельство тогдашнего секретаря ЦК П. Поспелова.

Вечером 10 марта, на следующий после похорон день, собралось заседание Президиума ЦК. На него пригласили П. Поспелова, М. Суслова и главного редактора «Правды» Д. Шепилова. Показав им номер «Правды» от 10 марта, Маленков спросил, почему его речь на траурном митинге отделена от других: «Надо было печатать одинаково». Он также обратил внимание на то, что на снимке почетного караула остались «за кадром» Первухин и Сабуров, а при перечислении состава почетного караула опущены некоторые фамилии. Неудовольствие Маленкова вызвала и помещенная в газете фотография «Товарищи Сталин, Мао Цзэдун и Г. М. Маленков»: «Такого снимка вообще не было! Это произвольный монтаж из снимка, сделанного при подписании договора о союзе и дружбе с Китайской Народной Республикой».

Подводя итог разговору, Маленков сказал:

— В прошлом у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить тенденцию, идущую в этом направлении, и в дальнейшем не следует цитировать только одного из выступавших на траурном митинге. Это было бы, во-первых, незаслуженно, а во-вторых, неправильно, ибо попахивает культом личности. Считаем обязательным прекратить политику культа личности.

Впрочем, отечественный историк Ю. Аксютин, приводя это свидетельство Поспелова, считает, что такие указания Маленков давал от имени всего Президиума ЦК партии, поскольку был заявлен принцип коллективного руководства.

О том, что Хрущев в это время был далек от того, чтобы стать инициатором борьбы с культом личности, свидетельствует и эпизод, рассказанный А. Шелепиным, в то время первым секретарем ЦК ВЛКСМ: «После смерти Сталина собрали бюро ЦК ВЛКСМ — предложили переименовать комсомол в ленинско-сталинский. Все были единодушны в этом решении. Подключили писателей для составления обращения к молодежи. Звоню к Хрущеву, сообщаю о нашем решении. Пауза, а потом: «Ну, а что? Давайте, действуйте!» Мы быстро составили обращение в связи с переименованием комсомола, я доложил членам бюро о разговоре, утвердили текст обращения. В 12 часов ночи звонок домой — Хрущев: «Когда пленум?» — «Завтра» — «Вы обращение подготовили?» — «Да» И он так спокойно, как о чем-то обыденном: «Не надо этого делать. Мы тут посоветовались и решили, что это делать не надо. Значит, там что-то произошло…» С кем мог советоваться Хрущев, давший вначале комсомольцам «добро»? Понятно, что в первую очередь с Маленковым.

Итак, Маленков, поддержанный многими членами Президиума ЦК, начинает десталинизацию с осторожной критики культа личности. При этом имя Сталина не фигурировало. Просто «культ личности». Но уже с 20 марта газеты практически перестали цитировать Сталина, а имя его упоминалось все реже и реже.

Иной и, пожалуй, более значимый путь десталинизации избирает Берия, который, в отличие от Маленкова, действовал гораздо более смело и напористо, выступив с целым рядом инициатив. Сугубый прагматик, никогда не бывший приверженцем марксистско-ленинских догм вроде Молотова или Суслова, он понимал, что без внесения серьезных корректив в проводимую внутреннюю и внешнюю политику режим после смерти своего творца долго не протянет.

Со смертью Сталина и Берия, и остальные «вожди» остро

ощутили психологическую уязвимость и незащищенность. Раньше все они служили «Хозяину», особенно не задумываясь о том, что будет после него, о том, что с них когда-нибудь могут потребовать ответа. Берия, с его имиджем первого подручного диктатора и властителя ГУЛАГА, наверняка больше всех опасался за себя и свою судьбу. К тому же он был умнее и дальновиднее остальных.

Эми Найт, политолог из США, полагает, что в основе программы Берии лежали две идеи: во-первых, расширение полномочий государства и ограничение влияния партии, во-вторых, защита прав национальных меньшинств от диктата русского центра. Он же стал инициатором пересмотра наиболее громких сфальсифицированных дел последних лет.

Вступив в должность министра внутренних дел, Берия 4 апреля издает приказ о запрещении пыток и фальсификации дел по политическим обвинениям. Именно Берия опубликовал сообщение МВД о фальсификации «дела врачей». Тогда же членов и кандидатов в члены ЦК начинают знакомить с документами, в которых содержались свидетельства о роли Сталина в репрессиях. Считается, что инициатива этого принадлежала Берии. Судя по воспоминаниям генерала Судоплатова, 2 апреля на пленуме ЦК партии Берия обнародовал факты, подтверждающие, что «дело врачей» было сфабриковано Сталиным и Игнатьевым. Материалы этого пленума содержали многие из тех сенсационных обвинений, которые изложил Хрущев в докладе о культе личности Сталина на XX съезде КПСС.

Многое из того, что предлагал Берия, шло вразрез со сложившейся практикой и привычными политико-идеологическими стереотипами. Он предложил забрать тюрьмы и лагеря у Министерства внутренних дел и передать их в ведение Министерства юстиции, провести широкую амнистию политзаключенных, выступил за примирение с Тито и за объединение Германии.

Прозорливый политик, Берия отчетливо видел, насколько взрывоопасна проводимая Москвой национальная политика русификации и подавления прав национальных меньшинств.

Весной 1953 года Берия обратился в Президиум ЦК с тремя записками по национальному вопросу — «Вопросы Литовской ССР», «Вопросы Западных областей Украинской ССР» и «Вопросы Белорусской ССР». В них он предлагал отказаться от насильственной русификации и способствовать выдвижению на руководящие посты национальных кадров. Причем, действовал он в рамках своих полномочий, и предложения его касались прежде всего смены руководящего состава органов внутренних дел и

госбезопасности.

По докладу Берии ЦК КПСС 26 марта принимает постановление, содержащее острую критику национальной политики ЦК Компартии Украины. В начале июня возглавлявший парторганизацию Украины Л. Мельников был заменен А. Кириченко. Пленум ЦК компартии Украины отметил, что Мельников и другие руководители компартии Украины «исказили ленинско-сталинскую политику в национальном вопросе; это выразилось в выдвижении на руководящие должности в партийных и советских органах на территории Западной Украины выходцев из других регионов и областей Украинской ССР, а также в преподавании в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке». Этот поворот в политике московского партийного руководства был с воодушевлением встречен на местах.

По инициативе Берии 12 июня 1953 года Президиум ЦК КПСС принимает постановление с требованием «покончить с извращениями советской национальной политики в республиках». Предлагалось выдвигать на руководящую работу людей местных национальностей, освобождающихся номенклатурных работников, не знающих местного языка, отозвать в распоряжение ЦК КПСС. Отныне делопроизводство в национальных республиках необходимо было вести на местном языке. Тогда же приступили к ликвидации в республиках института вторых секретарей, созданного при Сталине. Однако 26 июня Берия был арестован; и в национальной политике особых изменений так и не произошло.

Берия также выступил с серьезными предложениями по вопросу о Германии. Он заявил о необходимости отказа от построения социализма в Восточной Германии. Однако против этого сразу же выступил Молотов. Обратимся к мемуарам Хрущева.

«Берия и Маленков внесли предложения отменить принятое при Сталине решение о строительстве социализма в Германской Демократической Республике. Они зачитали соответствующий документ, но не дали его нам в руки, хотя у Берии имелся письменный текст. Он и зачитал его от себя и от имени Маленкова. Первым взял слово Молотов. Он решительно выступил против такого предложения и хорошо аргументировал свои возражения. Я радовался, что Молотов выступает так смело и обоснованно, он говорил, что мы не можем пойти на это, что тут будет сдача позиций, что отказаться от построения социализма в ГДР — значит дезориентировать партийные силы Восточной, да и не только Восточной Германии, утратить перспективу, что это капитуляция перед американцами».

Молотова поддержали Хрущев, Булганин и другие члены Президиума. Тогда Берия и Маленков отозвали свое предложение.

Молотов, выступая на июльском пленуме ЦК 1953 года, так объяснил, что происходило на заседании Президиума Совмина:

«При обсуждении германского вопроса в Президиуме Совета Министров вскрылось, однако, что Берия стоит на совершенно чуждых нашей партии позициях. Он заговорил тогда о том, что нечего заниматься строительством в Восточной Германии, что достаточно и того, чтобы Западная и Восточная Германии объединились, как буржуазное миролюбивое государство. Берия предлагал отказаться в настоящее время от курса на строительство социализма в ГДР. Этого мы, конечно, не могли принять. Мы почувствовали, что в лице Берии мы имеем человека, который не имеет ничего общего с нашей партией, что это человек буржуазного лагеря, что это — враг Советского Союза».

Теперь все ставили в вину Берии. Но в таком случае неясно, почему же 2 июня Совмин СССР принял постановление «О мерах, направленных на улучшение политической ситуации в ГДР», где содержались следующие бериевские рекомендации вождям Восточной Германии:

— отказаться от политики ускоренного построения социализма;

— стремиться к созданию единой, демократической, миролюбивой и независимой Германии;

— отказаться от насильственного объединения крестьян в коллективные хозяйства, что вызывает волну массовых недовольств на селе;

— отказаться от преждевременной политики ликвидации частного капитала и способствовать его развитию;

— принять меры, обеспечивающие уважение прав человека, положить конец несправедливому и преступному обращению с гражданами, пересмотреть дела лиц, находящихся в заключении.

А когда в Москву прибыли Вальтер Ульбрихт и двое его соратников со своим планом разрешения проблем, с которыми сталкивалась ГДР, то советское руководство отвергло его и предложило «документ Берии». Именно так называли его немцы при рассмотрении на Политбюро ЦК СЕПГ в Берлине 5–6 июня 1953 года.

Почему Берия пошел на столь решительные шаги в попытке обновить тоталитарную полицейскую систему? Или он не осознавал, что избавленное от страха общество когда-нибудь предъявит счет и ему, считавшемуся главным подручным Сталина в его карательной политике?! Вряд ли сейчас можно на это

однозначно ответить. Возможно, когда смерть Сталина избавила Берию от смертельной опасности, он пребывал в эйфории и полагал, что более ему уже ничто не грозит. К тому же он прекрасно знал об уровне интеллекта и способностях своих бесцветных «соратников» — Хрущева, Маленкова, Кагановича, Молотова — и ставил себя на порядок выше.

Берия явно недооценивал своих соперников. Конечно, беспечным он не был и предвидел ответные ходы со стороны Маленкова, Молотова и даже Хрущева. Обратимся к наблюдениям генерала Судоплатова, относящимся к началу июня 1953 года:

«Между тем, в высшем руководстве обстановка делалась все более напряженной, о чем я тогда не догадывался. Правда, кое-что я заметил. Докладывая Берии об отправке в Берлин Зои Рыбкиной я обратил внимание, что он слушает меня невнимательно, явно чем-то озабоченный».

В этих интригах и внутриполитическом противостоянии большую роль играла и обычная случайность. На сей раз везение оказалось не на стороне Берии:

О том, что Хрущев в это время не играл заметной роли в процессах обновления, как это традиционно принято считать, свидетельствует и следующее обстоятельство. В статье без подписи «Коммунистическая партия — направляющая и руководящая сила советского народам, появившейся 10 июня 1953 года в газете «Правда», в которой впервые критиковался культ личности, говорилось, что «существо политики нашей партии изложено в выступлениях Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и В. М. Молотова». Как мы видим, Хрущев в эту обойму не входит. Но уже через две недели будет арестован Берия, начнут все больше и больше отходить в тень Маленков и Молотов. Из веера альтернатив в конце концов победит хрущевская. Во благо или же во зло?!

Можно не соглашаться с мнением А. Бушкова, но внимания, без сомнения, оно заслуживает. Вот что он пишет:

«Мы до сих пор не в состояние осознать лежащий на поверхности факт: победа Хрущева над Берией как раз и была шагом НАЗАД! В отличие от «великих визирей» Сталина, прагматиков до мозга костей, относившихся к «коммунистической идеологии» как к необходимой до поры до времени вывеске, недалекий и примитивный Хрущев (собственно, умевший лишь бороться за власть), наоборот, искренне верил — в марксизм, ленинизм, коммунизм и прочие «измы» Берия же, скорей, напоминает умнейшего и хитрейшего прагматика Дэн Сяопина, тихонечко, незаметненько, без всякого шума развернувшего Китай в сторону от «измов» Оказалось, что на

примере Китая такое можно совершить без ломок, потрясений, «разоблачений», бездумной пляски на костях мертвецов, пустой болтовни. Вряд ли столь уж невозможным выглядит утверждение: останься Берия во главе страны, СССР мог бы за десять-пятнадцать лет стать подобием нынешнего Китая. Не было бы ни дурацких телодвижений Хрущева, ни брежневского застоя. Было бы что-то совершенно другое. Гораздо более умное, не позволившее державе скатиться до ее нынешнего состояния».

Берия был арестован 26 июня 1953 года. Существует немало версий этих событий, но практически все сходятся в том, что ведущую роль в устранении Берии играл Хрущев. Несомненно, он шел на большой риск — противник был очень серьезный. Недаром Хрущев так гордился тем, что сумел одолеть самого Берию, Кочень любил об этом рассказывать. Одолев Берию, Хрущев решил сразу две задачи — убрал главного соперника в борьбе за власть и серьезно ослабил позиции Маленкова, так как тот был силен только в связке с Берией. Перейдя на сторону Хрущева, Маленков допустил вторую серьезную ошибку, стоившую ему карьеры. Первой же ошибкой было то, что он уступил Хрущеву пост главы секретариата ЦК партии.

До сих пор нет полной ясности в вопросе о последних днях Берии. Официальная точка зрения: Берия был расстрелян в декабре 1953 года в соответствии с приговором суда.

Один из генералов, участвовавший в казни Берии, рассказывал Д. Волкогонову:

— Когда повели Берию вниз, за ним последовала целая группа генералов и офицеров. Не знаю, распоряжение было такое или у высоких охранников не выдержали нервы, но за несколько ступеней до подножия бункера раздался выстрел, а затем еще несколько. Берию били из пистолетов в спину. Мгновенно все было кончено…

Однако сын Берии Серго Гегечкори уверен, что его отец был убит сразу же, при аресте в собственном доме. Подобная версия тогда же была широко распространена и в западных средствах массовой информации. А. Бушков пишет по этому поводу следующее:

«Хрущев и его сообщники (все поголовно — трусливое зверье, сами заляпанные кровью по уши в прошлые времена) просто не могли поступить иначе. Они боялись, они спешили. Сказочки про «якобы имеющиеся» материалы допросов и суда над Берией — липа. Не зря их до сих пор не осмеливаются рассекретить? — сейчас, к слову, существуют надлежащие методики компьютерных и иных анализов, позволяющих безошибочно определить фальсификацию».

С. Аллилуева также полагает, что Берия был расстрелян сразу же после ареста. В свою очередь, А. Авторханов считал, что в декабре 1953 года суд над чекистами действительно состоялся, но на нем либо не было Берии, либо находился его двойник.

Некоторое недоумение вызывает и тот факт, что сам Хрущев в разное время по-разному рассказывал об обстоятельствах ареста и казни Берии, что позволило американскому автору биографии Берии Т. Витлину заметить:

«Трудно сказать с определенностью, был ли он расстрелян Москаленко или Хрущевым, задушен Микояном или Молотовым при помощи тех трех генералов, которые схватили его за горло, как об этом тоже говорили. Так же трудно сказать, был ли он арестован на пути в Большой театр 27 июня, или после приема в польском посольстве, или на заседании Президиума ЦК… Поскольку Хрущев запустил в обращение несколько версий смерти Берии и каждая последующая отличается от предыдущей, трудно верить какой-либо из них».

После устранения (ареста или расстрела) Берии было решено провести специальный пленум ЦК «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». Он проходил с 2 по 7 июня 1953 года. Хрущеву поручили вести заседание, а основным докладчиком был Маленков, который выдвинул набор стандартных обвинений: Берия стремился поставить МВД над партией и правительством, пытался через голову партии нормализовать отношения с Югославией, выступал против строительства социализма в ГДР.

В прениях первым вышел на трибуну Хрущев. Говорил он не менее часа, как всегда путано и сумбурно, нередко отрываясь от подготовленного текста. Он и не пытался увязать Берию, террор и бессудные расправы со сложившейся системой и всячески отводил даже малейшие подозрения от Сталина:

— Еще при жизни товарища Сталина мы видели, что Берия является большим интриганом. Это коварный человек, ловкий карьерист. Он очень крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он умел навязывать свое мнение товарищу Сталину.

В течение нескольких дней участники пленума неустанно разоблачали враждебные происки «подлейшего изменника и предателя интересов партии и народа» (выражение А. Кириченко), «мрази» (А. Микоян), «подлеца» (Н. Михайлов), «мерзавца» (А. Мирцхулава) и тому подобное. Преобладали эмоции и голословные утверждения. Доходило до курьезов. А. Андреев, к примеру, с глубоким возмущением говорил с трибуны:

— Я считаю, что не без влияния Берии было принято такое решение, которое мы читали в протоколах, о том, чтобы демонстрацию проводить без портретов, не вывешивать портретов. Почему? На каком основании? Народ должен знать своих вождей по портретам, по выступлениям. Это было неправильное решение.

Каганович из президиума бросил реплику: «Андрей Андреевич, это решение отменили как неправильное». Зал разразился бурными аплодисментами.

Надо напомнить, что речь шла о постановлении Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1953 года «Об оформлении колонны демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных торжественных праздников», согласно которому отменили оформление правительственных зданий и колонн демонстраций по праздникам портретами руководителей. Отменили его 2 июля того же года.

Ярый сталинист Андреев был уверен, что постановка вопроса о культе личности — это все происки Берии. Обратимся к стенограмме пленума.

Андреев. Берия начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина…

Голос из зала. Правильно.

Андреев. Я не сомневаюсь, что под его давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о товарище Сталине.

Голос из зала. Правильно.

Андреев.…Появился откуда-то вопрос о культе личности. Почему встал этот вопрос? Ведь он решен давным-давно в марксистской литературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет гениальная личность, стоящая во главе движения, знают, какое значение имели и имеют Ленин и Сталин, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берии.

Из президиума товарищ Ворошилов. Правильно.

Андреев. Он хотел похоронить имя товарища Сталина и не только имя товарища Сталина, но это было направлено и против преемника товарища Сталина — Маленкова.

Голос из зала. Правильно.

Маленков: Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина нет.

Андреев. Вы являетесь Председателем Совета Министров, пост, который занимал товарищ Сталин.

Голоса из зала. Правильно. (Бурные аплодисменты.)

Большинство выступавших говорили о необходимости

повышения политической бдительности и сплоченности вокруг «ленинско-сталинского Центрального Комитета». И только Микоян, как и позднее в своей речи на XX съезде партии, сделал шаг вперед (или, может, в сторону). Вот что он сказал, помимо всего прочего:

— В первые дни после смерти товарища Сталина Берия ратовал против культа личности. Мы понимаем, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не смогли тогда поправить это дело, и оно так шло. Нужно подойти к роли личности по-марксистски. Но, как оказалось, Берия хотел подорвать культ личности Сталина и создать культ собственной личности.

На последние слова Микояна зал отозвался смехом. Между тем, он единственный из верхушки партийного руководства столь откровенно высказался о культе личности Сталина. Правда, слова эти прозвучали в «узком кругу» партийно-государственной номенклатуры. Стенограмма этого пленума, напомним, впервые была обнародована только в 1991 году.

Маленков, выступая с заключительным словом, поддержал Микояна в критике культа личности Сталина. Он, по сути дела, осудил попытки ряда ораторов защитить Сталина и отделить его, от «преступника» Берии. Особенно досталось Андрееву.

— Ничем не оправдано то, — говорил Маленков, — что мы не созывали в течение 13 лет съезда партии, что годами не созывался пленум ЦК, что политбюро нормально не функционировало и было подменено «тройками», «пятерками» и т. п., работавшими по поручению товарища Сталина разрозненно, по отдельным вопросам и заданиям.

— Вы должны знать, товарищи, что культ личности товарища Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовала. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

Маленков напомнил эпизод, когда на первом после XIX съезда партии пленуме Сталин грубо обрушился на Молотова и Микояна:

— Разве Пленум ЦК, все мы были согласны с этим? Нет. А ведь все мы молчали. Почему? Потому, что до абсурда довели

культ личности и наступила полная бесконтрольность. Хотим ли мы чего-либо подобного в дальнейшем? Решительно — нет.

Слова эти зал встретил бурными аплодисментами.

После ликвидации Берии в паутине запутанных интриг продолжалась подспудная борьба за власть. Главным отныне стало противостояние Хрущева и Маленкова. Каждый стремился использовать в свою пользу малейший пробах или недосмотр соперника. Так, осенью 1953 года на совещании по кадровым вопросам Маленков заявил, что аппарат переродился и с ним невозможно проводить курс на обновление. Слова Маленкова были справедливы, однако это было покушение на привилегии партийной номенклатуры. Недоумевающий и обеспокоенный зал притих. И тут удачный ход делает Хрущев. В напряженной тишине прозвучал его веселый голос:

— Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат — это наша опора.

Ответом были бурные аплодисменты. Так постепенно Хрущев набирал очки.

Со временем «звезда» Маленкова стала закатываться. Все чаще звучало имя Хрущева, который в сентябре 1953 года стал первым секретарем ЦК КПСС. Он много выступал, по-прежнему любил «вариться в народе». Многим нравилась его простота, шутки, умение говорить без всяких бумажек, хотя образованных людей он подчас отталкивал своей грубостью, неотесанностью и малограмотностью.

Есть немало свидетельств, что в начальный период своего пребывания на посту первого секретаря Хрущев старался быть покладистым, не перечить другим членам президиума, соблюдать товарищеский тон и внешний декорум коллективизма. Однако постепенно, как вспоминает Д. Шепилов, стиль руководства Хрущева начинает меняться в худшую сторону. Снова возродилась безотказная сталинская формула-пароль, но с другой персонификацией: «Доложено Никите Сергеевичу», «Никита Сергеевич — за». Однако Сталин, продолжает Шепилов, был всесторонне образованным марксистом. Он был мудр и нетороплив в решении вопросов. Хрущев же был дремучий невежда и к тому же очень импульсивный. Став первым секретарем ЦК, он очень ревниво оберегал свой престиж. Решение какого-либо вопроса без его ведома он квалифицировал как обход партии и обрушивался на «виновного» со всей яростью.

В борьбе за политическое лидерство позиции Хрущева все более укреплялись. Контролируя партийный аппарат, он начал расставлять своих сторонников на всех ведущих постах в партийных органах, умело используя сложившуюся систему

подбора и расстановки кадров. Д. Шепилов свидетельствует, что на важнейших участках в большинстве своем оказались те, кого, в народе стали именовать «хрущевцами», — люди, как правило, малокультурные, невежественные, высокомерные, потому что подбор и расстановка людей производилась по образу и подобию, по вкусам и прихотям Хрущева. Неизбежно складывалась система круговой поруки, кругового поощрения и кругового восхваления. Выдвинутые Хрущевым кадры — все эти аджубеи, ильичевы, сатюковы, пономаревы — безоговорочно поддерживали его, когда он затевал самые невероятные реформы.

Вскоре Хрущев выступил с инициативой освоения целинных и залежных земель. Он считал, что это поможет быстро и сравнительно недорого увеличить сельскохозяйственное производство и наконец-то накормить людей. В определенной степени это был и политический ход, призванный ослабить позиции Маленкова, заявившего на XIX съезде, что «проблема хлеба решена».

Одним из шагов Хрущева в то время стала передача Крыма Украине. В своих мемуарах он всячески оправдывает этот поступок. Д. Шепилов полагает, что Хрущеву хотелось от себя лично, преподнести Украине подарок в связи с 300-летнем воссоединения Украины с Россией, «чтобы вся республика знала о его щедрости и постоянной заботе о процветании Украины». Так появился на свет указ от 19 февраля 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. А когда в конце мая 1954 года в Крымском дворце состоялся большой прием в честь 300-летая, то безраздельным хозяином на нем был Хрущев. Шепилов пишет:

«Провозглашая тост за тостом, опрокидывая рюмку за рюмкой, он весь сиял от удовольствия. Как и во всех других случаях, чем больше он насыщался алкогольным нектаром, тем неудержимей становилась его жажда речи. За официальными тостами последовали, так сказать, неофициальные. В присутствии всех гостей, их жен, членов дипломатического корпуса, официантов Хрущев снова подробно, с самодовольством излагал всю историю ареста Берии и суда над ним. Он рисовал живописные картинки — как быстро мы решим все стоящие перед страной задачи и будем вкушать плоды изобилия, перейдем от «сицилизьма» к «коммунизьму» Теперь даже непосвященные в «тайны Кремля» видели, в какую сторону произошла передвижка сил.

Где-то незаметно, почти в одиночестве, стоял, переминаясь с ноги на ногу, Маленков. С разными выражениями лиц, с разными настроениями, но в общем-то на положении вторых-третьих лиц

взирали на гостей все его заместители, члены Президиума, секретари ЦК. Весь зал заполнял теперь голос, жесты, лоснящиеся от жирных блюд улыбки того, кто именовался теперь первым секретарем ЦК. А все растущий круг фаворитов уже услужливо называл его тем отвратительным и зловещим именем, которое перекочевало от сталинской эпохи, — «хозяин».

«Целинная эпопея» сопровождалась мощной пропагандистской «раскруткой», начало которой положил Хрущев. 22 февраля 1954 года он выступил с речью перед молодежью, отправлявшейся на целину. Она транслировалась по телевидению. В то время телевизионных приемников было у людей еще мало, однако образ нового вождя, умеющего общаться с простым народом, говорить без всяких бумажек понятно и доходчиво, начал постепенно внедряться в массовое сознание. Популярность Хрущева возрастала.

Когда началась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР, Хрущев предпринимает еще один ход. Выступая 6 марта 1954 года перед избирателями, он, ссылаясь на Ленина, заявил о том, что возможно длительное мирное сосуществование социализма и капитализма. Правда, Маленков в своих новациях пошел дальше. 12 марта, выступая с предвыборной речью, он говорил, что у мирного экономического соревнования двух систем нет альтернативы, потому что «холодная война» всегда может перерасти в мировую, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации.

Но это заявление, видимо, было слишком сильным для того времени. Многие члены Президиума ЦК выражали недовольство, а Молотов восклицал: «Как это можно утверждать, что при атомной войне может погибнуть цивилизация? Тогда зачем же нам строить социализм, беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами. Видите, к чему может привести такая теория? Она не способствует мобилизации общественного мнения на активную борьбу против преступных замыслов империалистов». А Хрущев, выступая перед депутатами нового Верховного Совета СССР в апреле 1954 года, внес поправку в слова Маленкова:

— Если империалисты попытаются развязать новую войну, то она неминуемо окончится крахом всей капиталистической системы.

В ходе расследования «ленинградского дела» весной 1954 года был установлен факт его фальсификации, а сотрудники МГБ, принимавшие в нем участие, прямо называли главных организаторов — Берию и Маленкова. Это был очередной удар по престижу Маленкова.

В апреле 1954 года Никите Сергеевичу исполнилось 60 лет. «Правда» и другие центральные газеты вышли с юбилейными материалами. Хрущев получил звание Героя социалистического труда. Д. Шепилов, в то время главный редактор «Правды», вспоминал, как накануне его вызвал Маленков и сказал:

— Я просил вас приехать, товарищ Шепилов, вот по какому вопросу: 16 апреля Никите Сергеевичу исполняется 60 лет. Он очень старается. Он хорошо работает. Мы посоветовались между собой и решили присвоить ему звание Героя социалистического труда. Мне поручили переговорить с вами, чтобы вы хорошо, по-настоящему подали это в газете.

Маленков все более явно сдавал свои позиции. После пленума ЦК в июне 1954 года его имя в газетных отчетах уже не ставилось впереди всех, а упоминалось в общем списке официальных лиц по алфавиту. В это время Хрущев, видимо, был полностью поглощен политической борьбой и ни о каких реформах не помышлял. Так, выступая в июне 1954 года в ЦК КПСС перед идеологическими работниками, он говорил, что «надежда некоторых лиц на смену ориентации у партии, на отказ от той политики, которая проводилась при Сталине, не оправдана».

Осенью 1954 года, находясь на отдыхе в Крыму, Хрущев встречался с руководителями крупнейших партийных организаций: Е. Фурцевой (Москва), Ф. Козловым (Ленинград), А. Кириченко (Украина). Все они были его ставленниками, и, видимо, Хрущев стремился заручиться их поддержкой в борьбе с Маленковым.

Вскоре Хрущев провел решение о создании в ЦК общего отдела и передаче ему функций канцелярии Президиума ЦК КПСС, которой руководил Маленков. Весь аппарат Центрального Комитета партии перешел к Хрущеву.

С ноября 1954 года документы Совета Министров начинают выходить только за подписью Булганина. Фактически для Маленкова это была уже отставка. Ему не хватило нахрапистости, жестокости, безжалостности к своим политическим противникам. Каганович, например, говорил, что Маленков «очень робко и нерешительно, подходит к решению очень многих вопросов» и чаще всего отвечает: «Надо подумать, надо посоветоваться».

В конце января 1955 года на пленуме ЦК был поставлен вопрос о смещении Маленкова. С докладом выступил Хрущев. Он не церемонился с фактически уже поверженным соперником. Надуманные и стандартные обвинения, политико-идеологические ярлыки — именно этим изобиловало выступление Хрущева. Он даже заявил, что, хотя Маленков и принял «под влиянием других

членов ЦК» участие в пресечении преступной деятельности Берии, но на июльском пленуме в 1953 году «он не нашел в себе мужества, чтобы подвергнуть решительной партийной критике свои близкие отношения в течение длительного времени с провокатором Берией». Хотя самого Хрущева при жизни Сталина связывали с Берией не менее тесные отношения.

В феврале 1955 года на заседании Верховного Совета СССР было оглашено заявление Маленкова об отставке с поста Председателя Совета Министров. Новым главой правительства по предложению Хрущева был назначен Булганин. В новом правительстве Маленков стал одним из заместителей председателя Совмина и министром электростанций. Однако он оставался членом Президиума ЦК КПСС.

Глава 8
Дела внутренние и международные

Теперь арестанты вернутся и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили.

А. Ахматова

Господствовавшая в Советском Союзе при Сталине система держалась на его харизматическом авторитете, на страхе и репрессиях. Когда умер главный вдохновитель террора, карательная машина еще продолжала свой ход, но уже как бы по инерции. В обществе зрели перемены, однако идти они будут сложно и болезненно.

Диктатор умер, но страх оставался. Литератор В. Герасимова вспоминает:

«Я помню ужасный траурный митинг в Союзе писателей после смерти Сталина. Что-то завывал Сурков. Симонов рыдал — сначала я глазам не поверила, — его спина была передо мной, и она довольно ритмично тряслась… Затем, выступив, он сказал, что отныне самой главной великой задачей советской литературы будет воссоздание образа величайшего человека («всех времен и народов» — была утвержденная формулировка тех лет). Н. Грибачев выступил в своем образе: предостерегающе посверкивая холодными белыми глазами, он сказал, что после исчезновения великого вождя бдительность не только не должна быть ослаблена, а, напротив, должна возрасти.

Ужасное собрание. Великого «гуманиста» уже не было. Но страх, казалось, достиг своего апогея. Я помню зеленые, точно больные, у всех лица, искаженные, с какими-то невидящими глазами; приглушенный шелест, а не человеческую речь в кулуарах; порой, правда, демонстрируемые (а кое у кого и истинные!) всхлипы и так называемые «заглушенные рыдания». Вселюдный пароксизм страха».

Митинг состоялся 10 марта. Прошла неделя, и в возглавляемой Симоновым «Литературной газете» 19 марта появилась передовая статья «Священный долг «писателя», в которой подчеркивалось, что «самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная пред советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих

поколений образ величайшего гения всех времен и народов — бессмертного Сталина». Эта статья вызвала негативную реакцию Хрущева, который позвонил в редакцию газеты, а затем в Союз писателей и сказал, что главного редактора газеты Константина Симонова следует отстранить от работы. Сам Симонов, вспоминая позднее об этом случае, считал, что Хрущеву уже тогда, сразу же после смерти Сталина, была не чужда мысль рано или поздно рассказать о Сталине правду. Здесь он ошибался, потому что тогда Хрущев был далек от того, чтобы начать атаку на покойного «хозяина». Через неделю в «Литературной газете» от 26 марта была помещена передовая статья «Достойно показывать великие дела народа», где уже излагались совершенно иные приоритеты: «Достойно, правдиво, с подлинным мастерством отобразить в высокоидейных художественных произведениях великие дела нашего народа, его борьбу за коммунизм — такова важнейшая задача всей советской литературы».

Умение держать нос по ветру всегда отличало советскую «творческую интеллигенцию»: и когда она рыдала после смерти диктатора, и когда рьяно критиковала Сталина, узнав о докладе Хрущева на XX съезде партии, и когда громила «антипартийную группу Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» или восхваляла нового «вождя» Никиту Сергеевича Хрущева, а затем — сменившего его Леонида Ильича Брежнева.

Руководство стремилось осуществлять десталинизацию, оставляя неприкосновенным имя самого Сталина, даже ссылаясь на него. Так, газета «Правда» 10 июня 1953 года впервые обратилась к критике культа личности, но при этом использовала «основополагающие указания» уже усопшего «великого вождя и учителя». Преемник Хрущева на посту «первого большевика» Украины, член Президиума ЦК КПСС Мельников в своем докладе 21 января 1956 года все еще говорил о «великом учении Маркса — Энгельса — Ленина и Сталина». Первоначально критика культа личности носила пассивный характер. Просто имя Сталина стали реже упоминать, меньше цитировать его слова, кое-где сняли портреты.

27 марта 1953 года был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», на основании которого подлежало освобождению из заключения около одного миллиона осужденных. Действие указа не распространялось на приговоренных к лишению свободы на срок более пяти лет за «контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство». Тогда же из лагерей и ссылки возвращаются близкие, друзья и соратники членов Президиума ЦК партии.

4 апреля в газетах появилось сообщение МВД о тщательной проверке всех материалов предварительного следствия по «делу врачей», которая показала, что обвинения являются ложными, показания арестованных получены путем применения недопустимых методов Следствия, Все, привлеченное по «делу, врачей» были полностью реабилитированы и освобождены из-под стражи. 6 апреля в передовой статье «Правды», озаглавленной «Советская социалистическая законность неприкосновенна», в связи с пересмотром «дела врачей» были выдвинуты обвинения в адрес бывшего министра госбезопасности С. Игнатьева и бывшего заместителя министра М. Рюмина. Игнатьев был освобожден от обязанностей секретаря ЦК партии, а Рюмин отдан под суд.

Постепенно в ЦК партии стало поступать все больше и больше просьб родственников бывших высокопоставленных функционеров и хозяйственных работников, осужденных при Сталине. Центральный Комитет и Центральная Контрольная Комиссия рассматривали эти заявления и, как правило, принимали положительные решения. Однако это пока что было восстановлением справедливости в отношении отдельных лиц, но не массовой реабилитацией.

По данным министра внутренних дел С. Круглова, перед смертью Сталина в тюрьмах и лагерях находилось около четырех миллионов человек, а «спецпереселенцев» насчитывалось более двух с половиной миллионов. В 1953–1954 годах всю систему ГУЛАГа потрясли крупные восстания. Летом 1953 года — Воркута и Норильск, в конце того же года — Унжлаг и Вятлаг. Летом 1954 года разразилось мощное восстание заключенных в поселке Кингир в Казахстане. Все эти выступления были жестоко подавлены, нередко с применением танков.

В сентябре 1953 года был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, предоставивший Верховному суду право пересматривать по протестам Генерального, прокурора решения бывших коллегий ОГПУ, «троек» НКВД и «особого совещания» при НКВД — МГБ — МВД СССР. Тогда же были упразднены военные трибуналы войск МВД.

В 1954 году создаются центральные и местные комиссии по пересмотру лиц, осужденных по политическим обвинениям в 1934–1953 годах. Но широкий пересмотр дел политзаключенных начался только в середине 1955 года. При этом ведущую роль в процессах реабилитации играет Хрущев. В это время уже шла подготовка к XX съезду партии, и Центральный Комитет одним из основных вопросов при разработке материалов к съезду считал массовые политические репрессии.

К осени 1955 года был собран уже достаточно большой

материал о политических репрессиях и об ответственности Сталина за это. Именно тогда Хрущев начинает вплотную заниматься этими вопросами. Однако, проводя реабилитацию сталинских узников, Хрущев и его соратники стремились ввести в заранее определенные рамки критику Сталина и сталинизма. В тех случаях, когда эти рамки не соблюдались, принимались самые жестокие меры. Особенно четко это проявилось после XX съезда КПСС, когда на партийных собраниях рядовые коммунисты резко критиковали деятельность партии, ее руководящих органов. Звучали предложения о снятии памятников Сталину, переименовании городов и улиц, наказании всех виновных в массовых репрессиях 30-40-х годов.

Другим важным направлением в деятельности нового политического руководства стала экономика, где ситуация была очень тревожной. С 1950 года начался спад промышленного производства.

В сельском хозяйстве положение было еще хуже. В отчетном докладе ЦК, зачитанном Маленковым на XIX съезде партии, говорилось, что «зерновая проблема решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно». Это было ложью. Зерновое хозяйство топталось на месте, урожайность так и не дотянула до уровня 1913 года. Зерна не хватало. Ложные данные на XIX съезде были сообщены и по животноводству.

В реальности насчитывалось 57,1 миллиона голов крупного рогатого скота, на съезде же прозвучала цифра 64 миллиона голов. Само животноводство находилось в плачевном состоянии.

Ворошилов побывал под Смоленском и посетил колхозную ферму. Его окружила толпа селян, желающих взглянуть на «легендарного полководца». Ворошилов ужаснулся, видя, какая грязь и нищета царят повсюду. Обращаясь к толпе, он рявкнул: «Членам колхоза — три шага вперед». Вперед вышли пять баб и три мужика. Потом Ворошилов рассказывал Хрущеву: «Маркса бы туда. Попробовал бы он поправить дела в этом колхозе».

Основная масса населения страды жила очень тяжело. Уровень потребностей оставался заниженным. Все острее становился дефицит товаров массового спроса. Нарастал жилищный кризис. Люди в массовых масштабах бежали из деревни будучи не в силах выносить нищенских условий существования и беспросветности жизни.

У Маленкова и Хрущева были разные взгляды на стратегию экономического развития страны. Председатель Совмина выступал за преимущественное развитие легкой промышленности и сельского хозяйства. По сути дела, это был новый политический курс: акцент делался на удовлетворение материальных и

культурных потребностей широких народных масс.

Основные положения этого курса Маленков изложил в своей речи на пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 года, с Достигнутый объем производства предметов потребления нас не может удовлетворить», поэтому надо, не снижая внимания к развитию тяжелой промышленности, «в интересах обеспечения более быстрого повышения материального и культурного уровня жизни народа всемерно форсировать развитие легкой промышленности». Необходимо также в кратчайший срок покончить с «запущенностью сельского хозяйства» в отстающих районах и колхозах, обеспечить быстрое развитие хозяйства колхозов и на этой основе значительно увеличить выдачу на трудодни колхозникам денег, хлеба и других продуктов.

Хрущев же выступал за преимущественное развитие тяжелой промышленности и сельского хозяйства. Последнее особенно его беспокоило. Он вспоминает:

«Умер в 1953 году Сталин, новое руководство страны перераспределило внутри себя обязанности. Мне поручили заниматься сельскохозяйственным производством. К тому времени я уже пользовался соответствующим признанием, поскольку на Украине работа колхозов и совхозов была организована лучше, чем в других местах. Хочу оговориться. Я вовсе не приписываю это моему руководству, многое объясняется историческими причинами. На Украине культура земледелия выше, чем в других районах Советского Союза, и там было легче руководить, потому что народ уже накопил знания и опыт. Кроме того, Украина обладает хорошими климатическими условиями и черноземом. Правда, недостаток осадков порой наносил большой ущерб».

Хрущев достаточно реалистично оценивал состояние сельского хозяйства. В своих мемуарах он свидетельствует, что урожайность сахарной свеклы была ниже, чем в Польше или Чехословакии, а продуктивность молочного скота оставалась сверхнизкой. Удои в среднем составляли 1100 литров на корову в год, а жирность молока достигала лишь 3 %. Хрущев сокрушается, что цифры эти «были не сопоставимы с голландскими или датскими показателями».

Причины всего этого Хрущев усматривал в запущенности хозяйства, плохой организации производства, падении трудовой дисциплины из-за отсутствия материальной заинтересованности. Так, Сталин в свое время приказал платить по 3 копейки за каждый сданный государству килограмм картофеля. «И крестьяне старались избежать работы в колхозе, — вспоминал Хрущев, — живя за счет производства на приусадебных участках или добывая

средства жалкого существования какими-то другими способами».

Видимо, те инициативы, с которыми выступил Маленков в августе 1953 года на сессии Верховного Совета, во многом исходили от Хрущева. Было объявлено об увеличении инвестиций в сельское хозяйство, повышении закупочных цен на мясо, молоко, картофель, овощи, шерсть. Налоги с колхозников были снижены, а накопившиеся долги — списали.

Шла подготовка к сентябрьскому пленуму ЦК 1953 года, который был посвящен сельскому хозяйству. Хрущев видел выход в развитии экстенсивного производства. Он вспоминал:

«Мы стали искать новые возможности увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерна. Наметился единственный выход — ввод дополнительных площадей в севооборот через поднятие целинных и залежных земель».

В январе 1954 года Хрущев обратился с запиской в Президиум ЦК партии, где, в частности, отмечал: «Дальнейшее изучение состояния сельского хозяйства и хлебозаготовок показывает, что объявленное нами решение зерновой проблемы не совсем соответствует фактическому положению дел в стране с обеспечением зерном. Производство зерна в настоящее время не обеспечивает потребности и не покрывает всех нужд народного хозяйства, а государственные ресурсы зерна не позволяют проводить повсеместно и в достаточном количестве торговлю хлебопродуктами, особенно высших сортов, и крупой».

По мере того как политический престиж Маленкова падал, Хрущев усиливал натиск и на экономические взгляды своего соперника. В начале января 1955 года газета «Правда» опубликовала статью А. Курского «Экономический закон планомерного развития (народного хозяйства». Обозначенные в ней приоритеты в развитии экономики отличались от тех, о которых в 1953–1954 годах говорил сам Маленков. 24 января главный редактор «Правды» Д. Шепилов публикует свою статью «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма», направленную против взглядов Маленкова, хотя фамилия его и не называлась. Шепилов утверждал, что под предлогом преимущественного развития легкой промышленности и производства товаров широкого потребления возрождается «справедливо осужденные правоуклонистские идеи».

25 января 1955 года открылся пленум ЦК партии. Хрущев на нем сказал:

«В связи с осуществленными за последнее время мероприятиями по увеличению производства товаров народного потребления отдельные товарищи допускают путаницу в вопросе

о темпах развития тяжелой и легкой промышленности в нашей стране. Ссылаясь на неправильно понятый и по-вульгаризаторски толкуемый ими основной экономический закон социализма, такие горе-теоретики пытаются доказывать, что на каком-то этапе социалистического строительства развитие тяжелой промышленности якобы перестает быть главной задачей и что легкая промышленность может и должна опережать все другие отрасли индустрии. Это глубоко ошибочные, чуждые духу марксизма-ленинизма рассуждения. Это не что иное, как клевета на партию. Это отрыжка правого уклона, отрыжка враждебных ленинизму взглядов, которые в свое время проповедовали Рыков, Бухарин и иже с ними».

Все больше приходилось Хрущеву вникать и в непростые вопросы международных отношений, хотя вначале мало кто принимал, его в расчет при рассмотрении проблем внешней политики. «На первых порах Хрущев при обсуждении международных вопросов не брал слова, — свидетельствует Д. Шепилов. — Очевидно, здесь продолжала действовать инерция прошлого. В последний период жизни Сталина мне несколько раз довелось бывать на заседаниях Президиума ЦК при обсуждении некоторых международных вопросов… Сталин прохаживается и курит. Вдруг он остановился напротив Хрущева и, пытливо глядя на него, сказал: «Ну-ка, пускай наш Микита что-нибудь шарахнет…» Одни заулыбались, другие хихикнули. Всем казалось невероятным и смешным предложение Хрущеву высказаться по международному вопросу… Кто мог тогда думать, что пройдет немного, совсем немного времени, и Хрущев возомнит себя великим международником».

К этому времени конфронтация СССР и Запада все больше набирала обороты. В 1949 году был создан блок НАТО, в котором доминировали Соединенные Штаты Америки. В свою очередь, Москва укрепляла свои позиции в странах Восточной Европы и все более активно сближалась с коммунистическим режимом Мао Цзэдуна в громадном Китае. В первые после смерти Сталина годы внешнеполитический курс во многом определял консервативный министр иностранных дел В. Молотов, который исходил из того, что основные принципы советской внешнеполитической стратегии изменению не подлежат.

И вот появляется фигура Хрущева. Он избирает не совсем привычную для Москвы внешнеполитическую тактику — встречи с лидерами ведущих стран мира. Политолог и в недавнем прошлом ответственный работник ЦК КПСС Федор Бурлацкий вспоминает:

«Запад получил возможность непосредственно увидеть

советского лидера, и многие там вздохнули с облегчением. «Коммунистический дьявол» оказался не таким страшным. Хрущев охотно давал интервью, общался с журналистами, говорил откровенно, много шутил, рассказывал анекдоты, просто реагировал на острые вопросы. Мрачная, монументальная, как памятник на кладбище, фигура Сталина, которая в глазах западных людей олицетворяла коммунистический режим, сменилась живой, раскованной, озорной, лукавой, простоватой фигурой Хрущева».

Осенью 1954 года Хрущев возглавлял правительственную делегацию, которая направлялась с визитом в Китайскую Народную Республику в связи с празднованием пятой годовщины провозглашения КНР. Это была первая зарубежная поездка Никиты Сергеевича в новом качестве. На аэродроме в Пекине советской делегации устроили торжественную встречу, на которой присутствовали Председатель Всекитайского собрания народных представителей Лю Шаоци, глава правительства Чжоу Эньлай и многие другие высокопоставленные лица.

30 сентября советскую делегацию принял Мао Цзэдун. Беседа продолжалась больше трех часов. Д. Шепилов, входивший в состав советской делегации и присутствовавший на приеме, свидетельствует, что говорили, в основном, только Хрущев и Мао Цзэдун, причем последний ограничивался репликами.

«Мао неподвижно сидел в своем кресле. Он курил одну сигарету за другой. С царственным спокойствием смотрел он перед собой, и по его мраморно-красивому лицу нельзя было понять, какие мысли и чувства рождают у него многословные повествования Хрущева. Все его соратники тоже молчали, сохраняя на лицах почтительную внимательность. Несмотря на величественную простоту Мао Цзэдуна, все говорило о том, что в присутствии вождя и учителя всякая самодеятельность в словах и действиях неуместна».

Вечером состоялось торжественное заседание, посвященное пятой годовщине образования КНР. С докладом выступил Чжоу Эньлай, который говорил о том, что перед китайским народом и партией стоит великая задача — превратить Китай в социалистическое государство, не знающее эксплуатации человека человеком и нищеты. Затем с большой речью выступил Хрущев. Это было его первое международное выступление. По свидетельству того же Шепилова, он время от времени отступал от текста и начинал импровизировать, с прибаутками, хохмами, совершенно неожиданными характеристиками и предложениями. «Эта речь в Пекине положила начало безудержному потоку речей Хрущева в различных странах: многословных, часто залихватских,

с угрозами «сокрушить гидру мирового империализма», или, наоборот, панибратских, с предложением, скажем, президенту США Эйзенхауэру: «Давайте плюнем на все разногласия, забирайте внуков и приезжайте к нам на отдых, будьте уверены — встретим мы вас по-русски».

Пожалуй, можно согласиться с Д. Шепиловым, который считает, что эта первая поездка Хрущева в Китай заложила основы стиля и нравов, которые позже стали притчей во языцех и в мировом общественном мнении, и в нашем народе.

Со временем, продолжает Шепилов, каждая поездка за рубеж обставлялась и подавалась все более пышно — свита приближенных, родня, журналисты, челядь. Хрущев ревностно относился к тому, чтобы всякая его поездка как можно шире отражалась в прессе. На этих делах формировался обширный слой карьеристов и шахматистов типа Ильичева, Сатюкова, Аджубея, Софронова и других». К тому же, с каждой поездкой советский вождь становился все более щедрым и расточительным. Дарами становились уже не палехские шкатулки и часы, как во время визита в Китай в 1954 году, а автомашины, самолеты, сооружение институтов, гостиниц, стадионов, выдача стомиллионных кредитов. Вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза (!).

И все же в ходе посещения Китая в бочке меда оказалась ложка дегтя. Возможно, уже в этом коренились истоки столь резкого ухудшения отношений в будущем. На доверительной встрече Хрущева и Мао Цзэдуна китайский вождь обратился к Советскому руководству с двумя просьбами: раскрыть Китаю секрет атомной бомбы и построить Китаю подводный флот. Обе эти просьбы Хрущев отверг. Но дело заключалось даже не в факте отказа, а в том, как это было подано. Обратимся вновь к воспоминаниям Шепилова:

«Хрущев всегда оставался человеком импульсивным и необузданным. Он расточал свои щедроты, объятия, дары, делая все, что, по его мнению, было полезно для укрепления китайско-советских отношений. Но как только Мао Цзэдун поставил вопросы, которые, с китайской точки зрения, должны были действовать на благо тех же советско-китайских отношений и всего социалистического содружества, но которые априори показались Хрущеву сомнительными — он моментально ощерился, перешел на менторский тон, начал горячиться, поучать китайцев и прописывать им рецепты. И это было в стиле разгулявшегося российского купчика». В самом тоне отказа Мао Цзэдун скорее всего почувствовал некоторое недоверие и даже пренебрежение к Китаю и к самому Мао.

Однако в целом визит этот стал, несомненно, успешным. Хрущев был преисполнен решимости устранить все остатки существовавших неравноправных отношений между двумя странами. Решительно он был настроен и в отношении советской помощи новому Китаю: «С китайцами будем жить по-братски. Если придется, последний кусок хлеба будем делить пополам». Чтобы полностью устранить какие-либо привилегии Советского Союза в Китае, было решено вывести советские войска из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур и передать ее Китаю. Было также принято решение предоставить Китаю долгосрочный кредит в сумме 520 миллионов рублей, оказать другую помощь.

Хрущева беспокоило положение дел в мире социализма. Летом 1953 года были волнения в Польше и ГДР. Сохранялся полный разрыв с Югославией. Новые советские руководители сознавали, что со смертью Сталина мир социализма лишился лидера, который своей мощной политической волей цементировал его единство. Опасаясь «разброда и шатаний» в социалистическом лагере, Москва внимательно следила за положением дел в странах Восточной Европы, в Китае, Монголии, Северной Корее.

Прежде всего Хрущев решил сосредоточить свое внимание на нормализации отношений с Югославией, к лидеру которой, маршалу Иосипу Броз Тито, он еще с войны испытывал симпатию. Хрущев: вспоминает:

«Я не все знал о том, что послужило поводом к ухудшению отношений между Югославией и Советским Союзом, но кое-что мне было известно. Сталин рассылал мне некоторые телеграммы, получаемые от советского посла в Югославии. В этих телеграммах наш посол рисовал в националистическом свете деятельность Тито и все делал для того, чтобы показать, что это не дружеская страна, что компартия Югославии под руководством Тито ведет подрывную работу против нашей Коммунистической партии… Тогда я работал на Украине и мало занимался международными вопросами, потому что был как бы изолирован в этих делах и не получал соответствующих документов».

Ухудшение отношений с Югославией началось весной 1948 года. Сталина раздражала независимая позиция Тито. С августа 1949 года, когда Москва в одностороннем порядке денонсировала договор о дружбе и взаимной помощи 1945 года, Югославия стала рассматриваться как «враг», а маршал Тито как «гитлеровско-троцкистский агент». Хрущев свидетельствует, что Сталин готовил чуть ли не нападение на Югославию.

Хрущев в своих мемуарах достаточно убедительно

показывает, почему именно он проявил интерес к улучшению отношений с Югославией. Когда обострились отношения между двумя странами, Хрущев находился на Украине и был свободен от всей этой югославской «скверны», в отличие от остальных руководителей, которые, по словам Никиты Сергеевича, «были приучены Сталиным мыслить с позиций великодержавного шовинизма и подходили с этой меркой ко всем коммунистическим партиям». Когда Хрущев поднял этот вопрос, то встретил поддержку лишь со стороны Микояна. Остальные же считали: как это мы, великая страна, пойдем на поклон к какой-то Югославии! И все же пришлось это сделать.

Разрыв со сталинским наследством в «югославском вопросе» был резким и внезапным. Еще в конце 1953 года среди официальных обвинений, выдвинутых против Лаврентия Берии, фигурировала попытка «войти в контакт с кликой Тито». А уже летом 1954 года, вопреки сопротивлению Молотова, Хрущев начинает сближение с Югославией.

Хрущев уже встречался с Тито. Произошло это в Киеве в марте 1945 года, когда Тито и Джилас были там проездом. Хрущев произвел на югославских вождей хорошее впечатление своей открытостью и тем, что он интересовался жизнью простых людей. Похоже, именно тогда Хрущев проникся к ним симпатией. И вот 26 мая 1955 года Хрущев вместе с Булганиным, Микояном и Шепиловым отправился в Белград, где при встрече с Тито выразил сожаление по поводу существующих разногласий между СССР и Югославией. На аэродроме в Белграде Хрущев заявил: «Мы глубоко убеждены, что период, когда наши отношения были омрачены, остался позади».

Однако переговоры шли трудно. Хрущев и его соратники не хотели говорить об ответственности Сталина за кризис в советско-югославских отношениях, возлагая вину прежде всего на Берию. Югославы были настроены резко критично в отношении Сталина. Они иронично улыбались, когда Хрущев говорил о «подлеце Берии» и хвалил Сталина. Переговоры продолжались почти неделю. И хотя британский писатель и журналист Ричард Уэст свидетельствует, что в ходе этого визита Хрущев редко бывал трезвым, все же советскому лидеру удалось добиться примирения. Сталинское наследие было преодолено.

Тогдашний посол Великобритании в Югославии Ф. Робертс так описывал свои впечатления об этих днях:

«На прием вместе с Хрущевым и Булганиным пришла большая группа советских дипломатов. Они были ужасно одеты — в каких-то широких болтающихся брюках. Югославы, которые были очень элегантны, с ужасом смотрели на братьев-славян, все

еще питавших надежду поставить их страну под каблук. Но Тито был твердый орешек».

А о самом Хрущеве он отзывается так:

«Было приятно видеть Хрущева после Сталина. Но мы быстро поняли его непредсказуемый характер. Он не был легким партнером. В отличие от Сталина, он постоянно демонстрировал, что Советский Союз с каждым днем становится все сильнее, и требовал, чтобы СССР играл роль сверхдержавы, особенно по отношению к развивающимся странам».

В июне 1955 года в Женеве состоялась встреча четырех держав на высшем уровне — первая после Потсдамской конференции 1945 года. В советскую делегацию входили Хрущев, Булганин, Молотов и Жуков. Для Хрущева это были первые переговоры на столь высоком уровне. Но держался он уверенно, хотя и постоянно был настороже: как бы империалисты не сотворили какую-нибудь пакость.

— Господа! — начал президент Д. Эйзенхауэр. — Все эти дни мы только и говорили о создании надежных механизмов поддержания стабильности и сохранения мира. Не ошибусь, если замечу, что ключевым словом нашей встречи и основной проблемой, которую мы решаем, стало взаимное доверие. Думаю, со мной согласятся все присутствующие. Не так ли, господин Хрущев?

— Для этого мы и приехали, — отозвался Хрущев. — На недоверии далеко не уедешь.

В ходе переговоров был обсужден довольно широкий круг вопросов, однако в целом встреча была признана неудачной. Не удалось подписать ни одного конкретного соглашения. Позднее Хрущев заметит, что советская делегация вернулась из Женевы, не добившись желаемых результатов. Однако удалось нарушить изоляцию — и это уже был результат.

А в мае 1955 года, незадолго до Женевской встречи, удалось решить проблему Австрии. Несмотря на сопротивление ортодокса Молотова, Хрущев настоял на компромиссе: из Австрии выводятся иностранные войска, 6 том числе и советские части, а страна объявляется независимым нейтральным государством. Этот договор стал важным рубежом в смягчении напряженности. Недаром Хрущев высоко оценивал решение проблемы Австрии:

«Австрия оказалась для меня и всех нас пробным шагом, демонстрацией того, что мы можем вести сложные переговоры и провести их хорошо. Мы отстояли интересы социалистических стран, вынудили капиталистические страны, которые проводили агрессивную политику, согласиться с нашей позицией, подписать мирный договор с Австрией, вывести оттуда свои войска. В

результате она стала нейтральным государством и официально провозгласила нейтралитет… Я и мои коллеги внутренне праздновали победу. Выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что мы ориентируемся в международных делах, ц без сталинских указаний. Если образно говорить, то мы в своей международной политике сменили детские трусишки на брюки взрослых людей… Мы ощутили свою силу».

В апреле 1956 года, уже после XX съезда, Хрущев вместе с Булганиным совершил свой первый официальный визит в одну из ведущих стран Запада — Великобританию. Приглашение советские вожди получили от премьер-министра А. Идена еще в Женеве. К тому времени сведения о секретном докладе Хрущева на XX съезде просочились на Запад, и советский лидер вызывал всеобщий интерес. Итальянский журналист Д. Бертоли так писал о Хрущеве:

«Он был с Булганиным… Низенькие, толстые, одетые причудливым образом, в широченных брюках и пиджаках, которые казались деформированными, они ходили всегда вместе, внимательно следя за тем, чтобы не обогнать друг друга. На вокзале Виктории премьер-министр Иден приветствовал их с высоты своей спеси в метр восемьдесят пять. В Оксфорде оба были с радостью приняты студентами, хором кричавшими «Пуур олд Джо» («Бедный старый Сосо»), намекая на антисталинскую кампанию, которая только началась. Оба русских приветливо улыбались и делали знаки приветствия студентам, которые выглядели восторженно… Улыбки исчезли с их лиц, когда им было сообщено о содержании стольких криков и аплодисментов. В одном из великолепных зданий университета посетители обнаружили, что бюсты старинных ректоров и знаменитых ученых университета загримированы так, что походили на тирана, исчезнувшего три года назад, нахмуренного, в усищах и с наградами на груди».

Когда Хрущева спрашивали, выступал ли он на съезде с секретным докладом, тот уклонялся от ответа. На обеде в резиденции премьера на Даунинг-стрит Хрущев встретился с Уинстоном Черчиллем, уже отошедшим от дел. Старому политику было любопытно, кто же сменил Сталина на посту лидера Советского Союза. Хрущев был, как всегда, разговорчив, Черчилль же предпочитал слушать. Зашел разговор и о преступлениях Сталина. По мнению Хрущева, процесс развенчания культа личности Сталина — дело сложное и чрезвычайно болезненное. Тут спешить нельзя, надо действовать постепенно, поэтапно. Черчилль с сомнением покачал головой:

— Господин Хрущев, именно в силу той болезненности, о

которой вы говорите, мне кажется, вопрос надо решать одним ударом и до конца. Затяжки могут привести к серьезным последствиям. Это как преодоление пропасти. Ее можно перепрыгнуть, если достанет сил, но никому не удавалось сделать это в два приема.

Вряд ли подобное мнение Черчилля тогда понравилось Хрущеву, однако, как известно, он не раз потом использовал в своих многочисленных речах эту метафору: «Нельзя перепрыгнуть пропасть в два приема!» А. Авторханов так характеризовал Хрущева 50-х годов: «Хрущев — психологически чрезвычайно сложный тип при кажущейся внешней простоте. Нужна была смерть Сталина, чтобы он развернулся во всем своем противоречивом многообразии. Его потенциальные возможности, сдерживавшиеся железными тисками сталинизма и своенравной волей диктатора, сказываются только теперь. Хрущев — единственный человек даже в «коллективном руководстве», который приобрел внутреннюю свободу мысли и действия. При этом он нанес чувствительный удар золотому правилу сталинской дипломатии — «не говори, что думаешь, и не думай, что говоришь». Фарисейским формулам Вышинского и стандартной жвачке Молотова в международной дипломатии Кремля он противопоставил до наготы обнаженный стиль практического циника — «мы, конечно, враги друг другу, но давайте торговать — торговать в политике, торговать в экономике, торговать даже в совести». И послесталинская дипломатия сразу вышла из тупика: Корея, Индокитай, Югославия, Австрия, Женева, Индия, Бирма, Афганистан, Египет, Федеративная Республика Германия — это только первый этап многообещающей «торговли» Хрущева».

Глава 9
XX съезд
Борьба с тенью Сталина

Хрущев начал борьбу с покойником и вышел из нее побежденным.

У. Черчилль

В течение каких-нибудь трех часов Хрущев похоронил того, кому создавали авторитет коммунистического полубога в течение трех десятилетий.

А. Авторханов

XX съезд партии навсегда вошел в российскую историю благодаря докладу Хрущева о культе личности Сталина на закрытом заседании 25 февраля 1956 года. До сих пор спорят, чем руководствовался Хрущев, настаивая на том, чтобы сказать правду о злодеяниях уже покойного диктатора, каковы были последствия этого выступления. Одни считают, что именно с этого хрущевского доклада стала размываться, исчезать вера — в мудрость партии, в величие социализма, в светлое будущее «великого советского народа». А Хрущев пошел на этот шаг, руководствуясь исключительно своими властными амбициями.

По мнению других, это был акт гражданского мужества Хрущева. Понимая, что правда о сталинских беззакониях ляжет тяжким грузом и на него, Хрущев, тем не менее, сумел переступить через личные чувства.

Прежде всего напрашивается вывод: под десятилетия «самоедской» экономической политики, тоталитаризма и репрессий было как бы подведено теоретическое обоснование в виде ссылки на культ личности. Тогдашние вожди во главе с Хрущевым видели в этом выход из сложившегося положения. Но сама кампания критики культа личности развивалась в официально очерченных рамках. Позднее примерно то же самое, но на иной социокультурной почве, будет происходить в Китае при Дэн Сяопине.

Первоначально вся вина за миллионы жертв беззакония возлагалась на Берию. Любопытны в этой связи следующие

рассуждения Хрущева:

«Мы создали в 1953 году, грубо говоря, версию о роли Берии, что, дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершались при Сталине. Это тоже было результатом шока. Мы тогда, никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин друг каждого, отец народа, гений и прочее. Невозможно было сразу представить себе, что Сталин — убийца и изверг. Поэтому после процесса над Берией мы находились в плену этой версии, нами же созданной в интересах реабилитации Сталина: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а потом бог насылал град, гром и другие бедствия».

А если бы Берия остался в составе «ареопага»? Нашли бы другого «стрелочника»? Кого? Кагановича, Молотова, Маленкова, того же Хрущева? Как бы то ни было, вырисовывается довольно любопытный веер альтернатив…

По мере того как верхушка партийной элиты все больше узнавала о сталинских беззакониях, все чаще вопросы культа становились предметом обсуждения на заседаниях Президиума ЦК партии. Но от остальной партийной элиты все это держалось в секрете. И тем не менее, люди ощущали нарастающие перемены в отношении Сталина. На страницах печати исчезли упоминания о нем, его перестали цитировать. Для многих все это было совершенно непонятно. Поэтому подобный переход от «феномена Берии» к «феномену Сталина» сопровождался нарастающим непониманием между народом и властью. Контраст между недавним восхвалением Сталина и нынешним его замалчиванием думающими людьми воспринимался как аморальный. «Когда имя Сталина исчезло со страниц газет, — вспоминает известный публицист и критик Игорь Дедков, — а потом очень быстро появилась формулировка «культ личности», то этим было как-то задето нравственное чувство, чувство справедливости. Как же так? То он заполнял собой все газеты, все на него молились. И кто в первую очередь молился? Все эти «начальники», руководители страны. Почему вы раньше кричали «ура!», а теперь молчите? В общем, это было сделано как-то безнравственно. Не по-человечески».

Постепенно на волне оттепели и либерализации общественной жизни пробивала себе широкую дорогу правда о преступлениях Сталина. Все острее назревала необходимость назвать прямого виновника беззаконий. Хрущев в своих воспоминаниях говорит: «Эти вопросы созрели и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие, и это было бы гибелью для руководства, которое не прислушалось к велению времени».

Не в этих ли словах глубинные мотивы этого шага Хрущева?! Сохранить власть, сохранить систему — вот что прежде всего его беспокоило и подталкивало к решительным действиям. Ну, а уж энергии, воли и напора ему было не занимать.

И тем не менее, остается все-таки непонятным, почему именно Хрущев проявлял такую активности в стремлении разоблачить сталинские преступления? Ф. Бурлацкий объясняет это тем, что Хрущев, несмотря на все испытания времени, не растратил свой первозданный генетический гуманизм. В его душе скапливались боль, раскаяние, чувство вины за все, что тогда происходило.

По свидетельству Шепилова, на одном из заседаний Президиума ЦК партии Хрущев заявил:

«Я, Хрущев, ты, Клим, ты, Лазарь, ты, Вячеслав Михайлович, — мы все должны принести всенародное покаяние за 37-й год».

Все это так! Но есть еще одно немаловажное обстоятельство. Хрущев начинает свой натиск на Сталина в конце 1955 года. Он очень активен, он убеждает других членов Президиума ЦК, что «партия не поймет», если мы не скажем всю правду о преступлениях Сталина. Видимо, во второй половине 1955 года произошло что-то, окончательно развязавшее Хрущеву руки. Возможно, Хрущев к этому времени перестал опасаться, что станет известна его причастность к преступлениям Сталина.

Российский историк Д. Волкогонов в телевизионной передаче в августе 1995 года сообщил, что Хрущеву удалось уничтожить все документы, свидетельствующие о его причастности к террору. Волкогонов обнаружил в архиве материалы комиссии во главе с Хрущевым, подписавшей акт об уничтожении более десятка бумажных мешков с документами из архива Берии. На тот факт, что Хрущев уничтожал через Серова компрометирующие его документы, неоднократно ссылается и генерал Судоплатов в своих мемуарах.

Со временем правда о сталинских репрессиях все больше распространялась в обществе. Продолжался процесс реабилитации, и те немногие оставшиеся в живых, вернувшись, рассказывали о том, что им пришлось пережить. В 1955 году в Ленинграде, Баку и Тбилиси состоялись судебные процессы над «подельниками» Берии, причем дела слушались в открытых заседаниях. Нарастало давление и из сталинской «преисподней»: все чаще восставал ГУЛАГ.

В конце декабря 1955 года по предложению Хрущева была создана комиссия во главе с секретарем ЦК КПСС Поспеловым, который вместе с академиками М. Митиным и Г. Александровым

еще недавно готовил «Краткую биографию» Сталина (1947). Теперь же у Поспелова задача была иной: изучить имеющиеся материалы о массовых репрессиях при Сталине. 9 февраля 1956 года подготовленный комиссией доклад заслушали на заседании Президиума ЦК.

Микоян вспоминал: «Факты были настолько ужасающими, что когда Поспелов говорил, особенно в таких местах, очень тяжелых, у него на глазах появлялись слезы и дрожь в голосе. Мы все были поражены, хотя многое мы знали, но всего того, что доложила комиссия, мы, конечно, не знали, а теперь все это было проверено и подтверждено документами».

А вот оценка Хрущева: «Материалы комиссии Поспелова, созданной нами в преддверии XX съезда КПСС, явились для многих из нас совершенно неожиданными».

Неизбежно встал вопрос: что дальше? Выносить ли правду о сталинских беззакониях на XX съезд партии, который должен был открыться уже через неделю, 14 февраля 1956 года? В примечаниях к впервые опубликованному в открытой печати только в 1989 году докладу о культе личности Сталина говорится, что предложение о проведении закрытого заседания и выступлении на нем Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях» было выдвинуто Президиумом и одобрено на пленуме ЦК партии 13 февраля 1956 года. Однако многие источники опровергают это утверждение.

Лазарь Каганович рассказывал писателю Феликсу Чуеву, что после обсуждения выводов комиссии Поспелова на Президиуме ЦК было решено созвать после XX съезда пленум и на нем заслушать доклад Поспелова. Хрущев тоже был «за». Однако, когда съезд уже, по сути дела, закончился, были оглашены результаты выборов центральных органов КПСС, во время перерыва членам Президиума ЦК по распоряжению Хрущева раздали красные брошюрки с каким-то текстом. Тот на них показал и говорит:

— Надо выступать на съезде.

— Но мы же договорились, что обсудим этот вопрос на специальном пленуме, в спокойной обстановке. Съезд ведь уже закончился.

— Нет, надо сейчас! — говорит Хрущев.

Каганович рассказывал, что члены Президиума даже толком не посмотрели, что было в этих брошюрах, Хрущев все торопил: съезд ждет.

— Он потом написал, что ему предложил Президиум выступить с докладом, — говорил Каганович. — Это он врет. Он сам сказал: «Я сделаю доклад».

Д. Шепилов также вспоминает, что никакого предварительного решения о докладе не было. Просто в кулуарах, в комнате отдыха президиума съезда Хрущев сказал: «Мы не раз говорили об этом, и вот время пришло доложить коммунистам правду».

Доклад Хрущева представлял собой существенно дополненную записку комиссии Поспелова. Отечественный историк Н. Барсуков обращает внимание на то, что материалы Поспелова в основном охватывали время до 1939 года и в докладе Хрущева они заняли только два раздела. К ним были добавлены еще пять разделов. Произошло это прямо в ходе работы съезда, когда над текстом доклада трудились сам Хрущев, Шепилов и их помощники.

Вопрос о культе личности, но без имени Сталина, поднимался и в отчетном докладе Хрущева на XX съезде партии:

«Борясь за всемерное развитие творческой активности коммунистов и всех трудящихся, Центральный Комитет принял меры к широкому разъяснению марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. ЦК решительно выступил против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, который превращает того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс, ведет к снижению их творческой активности. Распространение культа личности принижало роль коллективного руководства в партии и приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе».

О необходимости преодоления негативных последствий культа личности на съезде также говорили Г. Маленков, А. Микоян, В. Молотов, Л. Каганович, М. Суслов. По словам Микояна, «в течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осужденный еще Марксом, а затем и Лениным, и Это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение в партии и на ее деятельность».

Именно выступление Микояна стало наиболее острым. Авторханов даже полагает, что он как бы запустил первый пробный шар по критике сталинских догм на XX съезде, и люди, до этого поклонявшиеся «вождю и учителю», проводили оратора «бурными, несмолкающими аплодисментами». Но имени Сталина ни в одном из выступлений не было названо.

И вот наступил «звездный час» Хрущева. 25 февраля первый секретарь ЦК поднялся на трибуну и начал читать свой знаменитый «секретный» доклад. Хрущев, наконец, объединил культ личности и Сталина:

«После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал

строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все ведает, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках. Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет».

Наверное, только сейчас от Хрущева многие из делегатов узнали и о ленинском письме к съезду с нелестными характеристиками Сталина, и о записке Ленина Сталину с требованием, чтобы тот извинился перед Крупской за нанесенное ей оскорбление. Зал слушал в мертвой тишине, потрясенный словами Хрущева. И только когда тот сказал, что семьдесят процентов членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, было расстреляно, стенограмма зафиксировала «шум возмущения в зале».

А когда Хрущев стал приводить страшные факты, называть фамилии погибших от топора террора, стенограмма буквально пестрит замечаниями «движение в зале», «шум возмущения в зале». Постепенно воспринимая энергетику аудитории, Хрущев все больше «заводился». Он нередко отрывался от подготовленного текста, с негодованием и возмущением обращаясь к потрясенным слушателям и к своим соратникам:

«Ты, Клим, откажись, наконец, от своего вранья об обороне Царицына. Сталин прос… Царицын, как и польский фронт, — кричал Хрущев, обращаясь к Ворошилову. — Неужели у тебя, старого и дряхлого человека, не найдется мужества и совести, чтобы рассказать правду, которую ты сам видел и нагло исказил в подлой книжонке «Сталин и Красная Армия»?»

Со страниц доклада Хрущева вставал страшный образ Сталина-диктатора, тирана, всячески способствовавшего созданию своего культа, организатора массовых репрессий, в ходе которых погибло множество безвинных коммунистов. Хрущев обвинил Сталина в некомпетентном управлении страной. Однако подход Хрущева был избирательным. К примеру, к числу жертв «культа личности» были отнесены только коммунисты, но не простые граждане, и лишь те, кто придерживался «генеральной», т. е. сталинской линии.

Хрущев также пытался снять вину со Сталина за все совершенное до 1934 года, прежде всего — насильственную коллективизацию и голод начала тридцатых годов. Он заявил, что Сталин сыграл положительную роль в борьбе с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами.

Авторханов о Хрущеве эпохи XX съезда партии говорил:

«Волевой, темпераментный, внутренне свободный от догматических оков собственной идеологии, он склонен к экспериментированию в политике, чтобы перехитрить историю. Первый эксперимент всемирно-исторического значения и был проделан Хрущевым над «культом Сталина» Целью Хрущева была десталинизация методов и форм, но не существа системы, развенчание личности, но не ликвидация практики, сжигание символа, но не пересмотр учения. Словом, проклиная Сталина как личность, идти по сталинскому пути как учителя. В этом кардинальное противоречие в разоблачении Сталина».

Впервые в открытой печати слова не о культе личности вообще, а о культе личности Сталина, прозвучали в статье «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» в газете «Правда» за 28 марта 1956 года.

Между тем слухи о «секретном» докладе Хрущева на XX съезде все больше распространялись на Западе. 16 марта газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала сообщение о кратком содержании доклада, а 4 июня на ее страницах появился полный текст «секретного» доклада. 6 июня текст доклада публикуется в парижской газете «Монд».

В Советском Союзе к тому времени практически все взрослое население уже было ознакомлено с содержанием доклада Хрущева на XX съезде партии.

Однако открытое разоблачение культа личности Сталина многими было воспринято с недоверием и страхом. Мало кто тогда верил, что это действительно новая политическая линия партийно-государственного руководства. «Культовое мышление» и врожденный страх — через это переступить было непросто. Общество в своей основе не приняло радикальную критику «великого вождя и учителя». Отсюда и последующие колебания и «откаты» самого Хрущева, на первый взгляд, нелогичные и труднообъяснимые. Так что дело отнюдь не в недостатке гражданского мужества у Хрущева.

Поэт Борис Пастернак тогда написал:

Культ личности лишен величия.
Но в силе культ трескучих фраз.
И культ мещанства и безличья,
Быть может, вырос во сто раз.

Официально допущенное «свободомыслие» не должно было выходить за рамки дозволенного, затрагивать устои существующего строя. Партийное руководство внимательно

следило за этим. Через две недели после завершения работы XX съезда на партийном собрании в Академии общественных наук при ЦК КПСС с докладом об итогах работы съезда выступил секретарь ЦК Д. Шепилов. При обсуждении доклада некоторые из выступавших вышли за официально установленные рамки критики политики партии. Будущий непримиримый критик Хрущева направил сразу же в Президиум ЦК и Секретариат ЦК докладную: Меры по этой докладной Д. Шепилова были жесткими. Из Академии уволили профессора Б. Кедрова, а преподавателя кафедры философии, инвалида войны И. Шарикова не только уволили, но и осудили.

На партийном собрании теплотехнической лаборатории Академии Наук по итогам XX съезда партии молодой ученый физик Ю. Орлов говорил о необходимости осуществления демократических преобразований в стране. Его поддержали Некоторые из выступающий. Когда же президиум собрания потребовал осудить эти выступления, то более трети присутствующих проголосовали против подобного предложения. 5 апреля 1956 года Президиум ЦК партии принял специальное постановление «О враждебных вылазках на собрании партийной организации теплотехнической лаборатории Академии Наук СССР по итогам XX съезда КПСС». Все выступавшие были исключены из партии, а партийная организация распущена.

В Тбилиси в годовщину смерти Сталина 5 марта 1956 года состоялся митинг его памяти; переросший в массовую манифестацию. Из толпы звучали призывы: «Реабилитировать Сталина и Берию!», «Долой Хрущева, Микояна, Булганина!», «Сформировать правительство Молотова!» Войска открыли по манифестантам огонь. Десятки человек были убиты, сотни — ранены.

Рост критической кампании все больше беспокоил высшее партийное руководство. Сам Хрущев не высказывал определенной позиции, которая бы свидетельствовала О том, что он продолжает курс, заявленный в его закрытом докладе на XX съезде.

Первым симптомом отката стала статья в газете «Правда» 5 апреля 1956 года «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму», входившая в противоречие со многими положениями статьи от 28 марта. Резко осуждались те, кто «под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии». 7 апреля в той же «Правде» появилась перепечатанная из китайской «Жэньминь жибао» статья «об историческом опыте диктатуры пролетариата», свидетельствовавшая о весьма сдержанном отношении китайского партийного руководства к новациям XX съезда.

19 декабря 1956 года ЦК направляет в партийные органы секретное письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», где говорилось, что «в отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной».

Кем же был Сталин для Хрущева? В статье в журнале «Коммунист» (1957, № 12) он говорил: «Мы были искренними в своем уважении к Сталину, когда плакали, стоя у его гроба. Мы искренни и сейчас в оценке его положительной роли… Каждый из нас верил Сталину, вера эта была основана на убеждении, что дело, которое мы делали вместе со Сталиным, совершалось в интересах революции». И далее: «Для того, чтобы правильно понять существо партийной критики культа личности, надо глубоко осознать, что в деятельности товарища Сталина мы видим две стороны: положительную, которую мы поддерживаем и высоко ценим, и отрицательную, которую критикуем, осуждаем и отвергаем». Естественно, что в «положительную сторону» Сталина включается Хрущевым и борьба того против «троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и буржуазных националистов». Ведь это для него была «политическая борьба», когда разоблачали «противников ленинизма и социалистического строительства».

Глава 10
Оттепель

Лишь при восстании лица
Против безликости,
Жизнь восстанавливается
В своей великости.

Е. Евтушенко

С легкой руки Ильи Эренбурга 4 оттепелью» стали называть наступившее после смерти Сталина время, когда началось «оттаивание» от страха, несвободы, лжи и агрессивности. Это еще не весна, но уже ее преддверие. Как и в начальные годы горбачевской перестройки, потепление прежде всего происходило в духовной жизни, литературе, художественной культуре. Менялась общественная-атмосфера в стране. Начался процесс пробуждения национального самосознания и общественной мысли. Появился новый социальный феномен — общественное мнение. Конечно, проявлялось все это, в основном, среди образованных слоев, как правило, в столице и других крупных городах. Но начало было положено, и в этом — главное.

Глубинное содержание и весь ход оттепели прежде всего определялись борьбой двух тенденций — охранительной и обновительной. Отсюда — ее пульсация, противоречивость и непоследовательность. Первый всплеск оттепели был связан со смертью Сталина и началом обновления. Второй — с XX съездом партии, «секретным» докладом Хрущева и последующем-общественной и духовной либерализацией.

Первый этап оттепели — это осторожное, боязливое, с оглядкой на прошлое, проклевывание ростков свободомыслия, индивидуализма, критичности, растущее из года в год на волне политических изменений и критики культа личности, хотя и без упоминания имени Сталина. Наиболее отчетливое проявление оттепель нашла в литературе и культуре в целом.

В годы сталинизма из принципа «партийности литературы» был сделан жупел в борьбе с любым инакомыслием. Но и в годы оттепели этот принцип не был серьезно пересмотрен.

Сам Хрущев, даже если бы пожелал, вряд ли смог бы сломать устоявшуюся машину запретительства и идеологического прессинга. Партноменклатура, опираясь на отлаженный десятилетиями аппарат идеологической индоктринации, по-прежнему диктовала свои условия. ЦК КПСС направлял

приветствия съездам писателей, художников, композиторов. Сам Хрущев устраивал встречи руководителей партии и правительства с деятелями культуры. Его установки по проблемам культуры звучали в докладах на XX, XXI, XXII съездах партии, в выступлениях на приеме деятелей культуры (май 1957 г.), партийного актива (июнь 1957 г.). Однако его глубинный «архетип» отчетливо выражен в известной формуле: «В вопросах искусства я — сталинист».

Оттепель развивалась как бы двумя параллельными потоками, почти не связанными между собой. Общественно-политическая и нравственная атмосфера в стране после XX съезда менялась довольно быстро. Съезд выдвинул немало новых идей, давших пищу для размышлений. Однако оттепель в большей степени ощущалась и воспринималась через литературу и искусство, в неофициальных дискуссиях и спорах. Второй же поток оттепели — официальная пропаганда — был гораздо более сдержанным. Критика культа личности здесь отрывалась от реальных общественных проблем, сосредоточилась на личности и негативных чертах характера Сталина и ограничивалась по преимуществу периодом репрессий 1937–1938 годов.

Уже вскоре после XX съезда акценты в официальной пропаганде все более заметно смещаются к поискам положительного в деятельности Сталина. Инициатива в этом также принадлежала Хрущеву.

Конечно, во многом оттепель происходила на волне преодоления мифа о «великом и мудром Сталине» и критики культа личности. Но продолжал жить другой миф — о Ленине. «Не могу удержаться от вопроса: когда же, наконец, воздадут должный почет великому Ильичу и не будут ставить его на одну ступень с преступником, который не только уничтожил тех, кто делал революцию, но и убивал в людях честность, бескорыстность и веру в дело социализма», — писала Хрущеву учительница М. Николаева в ноябре 1956 года. В среде интеллигенции звучали призывы «вернуть народу истинный образ Ленина», рассказать о его действительных заслугах, приписанных Сталину.

После XX съезда процесс обновления коснулся и общественных наук. В статье Ф. Бурлацкого и Г. Шахназарова «Общественные науки и жизнь» («Литературная газета, 1956, 24 марта) резкой критике подвергались догматизм, комментаторство, оторванность от жизни.

В соответствии с постановлением ЦК «О подготовке популярного пособия «Основы марксизма-ленинизма» (август 1956 года) формируется авторский коллектив во главе с О. Куусиненом. В мае 1957 года создается журнал «Вопросы

истории КПСС». Однако номенклатура, естественно, не собиралась отказываться от принципа «партийного руководства». Дерзать разрешалось только в заданных сверху границах дозволенного. Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Ф. Константинов заявил: «Есть на свете лишь одна подлинно научная общественно-политическая теория — это марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе, о государстве и революции, о диктатуре пролетариата, о законах строительства социализма и коммунизма». Все это подавляло свободное обсуждение, открытый диалог, борьбу идей и мнений.

Особенно явно пробуждение общественного самосознания проявилось в литературно-художественном творчестве. Вновь, как это не раз бывало в российской традиции, литература взяла на себя роль фокуса общественных оценок и суждений. С самого начала в центре споров, развернувшихся в среде творческой интеллигенции, оказались статьи, опубликованные на страницах журнала «Новый мир» (главный редактор А. Твардовский) В. Померанцевым, Ф. Абрамовым, М. Лифшицем и другими. Тогда же появились «Оттепель» И. Оренбурга, «Времена года» В. Пановой, «Гости» Л. Зорина, стихи Е. Евтушенко, Р. Рождественского, В. Гордейчева.

Откровением для того времени стала статья В. Померанцева «Об искренности в литературе» («Новый мир», 1953, № 12). Перечитывая ее сейчас, видишь и наивный романтизм, и утопизм, и ходульность формулировок, мыслей. Однако для тех лет это был прорыв, шок. Писать надо честно, не думая при этом о выражении лиц высоких и невысоких читателей. Чтобы писать искренне, надо избегать «лакировки действительности», не выдавать желаемое за действительное. «Руководство партии показало нам, как смешна и вредна угрюмая осторожность подобного рода, — писал Померанцу. — выступления руководителей партии и правительства с критикой наших недостатков повышают творческую активность советских людей, поднимают их на борьбу за лучшую жизнь. Писателям нас возвышающий обман совершенно не нужен, ибо не низка, высока наша истина».

Призыв к искренности воспринимался думающим читателем как призыв к борьбе со всем, что мешает духовному и нравственному выпрямлению деформированного тоталитарного общества. И недаром именно журнал «Новый мир» с его острыми публикациями стал главным предметом ненависти партийной номенклатуры. Президиум ЦК КПСС оценил линию, проводимую литературно-критическим отделом журнала как «вредную». 23 июля 1954 года вопрос о журнале обсуждался на Секретариате

ЦК, где предложили освободить Твардовского от обязанностей главного редактора. В августе в Союзе советских писателей была обсуждена «неправильная линия» журнала. Вместо Твардовского главным редактором «Нового мира» назначили Константина Симонова.

Во второй книжке журнала «Театр» за 1954 год появилась пьеса Л. Зорина «Гость». В трех поколениях изображенной в пьесе семьи прослеживается как бы закономерность времени: дед — старый большевик — ортодокс, отец — бездушный номенклатурщик, сын близок к деду и стыдится отца, чурается фальши, с которой сталкивается в семье. Тогдашний министр культуры Александров на заседании коллегии министерства объявил эту пьесу «враждебной». Впрочем, не прошло и года, как грозный министр оказался не у дел. Появилось закрытое письмо ЦК, в котором он изображался как глава притона, где происходили оргии. После этого Александрова отправили в Минск, там он в университете стал преподавать марксизм-ленинизм.

Так еще до XX съезда в общественном сознании, прежде всего среди творческой интеллигенции, отчетливо появились тенденции к пересмотру административных основ партийного всевластия в области литературы и искусства. Однако ни сам Хрущев, ни другие партийные и государственные руководители не поддержали эти устремления, усматривая в них покушение на исключительные полномочия партийного аппарата в духовной жизни.

После XX съезда советские литература и искусство получили импульс к обновлению и развитию. Были восстановлены Ленинские премии за наиболее выдающиеся достижения, в том числе в области литературы и искусства. Появились новые журналы: «Юность», «Иностранная литература», «Москва», «Нева», «Наш современник» и другие.

В 1956 году увидел свет второй сборник «Литературная Москва». «Там, где вкус одного человека становится непререкаемым, — писал в нем А. Крон, — неизбежны нивелировка и грубое вмешательство в творческий процесс, вредная опека, травмирующая талант, но вполне устраивающая ремесленников. Сейчас уже не нужно быть, смельчаком, чтобы сказать вслух о том, как мало пользы и как много вреда принесли Сталинские премии».

Во второй половине 1956 года в «Новом мире» (№ 8-10) был опубликован роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Первоначально он получил высокие оценки в общественной мысли и критике. В. Тендряков так отозвался о романе: «В

последнее время появились более или менее сильные произведения, но ни в одном из них так открыто и так сильно не было сказано о дряни». Дудинцев бил прямо по бюрократии, чего она не могла стерпеть. В это же время происходили волнения в Венгрии. Лев Копелев позднее вспоминал:

«В тот самый день, когда для нас всего важнее было — состоится ли обсуждение романа Дудинцева, издадут ли его отдельной книгой, именно в этот день и в те же часы в Будапеште была опрокинута чугунная статуя Сталина, шли демонстрации у памятника польскому генералу Бему, который в 1848 году сражался за свободу Венгрии. А в наших газетах скупо и зло писали о «венгерских событиях» или «попытках контрреволюционного переворота» Мы тогда едва понимали, насколько все это связано с судьбой нашей страны и с нашими жизнями. Сталинцы оказались более догадливыми. Они пугали Хрущева и Политбюро, называя московских писателей «кружком Петефи»; в доказательство приводили, в частности, обсуждение романа Дудинцева и речь Паустовского, запись которой многократно перепечатывали и распространяли первые самиздатчики».

Шло время. Волна критических выступлений в печати в адрес Дудинцева и других «неудобных» писателей нарастала. На пленуме правления московской писательской организации в марте 1957 года В связи с обсуждением состояния современной прозы вновь столкнулись разные мнения. Основной докладчик Д. Еремин заявил:

«К сожалению, в прошлом году появились и такие произведения, в которых авторы не нашли своей правильной позиции, не учли обобщающей силы искусства, не сумели с реалистической простотой решить поставленные перед собой идейно-творческие задачи. Это прежде всего роман В. Дудинцева «Не хлебом единым* и рассказ Г. Гранина «Собственное мнение», опубликованные в «Новом мире», рассказы А. Яшина «Рычаги», Н. Жданова «Поездка на родину», Ю. Нагибина «Свет в окне», появившиеся во втором сборнике «Литературная Москва» Причины таких срывов надо искать в идейной незрелости этих писателей, оказавшихся несостоятельными, когда перед ними встали сложные вопросы жизни, в слабости мастерства, особенно проявившейся в обрисовке положительных героев».

В защиту Дудинцева и других «идейно незрелых» выступали В. Каверин, Л. Чуковская, С. Кирсанов, Е. Евтушенко. М. Алигер заметила, что смысл полемики заключается в различном принятии XX съезда партии. Сам Дудинцев, защищая свой роман, два раза выступил на пленуме, но не встретил сочувствия у

большинства его участников. М. Прилежаева высказалась так: «Слушая выступление Дудинцева, я все время ждала, что он скажет что-то светлое, доброе, обращенное к молодежи, с чем после этого захочется идти на трудовые подвиги, но этого я так и не услышала».

В ситуации продолжающейся конфронтации двух линий в общественной мысли Хрущев счел необходимым вмешаться и дать руководящие указания. 14 мая 1957 года он выступил на встрече с участниками правления Союза писателей СССР, где говорил, что среди интеллигенции «нашлись отдельные люди, которые начали терять почву под ногами, проявили известные шатания и колебания в оценке сложных идеологических вопросов, связанных с преодолением последствий культа личности. Нельзя скатываться на волне критики к огульному отрицанию положительной роли Сталина, выискиванию только теневых сторон и ошибок в борьбе нашего народа за победу социализма».

На открывшемся 14 мая пленуме правления Союза писателей доклад Секретариата был выдержан в духе указаний Хрущева. В нем подчеркивалось, что «Сталин сыграл большую роль в деле упрочения социалистической сущности нашей литературы», а плодотворность методов руководства партии литературой «непоколебимо ясна для подавляющего большинства советских писателей».

Прошло лишь несколько дней, и 19 мая партийно-государственные руководители вновь встретились с деятелями культуры. В официальном сообщении говорилось, что встреча прошла в обстановке исключительной сдержанности и теплоты. Но вот что об этом написал Владимир Тендряков:

«Крепко захмелевший Хрущев оседлал тему идейности в литературе — «лакировщики не такие уж плохие ребята… Мы не станем цацкаться с теми, кто нам исподтишка пакостит». Он неожиданно обрушился на хрупкую Маргариту Алигер, активно поддерживавшую альманах «Литературная Москва»:

— Вы — идеологический диверсант. Отрыжка капиталистического Запада!

— Никита Сергеевич, что вы говорите? — отбивалась ошеломленная Алигер. — Я же коммунистка, член партии.

— Лжете! Не верю таким коммунистам! Вот беспартийному Соболеву верю!

— Верно, Никита Сергеевич! — услужливо поддакивал Соболев. — Верно! Нельзя им верить!»

Это был откат «оттепели». И. Эренбург вспоминал:

«Нападки на писателей были связаны не с критикой литературных произведений, а с изменением политической

ситуации. Люди старались не вспоминать о XX съезде и, конечно, не могли предвидеть XXII. Молодежь пытались припугнуть, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали, говорили между собой. Страх, заставлявший людей молчать при Сталине, исчез. Он заменился обычными опасениями: если много кричать, пошлют на работу подальше от Москвы».

Выступая на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Хрущев говорил, что «критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина… Как преданный марксист-ленинец и стойкий революционер, Сталин займет должное место в истории!» Все это были серьезные аргументы в руках тех, кто противостоял переменам.

Хрущева и других «вождей» особенно обеспокоили события в Венгрии, да и в ряде других социалистических стран.

В Польше разоблачение сталинской карательной политики и признание Москвой разнообразия путей перехода к социализму вызвали немалое смятение. Последовавшая вскоре смерть коммунистического лидера Берута породила надежду на либерализацию авторитарного политического режима. В июне 1956 года в городе Познани состоялись антисталинские и антисоветские выступления. 28 июня войска расстреляли демонстрацию рабочих, требовавших улучшения условий труда. В ходе столкновений 73 человека погибли, а более 300 было ранено. Новое руководство во главе с первым секретарем ЦК Польской Объединенной Рабочей Партии Э. Охабом утрачивало контроль над ситуацией. В июле пленум ЦК партии исключил из своего состава некоторых наиболее одиозных деятелей, причастных к репрессиям, и обновил Политбюро. Были освобождены осужденные в 1949 году по сфальсифицированным политическим процессам заключенные, в том числе В. Гомулка, арестованный и обвиненный в конце 40-х годов в «правонационалистическом» уклоне.

Процесс десталинизации нарастал. Э. Охаб уступил свой пост Гомулке, ставшему символом сопротивления диктату Москвы и выразителем «польского пути к социализму». Обеспокоенный Хрущев вместе с Молотовым, Микояном и Кагановичем без приглашения прибыли в Варшаву на пленум ЦК, начавший свою работу 19 октября. Одновременно Хрущев приказал советским танковым частям, стоявшим в Польше, начать продвижение к Варшаве. Однако напряженность с отчетливо выраженной антисоветской направленностью была очень высока, и Хрущев не решился применить вооруженную силу.

Советские представители провели серию бесед, в которых участвовали В. Гомулка, Э. Охаб, Э. Терек и К. Рокоссовский, являвшийся тогда министром национальной обороны Польши. Несмотря на первоначальное противодействие, советские «вожди» вынуждены были принять польские требования, чтобы разрядить сложившуюся обстановку: обновление партийного руководства, уступки рабочим, требующим создания рабочих Советов, роспуск поспешно созданных колхозов, расширение границ свободы слова, собраний и манифестаций. Маршал Рокоссовский и советские военные и политические советники вернулись в Москву.

Процесс десталинизации развернулся в Болгарии. В. Червенков, причастный к репрессиям против политических противников, утратил свои посты в партии и государстве. Новым лидером был избран Т. Живков, который освободил политзаключенных, реабилитировал безвинно расстрелянных и объявил сфальсифицированным судебный процесс по делу Т. Костова. Последнему посмертно присвоил звание Героя.

Однако самым болезненным и кровавым оказался процесс десталинизации в Венгрии. Связано это было во многом с мрачной фигурой Матьяша Ракоши, правоверного сталиниста. В тридцатые годы Сталин выкупил его из будапештской тюрьмы в обмен на венгерские знамена, захваченные российской армией еще в 1849 году. Из Советского Союза Ракоши вернулся вместе с Красной Армией, был «посажен на власть» и установил в Венгрии жестокий репрессивный режим. Все ключевые посты в партии и правительстве подучили «москвичи», то есть коминтерновцы. Те же, кто действовал в самой Венгрии в подполье, подлежали ликвидации.

Один из руководителей компартии Л. Райк был казнен как шпион, Я. Кадар — брошен в тюрьму. Сотни тысяч человек, объявленных «пособниками фашизма и реакции», были репрессированы.

Смерть Сталина стала для Ракоши тяжелым ударом. Возникла серьезная угроза его всевластию. В обществе нарастало недовольство и брожение. Ракоши был вызван в Москву, где Берия объявил ему, что, хотя Венгрией правили разные короли, у нее до сих пор не было еврейского царя и советские руководители этого не допустят. Стремясь создать противовес амбициозным устремлениям Ракоши, Москва поддержала более либерального Имре Надя, который, правда, тоже был евреем, но в Москве уже не было антисемита Берии. Новый премьер вместе со своей командой выдвинул программу реформ, предусматривавшую отказ от разрушительного курса на форсированную

индустриализацию и насильственную коллективизацию по советскому образцу, а также внесение изменений в политическую систему.

Постепенно Надь становился для венгров символом надежд на обновление. Однако в Москве с конца 1954 года стала расти обеспокоенность судьбами социализма в Венгрии. Ракоши умело это беспокойство подпитывал, акцентируя внимание «коллективного руководства» КПСС на «отступлениях от социализма», допущенных Имре Надем. В схватке с многоопытным Ракоши Надь потерпел поражение. Он был снят с поста премьера и исключен из партии. Вновь в Венгрии возобладала коммунистическая ортодоксия, развернулись гонения против свободолюбиво настроенных интеллектуалов и деятелей культуры.

Вернувшись из Москвы после завершения работы XX съезда КПСС, Ракоши пытался убедить страну и коммунистов, что его курс созвучен новым идеям Москвы. Однако в обществе нарастала волна критики: Был поставлен вопрос о реабилитации Л. Райка. Затем все громче стали звучать требования отставки Ракоши и возвращения к руководству реформатора Имре Надя.

Перепечатанная в Венгрии в конце марта 1956 года статья из «Правды» «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» была воепринята в среде либералов-реформаторов как свидетельство их поддержки со стороны Москвы. Однако среди советского партийного руководства уже нарастало беспокойство по поводу «далеко зашедшей» десталинизаций. Начинается откат назад.

В Венгрии Ракоши уже с трудом контролировал обстановку. Идеи «обновления социализма» все чаще звучали в обществе. От советского посла в Венгрии Юрия Андропова нарастал поток донесений в ЦК КПСС, в которых резко негативно оценивалась ситуация в партии и стране. Власть Ракоши становилась все более неустойчивой. Однако посетивший в первой половине июня 1956 года Будапешт член Президиума ЦК КПСС Михаил Суслов доложил в ЦК о необходимости дальнейшей поддержки Ракоши. В Москве не видели достойной замены венгерскому «вождю».

Волнения в Польше в конце июня усилили обеспокоенность Москвы положением дел в Восточной Европе. Хрущев и другие советские руководители начинают склоняться к мысли, что Ракоши следует «отдать на заклание» во имя сохранения страны в лагере социализма. В июле Ракоши был отправлен в отставку, а первым секретарем на пленуме ЦК ВПТ избран Эрне Гере. Однако недоверие народа к партийным руководителям сохранялось. Уже вскоре Андропов сообщил в Москву: «Гере не пользуется должной

популярностью среди широких партийных масс, сухость в обращении с людьми заставляет многих работников сдержанно принимать его кандидатуру».

После нескольких недель затишья в сентябре вновь возобновились оппозиционные выступления. На партийных собраниях и в прессе все громче звучит требование восстановить справедливость в отношении И. Надя, чье имя ассоциировалось с надеждами широких масс населения на демократические реформы. 14 октября он был восстановлен в рядах партии.

21 октября в Польше главой партии стал В. Гомулка, чьи энергичные действия разрядили крайне напряженную ситуацию в партии и стране и позволили отстоять национальные интересы в условиях жесткого давления Москвы. В знак солидарности с Польшей тогда же будапештские студенты предложили провести 23 октября массовую демонстрацию под лозунгом демократизации. Люди все более явственно ощущали в себе силы для того, чтобы противостоять властям.

23 октября во второй половине дня у памятника герою венгерской революции 1848–1849 годов генералу И. Бему собралось почти пятьдесят тысяч человек. Затем манифестанты направились к зданию парламента. К вечеру собралось уже около двухсот тысяч человек. Манифестанты требовали ввода Надя в правительство и реабилитации невинно осужденных при Ракоши.

Э. Гере позвонил в Москву и попросил у Хрущева военной помощи. Затем он выступил по радио, назвав манифестантов контрреволюционерами. После выступления Гере манифестанты разделились на две группы. Одни направились к огромному монументу Сталина и свергли его под ликующие крики всех собравшихся.

Другая группа манифестантов, возмущенных выпадами Э. Гере, стала громить здание радиокомитета. В ходе вооруженных столкновений появились Первые раненые и убитые.

Генри Киссенджер так пишет по поводу развернувшихся здесь событий:

«Было уже слишком поздно просить венгерский народ доверить ненавистной коммунистической партии исправление собственных прегрешений. А далее случилось то, что бывает в кино, когда главный герой оказывается вынужден принять на себя миссию, которую сам он для себя не выбирал, но которая становится его судьбой. Стойкий и верный коммунист на протяжении всей своей жизни, пусть даже и реформист, Надь поначалу, на ранних этапах восстания, был преисполнен решимости спасти и сохранить коммунистически партию, как это сделал Гомулка в Польше.

Надю предстояло заплатить жизнью за позднее прозрение и переход на сторону демократии. После того как Советы сокрушили революцию, ему была предоставлена возможность покаяться. Отказ от покаяния и последующая казнь отвели Надю место в пантеоне восточно-европейских мучеников за дело свободы».

Вечером 23 октября начальник Генштаба маршал Соколовский отдал приказ командиру Особого корпуса советских войск в Венгрии о вводе частей в столицу. Когда в Будапеште появились советские солдаты и боевая техника, там стали формироваться отряды повстанцев. Власть на местах постепенно переходила к революционным комитетам, а на заводах — к рабочим Советам. Отовсюду звучало требование вывести советские войска из Венгрии. 24 октября правительство возглавил И. Надь.

Вооруженные столкновения становились все более ожесточенными и выплеснулись за пределы столицы. Часть войск венгерской армии также выступила против повстанцев. С 24 по 26 октября по приказу генерала Дюрко в городе Кечкелите было уничтожено до 340 повстанцев. Бои происходили и в других городах страны.

В Будапешт прибыли посланники из Москвы: М. Суслов и А. Микоян. По их рекомендации 25 октября вместо Э. Гере на заседании политбюро Венгерской партии труда первым секретарем избирается Янош Кадар, бывший член политбюро, а затем — политический заключенный, реабилитированный в 1954 году. Между тем Надь все больше сближался с повстанцами, поскольку опасался утратить поддержку со стороны масс. Выступая по радио 28 октября, он говорил:

«Правительство осуждает взгляды, в соответствии с которыми нынешнее грандиозное движение рассматривается как контрреволюция. Это движение поставило своей целью обеспечить нашу национальную независимость, самостоятельность и суверенитет, развернуть процесс демократизации нашей общественной, экономической, политической жизни, поскольку только это может быть основой социализма в нашей стране».

В Венгрию входили все новые воинские части. В результате внешнего вмешательства военно-политический кризис перерос в национально-освободительное движение в защиту независимости и против военной оккупации. К 29 октября на сторону восставших перешло большинство частей венгерской армии. И вдруг в 22 часа того же дня советским войскам было приказано прекратить огонь.

Наконец, 28 октября в газете «Правда» появилась передовая

статья, из которой видно, что Президиум ЦК КПСС готов согласиться с программой демократизации Венгрии при условии, что сохранится власть компартии и Венгрия останется в Варшавском пакте.

Тем временем события в венгерской столице выходили из-под контроля даже реформаторски настроенного политического руководства. 30 октября повстанцы овладели Будапештским горкомом партии и уничтожили всех его кадровых работников. По свидетельству Хрущева, именно 30 октября в Москве на заседании Президиума ЦК было единогласно принято решение о вооруженном подавлении восстания в Венгрии.

1 ноября правительство Имре Надя принимает постановление о выходе Венгрии из организации Варшавского договора, объявлении нейтралитета и обращается в ООН с просьбой о помощи в защите суверенитета. Однако мировое сообщество никак на это не отреагировало. Скорее всего, именно это безразличие окончательно подтолкнуло советское политическое руководство на решающий шаг. По приказу Хрущева на рассвете 4 ноября советские войска начали штурм Будапешта. Бои развернулись не только в столице, но и по всей стране. Сопротивление было сломлено довольно быстро, повстанцы не могли устоять против шестидесятитысячной военной армады.

«Дух Сталина в Кремле пребывал в добром здравии», — говорил Г. Киссинджер. Вооруженное вмешательство во внутренние дела Венгрии отчетливо продемонстрировало, что оппозиция в какой бы то ни было форме — это нечто враждебное советскому коммунистическому руководству, подлежащее только уничтожению. Выступая в мая 1957 года перед советскими писателями, Хрущев говорил: «Мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов».

Наверное, Хрущеву непросто было отдать приказ маршалу Коневу подавить путч в Венгрии. Поэтому он так много консультировался с руководителями других стран социализма. Чувствовал он и нарастающие оппозиционные настроения к его курсу на обновление в верхушке руководства, прежде всего со стороны Молотова, Маленкова и Кагановича. Потом он так рассказывал о своих переживаниях:

«Утром, когда я проснулся, не помню, в котором часу, потому что лег уже перед рассветом, в голове торчала мысль — поступить так или иначе, ввести войска и раздавить контрреволюцию или ожидать, когда пробудятся внутренние силы, справятся сами с контрреволюцией. А вдруг контрреволюция временно возьмет верх? Прольется много пролетарской крови, НАТО внедрится в расположение социалистических стран».

Когда Хрущев в октябре 1956 года узнал, что советские спортсмены отправляются в Австралию на Олимпийские игры, его реакция была резкой и своеобразной:

— Какие игры?! В Египте — война. Австралия — союзник Англии. Их там арестуют.

Он долго разговаривал по телефону с Булганиным. В конечном итоге Хрущева, видимо, убедили, что неучастие советских спортсменов в Олимпиаде покажет лишь нашу нервозность и неуверенность. Делегация отправилась в Мельбурн.

В декабре 1956 года, вскоре после кризиса в Венгрии, ЦК партии разослал закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», отличающееся фразеологией 30-х годов: «В отношении вражеского охвостья у нас не может быть двух мнений по поводу того, как с ним бороться. Диктатура пролетариата по отношению, к антисоветским элементам должна быть беспощадной». В письме обращалось особое внимание на тех, кто подвержен влиянию «чуждой идеологии» — представители творческой интеллигенции и студенчество. Уроки Венгрии советская элита затвердила наизусть.

По этому поводу Г. Киссинджер в своей «Дипломатии» замечает:

«В долгосрочном плане Советский Союз находился бы в большей безопасности, был бы экономически сильнее, если бы окружил себя восточно-европейскими правительствами финского типа, ибо тогда ему не надо было бы брать на себя ответственность за внутреннюю стабильность и экономический прогресс этих стран. Тогда как осуществление империалистической политики в Восточной Европе истощало советские ресурсы и пугало западные демократии, не укрепляя советского могущества. Коммунизм никогда не мог даже в условиях контроля над органами управления и средствами массовой информации добиться общественного признания».

Аджубей свидетельствует, что драма Венгрии долго не давала покоя Хрущеву. Именно после этих событий, пожалуй, он стал более отчетливо представлять себе, как сложно рвать с пуповиной, связывающей со Сталиным и сталинизмом. А уже на пенсии, в 1968 году, он очень болезненно воспринял известие о вводе советских войск в Чехословакию. Хрущев говорил Аджубею: «Там совсем не такая ситуация, как была в Венгрии. Очень трудно это будет объяснить с Чехословакией… А потом — войска легче вводить в другие страны, чем выводить их оттуда».

Часть вторая

САМОДЕРЖЕЦ

Глава 11
Последняя схватка за власть

В нашей группе не было единства, не было никакой программы. Мы только договорились снять Хрущева.

В. Молотов

События июня 1957 года, когда «антипартийная группа» в составе Маленкова, Молотова, Кагановича и «примкнувшего к ним» Шепилова попыталась отстранить Хрущева от власти, но потерпела поражение, окончательно расчистили ему путь к самовластному правлению.

Что же предшествовало этому? Какие были настроения и разговоры в политическом руководстве?

Д. Шепилов вспоминает:

«За несколько месяцев до пленума я приехал в Кремль. Иду по коридору, смотрю — открывается дверь и кто-то выходит из кабинета Микояна. Слышу, он ведет какой-то очень возбужденный разговор по телефону. Я вошел в его кабинет, сел. Микоян продолжал говорить: «Правильно, Николай, это нетерпимо, совершенно нетерпимо это дальше» Потом положил трубку и произнес: «С Булганиным говорил. Вы знаете, Дмитрий Трофимович, положение невыносимое. Мы хотим проучить Хрущева. Дальше так совершенно невозможно. Он все отвергает, ни с кем не считается, все эти его проекты… так мы загубим дело. Надо поговорить на этот счет очень серьезно».

Я промолчал, не ответил ни «да» ни «нет», потому что пришел по другому делу. То был случайный разговор, хотя и не единственный».

Вспоминает он и разговор с Ворошиловым. Тот сказал Шепилову:

— Дмитрий Трофимович, надо что-то делать. Ну, это же невыносимо: всех оскорбляет, всех унижает, ни с чем не считается.

— Климент Ефремович, почему вы мне это говорите? Вы же старейший член партии, член; Президиума ЦК.

— Но вы же у нас главный идеолог.

— Ну, какой я главный идеолог. Главный идеолог у нас Хрущев. И вы напрасно мне это говорите. Ставьте вопрос, у меня

есть на этот счет свое мнение, и я его выскажу.

Шепилов никогда не был интриганом. Прекрасный оратор, умный и обаятельный человек, но наивный в тогдашних механизмах властных амбиций, он очень нравился Хрущеву. Когда в июле 1956 года, накануне приезда в Москву маршала Тито Хрущев сумел провести решение о снятии Молотова с поста министра иностранных дел, того заменил именно Дмитрий Трофимович Шепилов. Хрущев ему полностью доверял.

Между тем, после XX съезда нарастает противостояние чересчур энергичному Хрущеву со стороны «сталинской гвардии», прежде всего, со стороны Молотова, Маленкова и Кагановича. По их мнению, Хрущев явно выходил из повиновения. К тому же они, будучи опытными функционерами, видели, что Хрущев допускал немало промахов и ошибок, подчас принимал непродуманные, поспешные решения. Не согласны были они и с продолжающейся критикой культа личности Сталина, что, по их мнению, лишь подрывало престиж КПСС в международном коммунистическом движении.

В свою очередь, сам Хрущев нуждался в полной свободе действий. Он сознавал, что надо опираться на новые силы в партийно-государственной элите. Таковыми и стали Л. Брежнев, Е. Фурцева, Г. Жуков, Ф. Козлов, А. Кириченко и другие. Он также вводит в состав Совмина всех председателей совминов союзных республик (пятнадцать человек), которые на эти посты были назначены секретариатом ЦК партии и являлись его ставленниками.

После событий в Польше и особенно в Венгрии позиции Хрущева заметно пошатнулись. Именно тогда он двинулся в решительное наступление, переключив внимание людей на внутренние проблемы. Он вносит в Президиум ЦК партии предложение об изменении структуры управления народным хозяйством, а затем выдвигает лозунг «В течение 3–4 лет догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения». Однако эти его шаги вызвали еще большее недовольство старой гвардии.

18 июня по настоянию большинства членов Президиума ЦК КПСС открылось его заседание. Из членов Президиума присутствовали: Н. Хрущев, Н. Булганин, К. Ворошилов, Л. Каганович, Г. Маленков, А. Микоян, В. Молотов, М. Первухин. Отсутствовали: А. Кириченко, М. Сабуров, М. Суслов. Из кандидатов в члены Президиума были: Л. Брежнев, Е. Фурцева, Г. Шверник, Д. Шепидов. Позднее подъехал Г. Жуков. Но они обладали лишь правом совещательного голоса.

Маленков предложил отстранить Хрущева от

председательствования, поскольку именно его деятельность будет рассматриваться на заседании Президиума ЦК. Булганин занял вместо Хрущева стул председательствующего:

— Товарищи, ну о чем здесь говорить — все факты вы знаете. Невыносимо. Мы идем к катастрофе. Все стало решаться единолично. Мы вернулись в прежние времена.

В числе других выступил и Шепилов:

— Советский народ и наша партия заплатили большой кровью за культ личности. И вот прошло время и мы снова оказались перед фактом формирующегося нового культа. Хрущев «надел валенки» Сталина и начал в них топать, осваивать их и чувствовать себя в них все увереннее. Он — знаток всех вопросов, он — докладчик на пленумах и совещаниях по всем вопросам. Промышленность ли, сельское ли хозяйство, международные ли дела, идеология — все решает он один. Причем неграмотно, неправильно.

— Сколько лет вы учились? — перебил его Хрущев.

Шепилов ответил, что он закончил гимназию, десятилетку, четыре курса университета и Институт Красной профессуры.

— А я у попа учился одну зиму за мешок картошки, — обронил Хрущев.

— Почему же тогда вы претендуете на всезнание?

Сказал Шепилов и о позиции Е. Фурцевой и ее поведении. Он так вспоминал об этом:

«Ко мне в кабинет постоянно заходила Фурцева и заявляла: «Что это у нас творится, все разваливается, все гибнет…» И когда она приходила, — а я был и так с ней настороже — она шептала: «Давайте отойдем, нас подслушивают, закройте чем-нибудь телефон» Накануне заседания, за дна дня, она пришла ко мне бледная, возбужденная. Видимо, к этому моменту Хрущев был обо всем осведомлен. Фурцева сказала мне: «Я пришла вас предупредить, что если будет обсуждаться этот вопрос и вы позволите себе сказать, о чем мы с вами говорили, мы вас сотрем в лагерную пыль. Я секретарь МК, МК мне подчиняется, мы вас в порошок сотрем». Я ответил: «Товарищ Фурцева, что вы говорите? Это вы ко мне приходили и жаловались на положение дел» «Ничего подобного, я к вам не приходила!» В своем выступлении на заседании Президиума я рассказал и об этом, добавив: «Какое складывается положение — два секретаря ЦК, никогда ни в каких оппозициях не участвовали, ничего предосудительного не совершали — и вот они не могут друг с другом просто поговорить! Вот до чего дошло дело с коллективностью руководства в партии» Вот тут Фурцева разразилась воплем: «Это провокация!»

Шепилов отнюдь не примкнул к «заговорщикам». Он просто, как человек честный и искренний, счел своим долгом заявить о том, что ни один из партийных руководителей не должен возвышаться над другими. Хотя Молотов, уже в старости, беседуя с Феликсом Чуевым, по-своему объяснил порыв «примкнувшего»:

— Шепилов — очень хороший оратор. Он честный человек, чувствовал, что критика против Сталина заходит дальше объективной истины, поэтому поддержал нас. А он был ни при чем.

На заседании Маленков предложил сместить Хрущева с поста первого секретаря ЦК партии. Резко критиковали Хрущева Молотов и Каганович. Шепилов упоминает, что Жуков тоже выступил на Президиуме ЦК с критикой в адрес Хрущева. Затем он показал Шепилову записку, адресованную Булганину: «Николай Александрович, предлагаю на этом обсуждение вопроса закончить. Объявить Хрущеву за нарушение коллективности руководства строгий выговор и пока все оставить по-старому, а дальше посмотрим». Хрущев признал, что допустил немало ошибок, и не раз повторял, что больше такого не будет.

Большинством голосов (7:4) Хрущев был смещен с поста первого секретаря ЦК КПСС. Однако он заявил, что не согласен с этим решением и вместе с Микояном потребовал собрать весь состав Президиума с приглашением секретарей ЦК.

Утром 19 июня началось второе заседание Президиума ЦК КПСС, уже в полном составе. Были приглашены и секретари ЦК. Вновь Хрущева критиковали Маленков, Молотов и Каганович. Однако общее соотношение сил изменилось в пользу Хрущева: 13 против 6.

20 июня началось третье заседание Президиума ЦК партии. Соперники Хрущева уже не ставили вопрос о его смещении, а заявили, что в интересах соблюдения принципов коллективного руководства и предотвращения возникновения культа личности Хрущева следует вообще упразднить пост первого секретаря ЦК. Сам Хрущев при поддержке своих сторонников потребовал созвать пленум ЦК КПСС. К этому времени усилиями Брежнева, Фурцевой и Игнатова удалось собрать в Москве большинство членов ЦК.

22 июня, в понедельник, начал свою работу внеочередной пленум ЦК. Открыл его Хрущев, сообщивший членам ЦК о характере вопросов, обсуждавшихся на Президиуме ЦК. С подробной информацией о заседаниях Президиума выступил М. Суслов. После этого слово было предоставлено маршалу Жукову, который обрушился с жесткой критикой на Молотова, Маленкова и Кагановича, обвинив их в злоупотреблении властью

в период правления Сталина:

— Наш народ носил Молотова, Маленкова, Кагановича в своем сердце, как знамя, мы верили в их чистоту, объективность, а на самом деле вы видите, насколько это грязные люди. Если бы только народ знал, что у них на руках невинная кровь, то их встречал бы не аплодисментами, а камнями.

Это был беспроигрышный ход, подсказанный, несомненно, самим Хрущевым. Политических оппонентов сначала превратили в заговорщиков, а затем — в обвиняемых. Обрушились на пленуме и на Шепилова, которого во время выступления Д. Полянского кто-то из зала назвал «пижончиком».

— Да, это правильно! — поддержал Полянский. — Он себя ведет как пижончик и стиляга. Он на каждое заседание приходит в новом, сильно наглаженном костюме. А я так думаю, что кому-кому, а Шепилову на этот пленум можно прийти и в старом, даже мятом костюме.

Слушая этот бред, Шепилов невольно усмехнулся.

— Вы смотрите, Шепилов все время сидит и улыбается, — не выдержав, закричал Хрущев.

Именно на этом пленуме были обнародованы данные о широкомасштабных репрессиях и о причастности к ним Маленкова, Молотова и Кагановича. Защищаясь от обвинений, они ссылались на тогдашнюю политическую обстановку в стране, на сталинскую теорию обострения классовой борьбы. Хрущев же стремился всячески отмежеваться от своего участия в тех же самых репрессиях, на что Маленков однажды заметил:

— Ты один у нас чист совершенно, товарищ Хрущев!

«Антихрущевцы» выступали несколько раз. Молотов, к примеру, осуждал попытки сформировать новый культ личности — Хрущева: «У нас есть, безусловно, зачатки культа персоны товарища Хрущева».

Каганович резко выступал против критики Сталина:

— Мы развенчали Сталина и незаметно для себя развенчиваем 30 лет нашей работы не желая этого, перед всем миром. Теперь стыдливо говорим о наших достижениях, великой борьбе нашей партии, нашего народа. Мы не должны этого делать. Мы должны добиться равновесия в этом деле.

Маленков заявил:

— После Ленина главная заслуга в деле сплочения советского народа, а также главная заслуга в развитии идей марксизма-ленинизма за этот период принадлежит И. В. Сталину. Но если это, товарищи, правильно, а это невозможно отрицать, — тогда мы должны сделать соответствующий вывод. Разве теперь наша печать… когда-нибудь упоминает имя Сталина?

Пленум продолжался неделю. С заключительным словом выступил Хрущев. Он отверг всю критику в свой адрес, высказанную Маленковым, Молотовым и Кагановичем. Хрущев обвинил своих соперников в том, что они не принимают линию XX съезда и ведут курс на раскол партии. Он, выйдя из этой схватки победителем, уже и не вспоминает, как еще несколько дней назад клялся и заверял своих оппозиционеров, что никаких ошибок больше не допустит.

Так благодаря региональным партийным лидерам, составлявшим большинство ЦК, Хрущев оказался победителем в очередной схватке за власть. Очутившись как бы в роли арбитров и сознавая свою значительность, они сделали выбор в пользу более динамичного, современного и удачливого Хрущева, а не отжившей свой век ««сталинской гвардии».

Пленум постановил осудить фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и «примкнувшего к ним Шепилова». Они были выведены из состава ЦК, но оставлены в рядах партии. Булганину был объявлен строгий выговор, Первухина перевели из членов в кандидаты в члены Президиума ЦК, а Сабурова вывели из членов ЦК. Ворошилова простили ввиду его полного раскаяния.

Резолюция пленума, несмотря на многословие, носила отвлеченный характер. Обвинения в адрес участников антипартийной группы были слабо аргументированы, бросалась в глаза спешка при составлении этого документа.

Любопытно, что все оппоненты Хрущева, которых он тогда отстранил от власти или отодвинул на вторые роли, его пережили. Сам Хрущев умер в 1971 году в возрасте 77 лет. Каганович умер в 1991 году, когда ему было 98 лет, Маленков — в 1988 году (86 лет), Молотов — в 1986 году (96 лет), Булганин — в 1975 году (80 лет), Шепилов — в 1995 году (90 лет).

На июньском пленуме 1957 года был избран новый состав Президиума ЦК в количестве 15 членов и 9 кандидатов в члены. В новый состав Президиума вошли те, кто поддержал Хрущева: Л. Брежнев, Г. Жуков, Ф. Козлов, Н. Игнатов, А. Кириченко, Е. Фурцева и другие.

Однако не прошло и нескольких месяцев, как маршал Жуков, оказавший столь весомую поддержку Хрущеву в июне, был снят с поста министра обороны и выведен из состава ЦК партии. Похоже на то, что Хрущев стремился избавиться от опасного и слишком авторитетного соперника. Жуков был обвинен в пренебрежительном отношении к партийно-политической работе в партии и в насаждении культа собственной личности. Новым министром обороны был назначен ставленник Хрущева маршал

Малиновский.

В итоге Хрущев обрел безраздельную и никому не подконтрольную власть. Безоговорочно встав на сторону первого секретаря ЦК, пленум по сути дела вывел его из-под критики. Лишившись противодействия своих более умеренных оппонентов, Хрущев начинает быстро «леветь». Именно отсюда берут свое начало «скачки» и кампании, впоследствии охарактеризованные как «субъективизм и волюнтаризм» и ставшие отличительной чертой второй половины «великого десятилетия».

Хрущева как политика-прагматика прежде всего беспокоила реальная жизнь народа. Он нередко бывал в глубинке, встречался с простыми людьми и был осведомлен о трудностях и с жильем, и с едой, и с работой.

Побывавший в СССР американский предприниматель Л. Сот так описывал свои впечатления в газете «Чикаго Дейли Ньюс» в августе 1955 года:

«Питание русских в настоящее время нельзя назвать очень хорошим, если судить по стандартам США. Две трети общего количества своего рациона русские получают за счет хлеба. Крестьяне живут в бревенчатых избах по конструкции, в основном, таких же, как и те, что существовали здесь три века назад. В них нет ванн, нет водопровода. Отапливаются они традиционными русскими печами из кирпича и глины, печь занимает третью часть одной из трех комнат. У каждой семьи есть, корова, пара свиней и куры. Общий доход не превышает 600 долларов в год. И несмотря на то, что условия их жизни казались нам плохими, они живут все-таки лучше, чем те, которые работают в городах на шумных, грязных фабриках, живя в перенаселенных квартирах. Хрущев надеется окончательно решить проблемы сельского хозяйства двумя новыми мероприятиями, на которые он очень надеется: это освоение целинных земель и форсированное увеличение посевов кукурузы на корм скоту».

На имя Хрущева приходило немало писем, в которых люди жаловались на тяжелые условия жизни и выражали надежду, что новому руководителю удастся ее улучшить. Учительница М. Николаева в ноябре 1956 года писала Хрущеву:

«Никита Сергеевич!

Вас уважают в народе, потому обращаюсь к Вам.

Неблагополучно у нас в стране. Я старый человек, и мне горько видеть, что стало с бесценными идеями Ленина…

Советская власть должна прежде всего сделать так, чтобы каждый рабочий, каждый крестьянин, каждая семья почувствовали, что жить стало лучше, только тогда советская

власть будет крепка.

А мы это сделали? Пока нет. Наши люди еще не видели хорошей жизни, хотя уже 39 лет Октября и 11 лет после войны.

…Пока все мы живем только для будущего, но не для себя.

…Люди живут плохо, и состояние умов не в нашу пользу».

В 1956 году в предпраздничные и предвыходные дни рабочий день был сокращен на два часа. Для подростков 16–17 лет ввели укороченную рабочую неделю. Были увеличены отпуска по беременности и родам. Отменили введенную в конце 40-х годов плату за обучение в старших классах школ, в высших и средних специальных учебных заведениях. Был принят закон о государственных пенсиях рабочим и служащим.

Однако, несмотря на положительные сдвиги в ряде сфер общественной жизни, к 1958 году положение широких народных масс практически не улучшилось. Почему? Хрущев считал, что главная причина этого — плохое управление.

Первоначально руководство и сам Хрущев делали ставку на расширение самостоятельности местных государственных и экономических структур. Будучи глубоко уверенным в правильности и эффективности политической и экономической системы, Хрущев все проблемы и трудности хозяйственного развития объяснял недостатком управления — сверхцентрализацией и бюрократизацией. Существующий порядок согласования решений и ограниченные полномочия местных органов власти уже совершенно не отвечали потребностям развития.

Уже в начале 1954 года принимается постановление ЦК партии «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», где говорилось о Необходимости расширения прав местных органов управления. В соответствии с другим постановлением ЦК (октябрь 1954 года) предусматривалось упрощение структуры министерств и сокращение численности аппарата государственных служащих. В последующие два года было упразднено около десяти тысяч главков, трестов и прочих организаций. Весной 1955 года приняты меры по расширению прав союзных республик в финансово-экономической сфере.

Так были созданы предпосылки для осуществления главной реорганизации Хрущева — перестройки системы управления народным хозяйством по территориальному принципу и создания совнархозов. В 1957 году он внес на рассмотрение Президиума ЦК партии предложение о коренном изменении в структуре управления, предусматривающее упразднение большинства отраслевых министерств. Вместо них осуществлять управление на

местах должны были Советы народного хозяйства. К началу 1957 году в стране насчитывалось более двухсот тысяч предприятий и около ста тысяч стройплощадок, управлять которыми из одного центра было практически невозможно. Хрущев считал, что реорганизация ограничит всевластие министерств и ведомств, будет способствовать развитию инициативы на местах.

Идея совнархозов, естественно, оказалась весьма привлекательной для региональных элит. После того как эту программу одобрил пленум ЦК КПСС, созванная в мае 1957 года сессия Верховного Совета СССР по докладу Хрущева приняла закон «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством». Сразу же начинается активное внедрение новой системы управления.

По-прежнему в центре внимания Хрущева находилось сельское хозяйство. В мае 1957 года он поставил задачу: «В ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса и молока на душу населения», что станет «сильнейшей торпедой под капиталистические устои» и заставит идеологов капиталистического мира прекратить болтовню «против социалистического строя, против колхозного строя, против социалистических стран». Многие историки считают, что именно это выступление Хрущева стало началом политики «прыжка вперед», в основе которого — выдвижение заведомо невыполнимых задач.

В начале 1958 года по докладу Хрущева пленум ЦК партии принимает решение по реорганизации машинно-тракторных станций (МТС) и продаже сельскохозяйственной техники колхозам. В марте Верховный Совет СССР утверждает соответствующий закон. Предполагалось, что подобная реорганизация будет продвигаться постепенно, с учетом местных особенностей. Однако уже к концу того же года все МТС были ликвидированы и технику продали колхозам. Хозяйствам пришлось затратить немалые деньги как на покупку сельхозтехники, так и на строительство помещений для ее хранения и ремонта. Многие, прежде всего экономически слабые, колхозы попали в критическое положение.

Глава 12
Зигзаги дипломатии: сосуществование и экспансия

Не суйте свое свиное рыло в наш социалистический огород.

Н. Хрущев

Мы считали, что это очень сложно — заниматься дипломатией, а оказалось, что совсем просто.

Н. Хрущев

Начиная с XX съезда партии, когда были обнародованы важные новации во внешнеполитической сфере, Хрущев активно стремился привести международную деятельность СССР в соответствие с реалиями быстро меняющегося мира. Однако ему катастрофически не хватало опыта в подобной сфере деятельности и рационального подхода, лишенного политико-идеологических предрассудков.

Хрущев получил в наследство не только внешнеполитические проблемы и конфликты, но и устоявшиеся формы и методы их разрешения. Он стремился развеять атмосферу «холодной войны», однако она обладала влиянием и на него самого. Хрущев опасался «капиталистического Запада», плохо его понимал и постоянно ждал подвоха от «империалистов». По удачному замечанию Д. Волкогонова, дипломатия Хрущева была сугубо большевистской, воинственно-агрессивной, хотя он все свои нападки на «империалистическую политику» вел с позиций сохранения мира.

Во второй половине 50-х годов сложилось три основных направления внешнеполитической деятельности партийно-государственного руководства во главе с Хрущевым: взаимоотношения с Западом, прежде всего с США; поддержание устойчивости социалистического лагеря; борьба за влияние в третьем мире. Сам Хрущев отталкивался от идеи трехполюсного мира и даже потребовал, чтобы в ООН было три генеральных секретаря — от социалистических, капиталистических и развивающихся стран. Однако в середине 50-х годов его более всего заботили проблемы единства социалистического содружества, которое после XX съезда КПСС оказалось под

угрозой.

По инициативе Хрущева в ноябре 1957 года в Москве состоялось международное совещание представителей 64 коммунистических и рабочих партий. Выступивший на первом заседании от имени делегации КПСС М. Суслов охарактеризовал состояние дел в коммунистическом движении, призвал партии определить основные задачи борьбы за мир, демократию и социализм.

Однако ход совещания продемонстрировал определенное падение влияния Москвы и рост противоречий в мире коммунизма. Недаром тексты речей и дискуссий не были обнародованы, а в печати появились лишь итоговая декларация и Манифест мира.

«Застрельщиком» раздоров на совещании выступил китайский лидер Мао Цзэдун, все более явно претендующий на самостоятельную роль в международном коммунистическом движении. Его поддержали делегации Албании, Северной Кореи и Индонезии. Мао Цзэдун выступал на этом совещании как учитель и наставник, пытающийся поучать других, как надо осуществлять революции и строить социализм.

Мао Цзэдун рассматривал преимущество Советского Союза в ядерных и ракетных вооружениях как превосходство социалистического содружества над миром капитализма: «Ветер с Востока сильнее ветра с Запада». Однако он заявил, что американский империализм — это «бумажный тигр» и его не следует опасаться. Что же касается третьей мировой войны, то бояться ее также не надо: «Если половина человечества будет уничтожена, то останется еще половина. Зато империализм будет полностью уничтожен и во всем мире будет лишь социализм. А за полвека или за целый век население опять вырастет даже более чем наполовину». Мао Цзэдун был не согласен с рядом положений итогового документа, однако пошел навстречу Хрущеву и подписал его.

К самому Хрущеву и его идеям Мао после XX съезда КПСС относился с большим недоверием. Китайский лидер считал, что доклад Хрущева о культе личности Сталина объективно играет на руку врагам коммунизма. Он говорил:

— Хрущев вложил меч в руку врага и поможет тиграм расправиться с нами. Если Советам меч ни к чему, то мы никогда не выпустим его из своих рук и распорядимся им как следует. Пусть в Советском Союзе оскорбляют его вождя, но мы всегда будем чтить его память и считать его мудрейшим из политиков XX века.

В мае 1958 года в Китае начинается «большой скачок».

Будучи неудовлетворенным медленными темпами экономических преобразований, Мао Цзэдун, одержимый «революционным нетерпением», решил мощным штурмом овладеть высотами коммунизма, обогнать Советский Союз на пути коммунистического строительства. Хрущев сам в это время «догонял и обгонял» Соединенные Штаты Америки, но к политике «большого скачка» относился с большим неодобрением, именуя ее «экономическим авантюризмом».

Тогда же резко обострились отношения между Китаем и Тайванем. Американский военно-морской флот взял под свою опеку Тайвань, что не понравилось Пекину. Именно в такой обстановке Хрущев вновь отправился в Китай. Он вспоминает, как во время этого своего тайного (о нем не сообщали в печати) визита летом 1958 года они с Мао Цзэдуном обсуждали вопросы войны и мира:

«Однажды Мао затеял беседу такого характера: «Товарищ Хрущев, давайте подсчитаем сейчас соотношение сил империализма и социализма. Я занялся арифметикой и вычислил: Китай имеет около 700 миллионов населения, следовательно, сможет сформировать столько-то армейских дивизий. Советский Союз имеет 200 миллионов и сможет сформировать столько-то дивизий» Да, существуют армейские нормативы, и его арифметика была более или менее правильной. Он прикинул обычным способом, сколько смогут поставить под ружье все социалистические страны. Затем начал считать, сколько дивизий смогут выставить США, Англия, Франция, прочие натовские страны. Получилось несравненно меньше. «Вот, — говорит, — каково соотношение сил. Поэтому чего нам бояться?»

Мао Цзэдун просил у Хрущева содействия в создании китайского ракетно-ядерного вооружения, однако тот ему отказал. В октябре 1959 года Хрущев вновь прибыл в Китай, на празднование 10-летия Китайской Народной Республики. Как свидетельствует Д. Шепилов, у него было настроение триумфатора. Только что успешно завершилась поездка в США. Хрущев был искренне убежден, что вот стоило ему только один раз съездить в Америку, и он «все уладил»: «Я сказал Эйзенхауэру: давайте бросим все разногласия к чертовой матери. Перевернем страницу».

Но Мао Цзэдун и его соратники не принимали восторгов Хрущева по поводу его поездки в США. Они не скрывали своего недовольства стремлением Хрущева и советского руководства к улучшению отношений с Западом. Сам Мао Цзэдун избегал обсуждения серьезных вопросов. В итоге Хрущев раньше срока завершил свой визит, не оставшись на торжества.

Со временем Хрущев все больше ужесточал свою критику в адрес Мао, доходил до прямых оскорблений по адресу китайского народа. Весь мир обошли его слова: «Без штанов ходят, а тоже — кричат о коммунизме!» В июле 1960 года последовала команда Хрущева: отозвать из Китая всех советских специалистов. По оценке Д. Шепилова, «исходным фактором субъективного порядка, который положил начало конфликту и отравил всю атмосферу советско-китайских отношений, была, несомненно, хрущевская разнузданность. Из всех зол, совершенных Хрущевым за «великое десятилетие» его правления, разрыв с Китаем был, пожалуй, наибольшим злом».

После того как Хрущев в марте 1958 года стал еще и главой советского правительства, он заметно активизировал свою внешнеполитическую деятельность. Последовала целая серия предложений — о запрещении испытаний ядерного оружия, о заключении договоров о ненападении, об объявлении Центральной Европы безъядерной зоной, о сокращении вооруженных сил в Восточной и Западной Германии. Политика мирного сосуществования интерпретировалась советским руководством как «форма классовой борьбы». Поэтому Хрущев постоянно чередовал давление на Запад с уступками ему, а угрозы сочетал с предложениями разрядки.

Американская администрация исходила из доктрины «сдерживания коммунизма». Хрущев же, в силу своего внешнеполитического непрофессионализма и повышенной эмоциональной возбудимости, все больше втягивался в навязанную Западом гонку вооружений.

В 1957 году в СССР состоялись успешные испытания первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты. Территория США отныне стала уязвимой для внешнего удара. Советский Союз приступил к крупномасштабному оснащению ракетным вооружением своих сухопутных сил, ВВС и флота. В условиях противостояния двух сверхдержав и двух упрямых и неуступчивых лидеров — Хрущева и Эйзенхауэра — нашей стране с ее более слабым экономическим и научно-техническим потенциалом приходилось намного тяжелее. Однако отныне советский лидер мог позволить себе угрожать «империалистам» ядерным возмездием.

Хрущев обожал выступать, особенно по международным проблемам. Как свидетельствует Д. Шепилов, помощники всегда готовили для него тексты выступлений. «Иногда Хрущев заранее осваивал подготовленный для него текст, иногда не осваивал. Вооружившись очками, запинаясь и оговариваясь на сложных словах или неведомых терминах и фамилиях, Хрущев

мученически пробивался сквозь чужой текст, как сквозь проволочные заграждения». Он мучился, аудитория скучала. Наконец Хрущев не выдерживал: «Ну, теперь я немного оторвусь от текста». Аудитория сразу оживлялась. А Хрущева уже несло — «у американских империалистов рожа в дерьме», а «Эньзеньхауру надо заведовать детским садом». Вдоволь натешившись, он спохватывался: «Ну, я оторвался немного от текста. Я вижу вон, как иностранные корреспонденты выбегают из зала, телеграммы готовятся давать: Хрущев так сказал, Хрущев этак. Советую вам: поменьше брешите, господа хорошие. Мы самого бога за бороду взяли, а уж на вас найдем управу… Перехожу к тексту».

После этого речи Хрущева, опубликованные у нас и на Западе, бывало, кардинально отличались друг от друга, что иногда даже приводило к международным осложнениям и доставляло немало хлопот МИДу.

Тревожно начинался 1959 год. Германский вопрос оставался бомбой замедленного действия. Над Советским Союзом безнаказанно летали американские самолеты-разведчики «Локхид У-2», фотографируя секретные объекты. 21 февраля в Москву прибыл премьер-министр Англии Гарольд Макмиллан. Переговоры между Хрущевым и Макмилланом шли трудно, однако в итоге высокие стороны договорились о необходимости встречи «большой четверки» на высшем уровне.

По итогам визита Макмиллана Хрущев дал в Кремле обед. Начался он большой речью Хрущева. Как обычно, он вскоре уже отошел от написанного текста и стал яростно громить американский империализм.

Сидевший справа от Макмиллана маршал Ворошилов, бывший в то время председателем Верховного Совета СССР, спросил у переводчика:

— Никита читает по бумажке или говорит то, что вздумается?

— Никита Сергеевич сначала зачитывал, а теперь говорит экспромтом.

— Это плохо, — озабоченно проговорил старенький маршал. — Слушай, дружок, когда я начну засыпать, ты толкай меня и не давай спать.

Вскоре Ворошилов задремал. Переводчик не решался его будить, однако вмешался охранник, который потряс маршала за плечо, а переводчику наказал:

— Ты за ним приглядывай, не дай бог храпеть начнет!

В конце июля 1959 года в Сокольниках открылась американская выставка. В Москву прибыл вице-президент США Ричард Никсон. Эта выставка положила начало культурному обмену СССР с США, инициированному Хрущевым, который

считал, что наша страна вполне может померяться достижениями с американцами. Однако и советское руководство и американская администрация рассматривали выставку как продолжение «холодной войны» иными средствами. Еще в июне 1959 года ЦК КПСС принял постановление, в котором говорилось о необходимости «противодействия намерениям организаторов американской выставки в Москве использовать свою выставку в целях пропаганды среди советских людей буржуазной идеологии». Отдел пропаганды и агитации ЦК партии предусмотрел меры по организации отрицательных записей в книге отзывов посетителей с критикой американского образа жизни, общественного и государственного устройства США.

Идеологический натиск начал сам Хрущев, сразившись с Никсоном перед телекамерами в эмоциональной полемике, изображая, как Советский Союз догонит и перегонит Америку. А когда американский вице-президент, решив сгладить ситуацию, заявил: «У вас лучше ракеты, а у нас — цветные телевизоры». Хрущев компромисса не принял: «Нет, у нас и телевидение лучше!» Умелое «пропагандистское обеспечение» привело к тому, что американские организаторы выставки позднее признали ее «фактический провал», хотя и отметили дружеское отношение со стороны советских посетителей и их большой интерес к США.

Что же касается Никсона, то он немало страниц отвел в своих воспоминаниях Хрущеву и коммунизму, олицетворением которого тогда и выступал советский лидер:

«В лице Никиты Хрущева — коммуниста самого отчаянного толка — я встретился с коммунизмом в действии, а не только в теории. Господин Хрущев и его коллеги ведут битву за мировое господство с помощью оружия всех видов: военного, экономического, политического, пропагандистского. Мы должны действовать таким же образом, если хотим вести борьбу на равных началах. Наше духовное и моральное наследие, наша приверженность идеалам свободы личности, наша вера в то, что каждый народ имеет право избирать такую экономическую, социальную и политическую систему, какую он хочет, — вот в чем заключается подлинная великая сила свободной формы правления и, соответственно, фатальная слабость диктаторских режимов. Человеку нужен бог, а коммунизм атеистичен. Человек хочет быть свободным, а коммунизм порабощает его.

Человек дорожит своим личным достоинством, а коммунизм коллективизирует его.

…Никита Хрущев в условиях великого кризиса нашего столетия обладает всеми качествами, необходимыми для успеха, кроме одного. Он решительный человек, отлично подготовлен,

сражается спокойно, уверенно и мужественно, обладает безграничной выдержкой. Но именно в этой области, где он претендует на полное превосходство, он имеет фатальную слабость. Несмотря на все его хвастливые заявления, свобода, а не коммунизм, является знамением будущего».

Находясь в Москве, Никсон передал Хрущеву предложение президента Эйзенхауэра посетить США. Официальный визит Хрущева в Америку осенью 1959 года стал первым посещением этой страны советским лидером.

В ходе подготовки к визиту возникало немало вопросов и проблем. Ныне название загородной резиденции американского президента «Кэмп-Дэвид» известно всякому образованному человеку. Тогда же, судя по мемуарам Хрущева, долго разбирались, что это такое. В МИДе не смогли дать вразумительного ответа. В советском посольстве в Вашингтоне — тоже ничего не знали. Хрущев был обеспокоен — почему это президент, судя по протоколу приема, собирается встречаться с советским лидером не в Вашингтоне, а в каком-то Кэмп-Дэвиде. Наконец, выяснили, что Кэмп-Дэвид — это резиденция Эйзенхауэра, названная им так по имени своего внука Дэвида, и что гостю оказывается особая честь, когда он приглашается в Кэмп-Дэвид. Хрущев успокоился.

Потом возник другой вопрос — брать ли Хрущеву с собой жену. За это активно выступал Микоян:

— За границей обыватели лучше относятся к людям, если гости приезжают с женами. А если его сопровождают другие члены семьи, то это еще больше располагает их.

После некоторых колебаний Хрущев согласился. Тем более, что он собирался показать миру новый облик советского вождя — открытого, доброжелательного, хорошего семьянина.

В состав делегации входили министр иностранных дел А. Громыко, министр высшего образования В. Елютин, председатель Днепропетровского совнархоза Н. Тихонов, писатель М. Шолохов и другие. Хрущева сопровождала и уже сложившаяся команда: помощники Г. Шуйский, В. Лебедев, О. Трояновский, а также Л. Ильичев, П. Сатюков, А. Аджубей — верхушка журналистского мира.

В США отправились на недавно введенном в эксплуатацию ТУ-114; это был беспосадочный перелет. Подобного авиалайнера в мире тогда ни у кого не было. С борта самолета сыпались приветствия руководителям стран, над которыми пролетал самолет. Потом Хрущев заснул… Проснулся утром, когда летели над Атлантикой. Позже он вспоминал:

«Все время я ощущал чувство гордости. Не потому, что мы

Америку боготворили или что нас ожидало какое-то таинство. Мы капиталистическую Америку понимали правильно… мы были горды тем, что, наконец, заставили ее осознать необходимость установления с нами более тесных контактов».

Но было и чувство беспокойства. Неизвестно, как встретит его президент Эйзенхауэр, как пойдут переговоры. Тревожило Хрущева и то, что «капиталисты» захотят его унизить, выставить в дураках. Позднее он так расскажет о своих ощущениях:

«Экзамен общения с капиталистами я уже выдержал и в Индии, и в Бирме, и в Англии. Но это все же Америка! Американскую культуру мы не ставим выше английской, однако мощь страны в те времена имела решающее значение. Поэтому надо было достойно представлять СССР и с пониманием отнестись к партнеру. А спор-то возникнет у нас, бесспорно возникнет, но надо, чтобы без повышения голоса. В этом-то и будет сложность. Необходимо аргументировать свою позицию и достойно защищать ее так, чтобы не унизиться и не позволить себе сказать лишнее, недопустимое при дипломатических переговорах».

Похоже, Хрущев хорошо себя знал и не напрасно беспокоился, что, как обычно, окажется во власти эмоций. Находясь в США, он подчас представал перед публикой в облике скандалиста с перекошенной от ярости физиономией и воздетыми вверх кулаками. Хрущев совершенно не был способен управлять своими чувствами. Поневоле вспоминаются слова известного психиатра В. Бехтерева: «Эмоциям обычно подвержены дети и простолюдины». Ребенком Хрущев не был…

В Вашингтоне тоже активно готовились к приему важного гостя. Шестидесятидевятилетний республиканец Дуайт Эйзенхауэр занимал кресло президента США уже второй срок. Опытный политик и незаурядная личность, он переносил свое мировоззрение, основанное на нравственных принципах, на внешнюю политику. Конфронтацию между Западом и Востоком он интерпретировал как непреодолимое противоречие между безнравственным коммунистическим строем и свободной западной демократией. Советских правителей Эйзенхауэр считал одержимыми властью идеологами, которые во имя достижения своих целей не останавливаются перед подрывной деятельностью и угрозой силовых методов. Вместе с тем он был заинтересован в ослаблении конфронтации с Москвой, поскольку это отвечало национальным интересам США.

Советский авиалайнер оказался слишком велик для аэропорта Вашингтон, и поэтому выбрали базу военно-воздушных сил Эндрюс. Именно там и состоялась торжественная встреча

советского лидера. Звучали гимны двух стран. Прогремел салют из двадцати одного залпа. Хрущев был доволен. «К нам отнеслись с должным вниманием. Получать почести доставляло нам особое удовлетворение. Не оттого, что меня так встречают, а потому, что так встречают представителей великой социалистической страны», — вспоминал он позже.

В США Хрущев находился 12 дней. Он провел серию переговоров с президентом Эйзенхауэром, ездил по стране, встречался с представителями деловых кругов, актерами, профсоюзными лидерами, политиками. При любом удобном случае, а то и вообще без всякого повода, обличал он «загнивающий американский капитализм» и проповедовал азы марксизма-ленинизма.

Во время одной из пресс-конференций Хрущева спросили:

— Часто ссылаются на то, что на одном дипломатическом приеме вы сказали, что похороните нас. Что вы имели в виду?

— Да, — ответил Хрущев, — я действительно говорил это, но мое высказывание сознательно извратили. Речь шла не о каком-то физическом закапывании, а об изменении общественного строя. Каждый грамотный человек знает, что в настоящее время в мире существует не один общественный строй. С развитием общества меняется общественный строй. Был феодализм, его заменил капитализм. На смену капитализму, как доказывали Маркс, Энгельс и Ленин, придет коммунизм. Мы в это верим.

— Мы успешно строим сейчас коммунизм, — говорил Хрущев уже в другой аудитории, выступая перед сенаторами. — Для нас — это наилучший строй. Мы не просим вашего одобрения. Мы хотим одного: чтобы нам не мешали.

В Лос-Анджелесе Хрущев познакомился с вице-мэром города Виктором Картером. Тот хорошо, хотя и с заметным акцентом, говорил по-русски.

— Откуда вы знаете русский язык? — спросил его Хрущев.

— Я сам из России, поэтому и знаю русский.

— А где вы жили?

— В Ростове-на-Дону.

— Как это могло быть? Ведь по закону, существовавшему до революции, это запрещалось. Вы ведь еврей?

— Да, еврей, но мой отец был купцом первой гильдии. По тогдашним законам купцы первой гильдии имели право жить в любом городе России.

Там же Хрущев посетил Голливуд. Накануне кинозвезды чуть не дрались за право получить приглашение на встречу с советским лидером. Одна из актрис, сидевшая рядом с Хрущевым на торжественном обеде, рассказывала ему:

— Да вы знаете, сколько было желающих попасть на этот обед?! Я тут присутствую одна, а мой муж сидит дома и, конечно, завидует мне. За участие в обеде каждый должен был внести большие деньги. И было так много желающих, что установили особый порядок: только кто-то один, или муж, или жена. Мне повезло, и я счастлива.

Правда, будущий президент США Рональд Рейган отказался присутствовать на встрече с «коммунистом номер один», о чем он позднее неоднократно напоминал. Зато были здесь Керк Дуглас и Фрэнк Синатра, Гарри Купер и Элизабет Тейлор. Радио Лос-Анджелеса назвало этот прием самым большим в истории Америки собранием звезд.

Правда, и здесь Хрущев не удержался от «идеологических дебатов». Вступительную речь на обеде произнес хозяин студии «XX век Фокс» Спирос Скурас, не преминувший заметить, что вышел он из людей скромного достатка, а ныне управляет столь знаменитой кинокомпанией. Хрущев заявил:

— Вы говорите: главный двигатель энергии людей, ума, инициативы — это нажива, или, по-вашему, бизнес. Мы говорим другое: главный двигатель — это сознание человека, сознание того, что он свободен, работает на себя, на своих близких, на свое общество, что средства производства принадлежат обществу, а не отдельной личности, которая наживается на эксплуатации чужого труда.

У Хрущева было явно отрицательное отношение к Голливуду… «В то время, — вспоминает он, — там уже почти не делали прогрессивных картин, это был не тот Голливуд, который когда-то выпускал картины Чаплина и других прогрессивных режиссеров».

Советские гости побывали на съемках фильма «Канкан», где девушки исполняли весьма, фривольный танец. Хрущев так прокомментировал этот эпизод:

— С моей точки зрения, с точки зрения советских людей, это аморально. Хороших актеров заставляют делать плохие вещи на потеху пресыщенным, развращенным людям. У нас в Советском Союзе мы привыкли любоваться лицами актеров, а не их задницами.

В Сан-Франциско Хрущев провел встречу с профсоюзными лидерами из АФТ-КПП, которые, хотя и представляли рабочий класс, ему категорически не понравились. Особенно Хрущев остался недоволен словами вице-президента АФТ-КПП Райтера, где упоминались Венгрия, глушение «Голоса Америки» и прочая, по мнению советского лидера, «антисоветчина».

— Вы родились среди рабочего, класса, — раздраженно

заявил Хрущев, — а говорите, как представитель капиталистов. Когда Херст печатает подобное, мне это понятно, но когда то же самое повторяет один из лидеров профсоюзов, я с горечью думаю, до чего же вас разложили монополисты.

И демонстрируя, до чего довели несчастную Америку капиталисты, Хрущев встал и, повернувшись к профбоссам своим мощным задом, попытался изобразить канкан — нагнулся, задрал полы пиджака и дрыгнул ножкой. Собеседники ошеломленно уставились на разгоряченного «коммуниста номер один», а тот продолжал свои обличения:

— Вот что вы называете свободой! Свободу для девушек показывать свои задницы! Для нас — это порнография. Это капитализм заставляет девушек выделывать такие вещи. Впоследствии Хрущев вспоминал:

«Райтер поддерживал все, что делало правительство США: стоял за классовый мир, за мирное сосуществование не между странами, а между классами, что противоречит марксистско-ленинскому учению и вредно для рабочих… В США он организовывал забастовки и всю профсоюзную работу, но только в рамках дозволенного, чтобы не поколебать капиталистические устои, не ослаблять правительственный режим!»

Путешествуя по штату Айова, Хрущев побывал на большой ферме Гарета, известного своими успехами в выращивании кукурузы. Советский премьер был знаком с американским фермером с 1955 года, когда они встретились в Крыму, на даче Хрущева. Тогдашний министр сельского хозяйства СССР Владимир Мацкевич вспоминает, как он предупреждал Хрущева, что Гарет громко хохочет, орет вместо нормального разговора, кладет на стол ноги и ведет себя подчас по-хамски. «Везите его сюда, — сказал первый секретарь, — а нахамить мы тоже можем». Гарета привезли к Хрущеву на обед, который продолжался четыре часа. Несмотря на все попытки Микояна споить Гарета, тот выстоял. Вскоре началось сотрудничество Гарета с Советским Союзом: он поставлял высококачественное кукурузное зерно, увеличив свой капитал с 300 тысяч до 7 миллионов долларов.

Посещением хозяйства Гарета Хрущев остался доволен. Позднее он так будет вспоминать об этом:

«Раньше я представлял себе Гарета скромным в делах человеком. Здесь же я увидел его в натуре, в действии и воспылал к нему уважением. Это уважение сохраняю и сейчас. Некоторые скажут: «Как же так?

Хрущев — коммунист, бывший пролетарий, столько проработал на партийной и государственной работе — и такого мнения о капиталисте, эксплуататоре?» Отвечу:

социалистический способ ведения хозяйства более прогрессивен, нет сомнения. Но умение использовать накопленный опыт, бережливость, рациональное расходование средств у капиталистов развиты лучше. Надо научиться переносить на социалистическую почву все полезные знания, накопленные капитализмом».

Приближалось начало серьезных переговоров с президентом США Эйзенхауэром. А пока что Хрущев знакомился с Америкой, произнося как минимум по две речи в день. Нина Петровна, его жена, в дела высокой политики не вмешивалась. Однажды американцы организовали для нее посещение известных домов моделей. Однако к нарядам она всегда была равнодушна. Да и муж ее этим не баловал. В США одна дама из мидовского протокола спросила Хрущева, не купить ли Нине Петровне норковую шубу. Тот вспылил:

— А на какие шиши? Я получаю командировочные, как все, — шестнадцать долларов в день. Нина Петровна приехала за мой счет.

Хрущев вовсе не лукавил. Пожалуй, это был последний из советских вождей, который не залезал в карман государству.

25 сентября в Кэмп-Дэвиде начались переговоры двух лидеров. Шли они трудно, мучительно. Камнем преткновения оставалась германская проблема. Вначале Хрущев и Эйзенхауэр даже не могли договориться о встрече четырех держав на высшем уровне. Однако в итоге они все же сумели найти общий язык.

Конкретных договоренностей в Кэмп-Дэвиде достигнуто не было. Однако оба лидера такой задачи и не ставили. Значение встреч в «Осиновой хижине» в том, что произошел важный психологический сдвиг. По оценке историка Олега Гриневского, в отношения двух суперврагов были заложены обычные человеческие основы поведения, посеяны семена доверия. Пожалуй, впервые появилась возможность использовать стол переговоров не для перебранки, а для решения таких важных международных проблем, как германская, проблема разоружения, а также вопрос о ядерных испытаниях.

После завершения переговоров 27 сентября Хрущев выступил с речью, которая транслировалась по американскому телевидению, и в тот же день отправился домой. Судя по всему, беседами с Эйзенхауэром и поездкой по США он остался вполне доволен. Началась подготовка к встрече в верхах.

В марте 1960 года Хрущев совершил визит во Францию, где провел переговоры с президентом де Голлем. В своих мемуарах он признает, что де Голль произвел на него «сильное впечатление»:

«Генерал де Голль неоднократно высказывал мысль, что Европа должна жить своим умом, должна освободиться от опеки со стороны США. Он прямо заявил, что тяготится таким положением… Я, признаться, не смог сразу разобраться, чего же он хотел? По своему классовому положению он, конечно, душой и телом должен был бы поддерживать политику США, и мне было трудно представить, что Франция потом уйдет из военной части НАТО».

Много внимания в эти годы Хрущев уделял и вопросам взаимоотношений с молодыми государствами Азии и Африки. О роли национально-освободительного движения и перспективах борьбы народов бывших колониальных и полуколониальных стран за подлинную независимость немало говорилось на XX съезде партии.

К середине 50-х годов в мире освободившихся стран начинает выделяться Египет, возглавляемый сравнительно молодым и энергичным лидером Гамаль Абдель Насером. Хрущев вспоминал, что когда маршал Тито приехал в Советский Союз, то он очень лестно отзывался о политике Насера. Советский лидер ему отвечал, говоря о Насере:

— Мне непонятны его выступления, трудно разобраться, чего он хочет. Выступает за то, чтобы создать прогрессивный строй. Но как? Буржуазию он не трогает, банки не трогает. Нам пока трудно оценить, что это за политика, какие цели ставятся перед страной.

— Насер — еще очень молодой человек, — отвечал Тито, — политически неопытный. К тому же военный человек. У него хорошие намерения, но он пока не нашел твердой точки опоры. Надо его где-то сдерживать, а где-то поддерживать. Он хочет хорошего для своего народа.

Вскоре по просьбе Насера Советский Союз оказал Египту помощь оружием и военной техникой. В октябре 1956 года Москва встала в защиту Египта, когда разразился Суэцкий кризис. Это заметно подняло авторитет Советского Союза в арабском мире. Хрущев вспоминал:

«Насер говорил тогда много лестного в отношении политики Советского правительства. А мы помогали искренне, без всяких условий, с идейных позиций оказывая помощь, с тем, чтобы все колониальные народы смогли завоевать независимость. Наша акция основывалась на гуманных, а не на каких-либо иных интересах».

Позднее Насер обратился к Хрущеву с просьбой помочь построить Асуанскую плотину на реке Нил. Несмотря на то, что затраты могли быть весьма существенными, политические интересы взяли свое, и советское руководство дало согласие. Вот

как Хрущев объясняет этот шаг:

«Сплошь и рядом политический интерес бывает важнее экономического. Укрепление арабских стран ослабляет враждебный нам лагерь. Если мы не будем бороться за укрепление наших связей с освобождающимися народами, то империализм станет искать каждую щель, чтобы пролезть в нее и закрепить все за собой. Тогда нам будут противостоять более обширные территории и силы. Это вынудит нас больше тратиться на содержание армии и флота. Вот как оборачивается дело. Вроде бы мы сначала экономически проигрываем, но если глубже изучить дело, то мы не только не проигрываем, а получаем выигрыш».

В мае 1964 года Хрущев посетил Египет, когда проходили торжества в связи с перекрытием русла Нила. Туда прибыл и президент Алжира Ахмед Бен Белла, о котором Хрущев отзывался очень хорошо: «Культурный, образованный человек, разбирающийся в вопросах строительства социализма и в марксизме. Он стоял на позициях построения научного социализма и сам говорил, что нет другого истинного социализма, кроме научного, марксистского».

На митинге в честь перекрытия русла Нила Хрущев выступил, как он вспоминал позднее, с «небольшой» речью. Ему не понравилось, что некоторые из арабских деятелей говорили об «арабском пути к социализму», и Хрущев вновь оседлал любимого конька, решив научить их азам марксизма-ленинизма:

«Некоторые тут говорят об арабском народе в целом. Я хотел бы поставить в этой связи такой вопрос: арабский народ, как и все народы, обладает не единой, монолитной, а сложной структурой. Есть арабы-капиталисты, есть арабы-помещики, есть арабы-крестьяне, есть арабы-рабочие. За интересы каких именно арабов борются такие ораторы? Арабы-крестьяне хотят получить помещичью землю, а помещик не хочет отдавать ее; он хочет, чтобы крестьяне работали на него и на его земле. Рабочие-арабы трудятся на арабов-капиталистов, а арабы-капиталисты хотят, чтобы арабы-рабочие трудились как можно больше, чтобы как можно длиннее был рабочий день, чтобы трудящиеся получали как можно меньше, но побольше прибыли получали капиталисты. Рабочие-арабы хотят своего: чтобы меньше длился рабочий день и была побольше заработная плата. Так за каких арабов выступают такие ораторы? За рабочих и крестьян? Или за помещиков и капиталистов?»

Важные события происходили в Алжире, который завоевал независимость в ходе кровопролитной войны с Францией в 1962 году. Президентом Алжира становится Ахмед Бен Белла,

заявивший о том, что в стране будет строиться социализм.

«Бен Белла производил на меня наилучшее впечатление, — вспоминал Хрущев. — Другие африканские руководители, даже выдвинутые народом, нетвердо становились на почву научного социализма. Нельзя сказать, будто они не знали, что такое социализм. Большинство из них были людьми образованными. Но они колебались. Президент же Алжира сразу сказал, что его страна станет развиваться и строить социализм на основе научного социализма. Не какого-то там иного, суррогатного, вроде «арабского социализма» Были в ходу и другие такого же рода «социализмы» Нет, Бен Белла принял, формулу именно научного социализма, хотя и с учетом особенностей, в которых приходилось приступать к строительству новой общественной жизни в Алжире».

Успешно развивались связи с Индией и Индонезией, двумя крупными азиатскими государствами. Хрущев вспоминает, что после XX съезда партии в 1956 году в Советский Союз прибыл президент Индонезии Сукарно:

«Мы его встретили с должными почестями. Он произвел на нас впечатление образованного человека и, главное, умного. Ведь понятия «образованный» и «умный» не всегда совмещаются. Я встречал много образованных, но не очень умных людей, а также наоборот, не получивших систематического образования, зато блиставших своим умом. Сукарно же имел и образование и ум. У нас сразу установились с ним хорошие отношения, и нам он понравился».

А работавший тогда переводчиком Игорь Кашмадзе описывает свои впечатления от наших, «вождей», которых он впервые увидел так близко: Хрущева, Микояна, Ворошилова, Кагановича.

«Больше всего меня тогда поразило, — пишет Кашмадзе, — что Ворошилов и Каганович обращались друг к другу на «ты», называли друг друга только по имени: Клим, Лазарь — и за столом ругались матом. Мат я, конечно, не переводил, да и вряд ли можно передать на иностранном языке всю гамму русского мата. У индонезийцев, например, самыми бранными словами являются «обезьяна» и «свинья».

Вторично Сукарно прибыл в Москву в 1949 году. В Лужниках тогда состоялся большой митинг советско-индонезийской дружбы. А в начале 1960 года уже Хрущев собрался с визитом в Индонезию, в ходе которого было заключено несколько двусторонних соглашений. Тогда же Сукарно обратился к советскому руководству с просьбой построить в Джакарте большой стадион.

— Зачем он вам нужен? — спросил Хрущев.

— Митинги проводить!

«Индонезия была тогда отсталой страной, — недоумевает Хрущев, — а Сукарно понадобился дорогостоящий стадион». Он вообще любил собирать народ, ему постоянно нужна была аудитория, сцена. Хрущев положительно оценивал политику Сукарно и уважительно к нему относился, хотя и не все принимал, например, любовные увлечения президента. «Он был совершенно не сдержан в отношении к женщинам, — пишет Хрущев. — Это его заметная слабость. Тут я не открываю какого-то секрета. Газеты тех лет пестрили сообщениями о его любовных приключениях. Данную сторону его поведения мы осуждали, но ведь нелегко перебороть человеческие слабости, хотя мы и не понимали, как умный человек, занимающий такой высокий пост, мог позволять себе подобные бытовые выходки? Они дискредитировали его в международных кругах и в своей стране тоже».

Все эти визиты и встречи способствовали росту влияния Советского Союза в странах третьего мира. Но все более растущее число «друзей» из числа государств Азии и Африки неизбежно приводило к тому, что нарастающая экономическая помощь, призванная укрепить их независимость и сократить «сферу влияния империализма», тяжелым бременем ложилась на плечи советского народа.

Со временем внешняя политика Хрущева приобретала все более наступательный характер. В русле противостояния двух сверхдержав Советский Союз стремился создать плацдармы своего влияния в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке, умело используя здесь ослабление позиций западных государств в своих интересах. К сожалению, нередко подобное проникновение приводило к грубому давлению со стороны Москвы, вмешательству во внутреннюю и внешнюю политику и заканчивалось конфликтными ситуациями.

Глава 13
Коммунизм

Что такое коммунизм? Это блины с маслом и со сметаной.

Н. Хрущев

— Коммунизм уже на горизонте.
— А что такое горизонт?
— Это линия, которая удаляется по мере приближения к ней.

Из народного творчества

Фанатичный коммунист-ортодокс Хрущев и на закате жизни был уверен, что коммунизм восторжествует не только в Советском Союзе, но и на всей планете. В мемуарах он говорит:

«Мы, коммунисты, верим в свои идеи, в прогресс, в неумолимое развитие общества на пути к справедливой общественно-экономической формации. И мы уверены, что со временем изменятся условия в капиталистических странах, народы которых (пока что не знаю когда) рано или поздно отыщут способ установить тот строй, который их устраивает и при котором не останется эксплуатируемых и эксплуататоров».

Идея коммунизма безраздельно владела всем его существом. Еще в 1939 году, выступая на VIII съезде ВКП (б), Хрущев постоянно манипулировал этим понятием:

— Из года в год все выше и выше мы поднимаемся к конечной вершине нашей борьбы — к коммунистическому обществу, к коммунистическому строю.

Именно тогда, в 1939 году, советским «вождям» казалось, что коммунизм уже не за горами. «Двадцать лет работы нашей партии на стройке социализма уже дали результаты — мы построили социалистическое общество, — говорил на VIII съезде помощник И. Сталина А. Поскребышев. — Еще двадцать лет работы дадут нам высшую фазу — коммунистическое общество». А опытный партийный функционер А. Андреев заявил: «Мы можем бодро и смело шагать вперед к окончательной победе коммунизма».

На XIX съезде ВКП (б) в 1952 году Хрущев вновь говорил о

том, что более всего его волновало и воодушевляло:

— Ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество.

Идея коммунизма имела реальные объективные основания в значительных экономических и научно-технических достижениях СССР второй половины 50-х годов. Наша страна опережала США по абсолютному приросту многих важных сырьевых и топливных продуктов. Сами американские официальные лица признавали бесспорные успехи СССР. В опубликованном в 1959 году Объединенной экономической Комиссией Конгресса США докладе отмечалось, что Советский Союз стал догонять США по производству продукции в целом и в расчете на душу населения. Что же касается тогдашних советских аналитиков, то они предсказывали неизбежную победу социализма в экономическом соревновании, с капитализмом и называли при этом весьма небольшие исторические сроки.

В октябре 1957 года именно Советский Союз запустил первый искусственный спутник Земли. В январе 1959 года была отправлена в межпланетное пространство первая космическая ракета. Хрущев был убежден, что все эти успехи — реальное свидетельство преимуществ социалистического строя. На встрече с интеллигенцией в феврале 1958 года он говорил:

«Создание советских искусственных спутников Земли убедительно продемонстрировало высокий уровень развития науки и техники в нашей стране, уровень советской промышленности, культуры и образования. Как дым развеялись легенды врагов о научной и технической отсталости Советского Союза. Да кто теперь поверит таким легендам, если каждый человек чуть ли не в любой стране земного шара может своими глазами видеть поистине сказочные советские звезды!

В этом научном и техническом достижении нашего народа, наших ученых, инженеров, техников и рабочих с особой силой проявились преимущества социалистического строя. Только социалистический строй, который раскрепостил миллионы и миллионы людей, создал людям возможности для полного проявления своих творческих возможностей, условия для овладения наукой, искусством, всеми достижениями человеческой культуры».

«Догнать и перегнать Америку», — именно с этого начиналось прожектерство Хрущева. Анатолий Стреляный пишет по этому поводу так:

«Тогда часто встречались эти слова: «за немногие годы», «в короткий срок». Произносили их не только в порядке ритуального

словоблудия. Короткие сроки закладывались в планы. Идеология и практика скачков была еще живой, действующей силой. Когда говорилось., что мы едем в Америку учиться, само собой разумелось: учиться, чтобы начать тягаться немедленно и на равных. И ни с кем, кроме Америки, ни с кем, кто меньше, слабее. Мы — и Америка, только так. Призыв в три года догнать Америку возник не в бреду и не на пустом месте. Хрущев с этим призывом был не выше и не ниже своего окружения. Одно мышление, одна психология».

«Революционный максимализм» и нетерпение Хрущева, вызванные жаждой успеха, неизбежно вели к авантюризму и порождали цепную реакцию. На местах создавалась видимость успеха. Партийные бонзы делали на этом свою карьеру и получали награды.

Коммунизм воспринимался на уровне общих рассуждений о равенстве и социалистической справедливости. Уже реформа образования, провозглашенная в 1958 году, вписывалась в концепцию построения коммунизма. Выступая в апреле 1958 года с речью на VIII съезде ВЛКСМ, Хрущев изложил свои мысли по перестройке народного образования. В ноябре 1958 года пленум ЦК партии одобрил проект тезисов ЦК и Совмина «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране». В декабре Верховный Совет СССР принимает соответствующий закон.

Суть реорганизации: учащиеся с первых школьных лет должны готовиться к общественно полезному труду. По сути дела, это был возврат к идее политехнического обучения, популярной в 20-е годы. Затем, в 30-е годы, от нее отказались: закрылись рабфаки, в школах были упразднены мастерские. Школа ориентировала выпускников исключительно на поступление в вузы. Однако в 50-е годы лишь незначительная часть выпускников шла в вузы, остальные же становились рабочими и служащими. Но ни психологически, ни практически к этому они не были готовы.

В перестройке образования ориентиром для Хрущева были его воспоминания о рабфаках и заводах-втузах 20-х годов, когда общеобразовательная школа не играла заметной роли в системе образования. Он писал: «В городах и рабочих центрах дети, получившие 7-8-летнее образование, должны, может быть, идти в школы типа фабзавуча. Они будут продолжать учебу, но чтобы эта учеба была тесно связана с профессиональным образованием, помогала учащимся приобретать производственные знания и трудовые навыки».

В итоге, в соответствии с законом, основой среднего

образования осталась все же дневная школа, но почти треть учебного времени в 9-11 классах отныне отводилась на производственное обучение. Осуществлять это предполагалось в течение пяти лет.

Все это не являлось новацией только Хрущева. Еще в директивах XIX съезда партии предусматривалось приступить к политехническому обучению в средней школе, а в перспективе перейти к всеобщему политехническому обучению. В свою очередь, XX съезд скорейшую политехнизацию средней школы выделил как основную задачу в развитии системы народного образования. Выступая на этом съезде, Хрущев заявил:

— Для того, чтобы укрепить связь школы с жизнью, необходимо не только ввести в школах преподавание новых предметов, дающих основы знаний по вопросам техники и производства, но и систематически приобщать учащихся к труду на предприятиях, в колхозах и совхозах, на опытных участках и в школьных мастерских. Надо перестроить учебную программу средней школы в сторону большей производственной специализации с тем, чтобы юноши и девушки, оканчивающие десятилетку, имели хорошее общее образование, открывающее путь к высшему, и, вместе с тем, были подготовлены к практической деятельности, так как большая часть выпускников будет сразу приобщаться к труду в различных отраслях народного хозяйства.

Хрущев, человек малообразованный, физический труд всегда оценивал выше, чем интеллект и знание. И хотя в многочисленных документах фигурировало понятие «общественно полезный труд», сам Хрущев делал упор именно на труд физический.

Реформа народного образования и стала важной составной частью общей стратегии преобразований, поскольку именно в 1958 году произошел поворот от идеи понимания отдельности коммунистической цели к концепции непосредственного развернутого строительства коммунизма. Комиссия по подготовке новой программы партии под руководством секретаря ЦК Б. Пономарева получила из Академии педагогических наук материал по вопросам образования, где уже обосновывалась роль системы образования в решении «основных задач построения коммунистического общества».

Хрущев постепенно утрачивал чувство меры. На XXI съезде под бурные аплодисменты зала он заявил:

— Достигнутый на этом этапе уровень для нас вовсе не конечная станция, а лишь разъезд, на котором мы можем нагнать самую развитую капиталистическую страну, оставить ее на этом

разъезде, а самим двигаться вперед.

Именно на этом съезде прозвучал вывод о полной и окончательной победе социализма в СССР и было объявлено о начале развернутого строительства коммунизма. Хрущев искренне верил, что страна и народ способны решить самые великие задачи. Выступая в мае 1959 года на III съезде советских писателей, он говорил:

«То, что создал наш народ за годы советской власти, изумляет, потрясает мир. Советская страна после XXI съезда партии находится на таком большом и хорошем подъеме, что сразу трудно найти слова, которые выразили бы все величие переживаемого нами времени.

То, что намечает наша страна достигнуть в ближайшем будущем, поражает своим великим размахом. Наши успехи вселяют радость в сердца друзей, вызывают страх и растерянность в лагере врагов коммунизма. Эти успехи убедительно говорят о торжестве марксистско-ленинских идей, которыми мы руководствуемся, о великом деле, которому мы служим».

Этими же идеологическими задачами вдохновлялось и «движение за коммунистический труд». Оно зародилось еще до XXI съезда, в октябре 1958 года в депо «Москва-Сортировочная», именно там, где весной 1919 года состоялся первый коммунистический субботник. Система символов «революционной преемственности» успешно поддерживалась и развивалась партийными идеологами. В массы был брошен новый лозунг: «Жить и работать по-коммунистически!» Когда в мае 1960 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, печать с удовлетворением отмечала, что уже более пяти миллионов рабочих, служащих и колхозников участвуют в этом движении.

Все основные положения, касающиеся коммунизма, были изложены в третьей программе КПСС, подготовка которой началась в 1958 году в соответствии с решением XX съезда партии. При этом предлагалось исходить из «основных положений марксистско-ленинской теории, творчески развивающейся на основе исторического опыта нашей партии, опыта братских партий социалистических стран, опыта и достижений всего международного коммунистического и рабочего движений, а также с учетом подготовляемого перспективного плана коммунистического строительства, развития экономики и культуры Советского Союза».

Комиссию по подготовке проекта программы КПСС возглавил Б. Пономарев. Академикам Е. Варге и С. Струмилину было

поручено подготовить расширенные схемы основных разделов партийной программы и представить записки «Общий кризис капитализма» и «На путях построения коммунизма». К работе над программой в целом было привлечено около сотни ведущих политиков, ответственных работников аппарата, специалистов, ученых.

Именно в процессе подготовки новой партийной программы Хрущев, находясь в плену «коммунистической утопии», пошел на крайне заманчивый, но непродуманный шаг: объявить построение коммунизма в СССР ближайшей задачей. Это потребовало новых подходов в разработке программы. Было решено принять программу партии не на XXI, а на XXII съезде КПСС. Много внимания уделялось экономическим показателям программы. Весной 1960 года Госплан СССР представил в ЦК подробные расчеты динамики развития народно-хозяйственного комплекса на 20 лет — с 1961 по 1980 годы.

Публицист Ф. Бурлацкий, работавший в то время в ЦК, вспоминал, что предложенные в программу партии конкретные цифры об экономическом развитии страны вызвали серьезные возражения членов рабочей группы. Однако им продемонстрировали резолюцию «самого»: «Включить в программу». Бурлацкий пишет:

«Так в программу партии, вопреки мнению подавляющего большинства участников — и не только в рамках рабочей группы, но и на политическом уровне, — были включены цифровые выкладки о том, как мы в 80-х годах догоним и перегоним Соединенные Штаты. Порывы были высокие, но, как говорилось в аппарате, кроме амбиций нужна еще и амуниция.

Правда, надежды на ускоренное экономическое развитие связывались с осуществлением хозяйственной и управленческой реформ, которые не состоялись. Кроме того, в ту пору даже крупные специалисты-экономисты не могли по-настоящему предвидеть бурного развития научно-технической революции».

Что конкретно имел в виду Хрущев, обещая, что коммунизм в Советском Союзе будет построен при жизни одного поколения? Выступая на встрече с интеллигенцией летом 1960 года, он говорил:

«Коммунизм — это общество, где все люди свободны и равны. Мы, коммунисты, хотим действительно равенства для трудящихся, для всех людей. Подлинного равенства людей и действительной свободы не может быть в таком обществе, где средства производства находятся в частной собственности, где существуют богатые и бедные, хозяева и работники, эксплуататоры и эксплуатируемые. Вот почему мы и боремся за

коммунизм, за такое общество, где все средства производства являются всенародным достоянием, где люди будут трудиться по своим способностям, а получать по потребностям». Позднее, в 1989 году, в беседе с известным отечественным историком Н. Барсуковым А. Шелепин и В. Семичастный очень критично отзывались об обещаниях Хрущева.

Семичастный. Всем было ясно, что это авантюра.

Шелепин. Да вы посмотрите программу партии, принятую при Хрущеве! Там много «липы». Судя по ней, мы давно уже перегнали Америку и живем при коммунизме. Хрущев не стеснялся с этой «липой» идти к народу.

Однако в то время, похоже, никто не возражал в ответ на идеи и предложения Хрущева, более того, все его «прожекты» встречали единодушное одобрение в партийно-государственной элите. В силу своей малообразованности Хрущев искренне верил в возможность осуществления планов «коммунистического строительства». К тому же он, видимо, отчетливо ощущал потребность заполнить идеологический вакуум, возникший после разоблачения культа личности Сталина и нарастающего безверия. Миф о коммунизме стал стержнем новой идеологической конструкции, тем более, что идея революции, всегда питающая энтузиазм масс, уже не работала. Оказался размытым и «образ врага», всегда цементировавший общество.

В апреле 1961 года окончательный вариант проекта программы был представлен Хрущеву. Он продиктовал стенографистке свои постраничные замечания и предложения. После доработки проект программы был одобрен на заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая, а 19 июня — на пленуме ЦК.

Однако Хрущев вновь перечитывает уже готовый текст и 18 июля надиктовывает новые замечания. Машинописные расшифровки стенограмм диктовок Хрущева сохранялись в тогдашнем Центральном партийном архиве, и часть их была опубликована в восьмом номере журнала «Вопросы истории КПСС» за 1991 год. В частности, Хрущев обращает внимание на недостаточное освещение в программе КПСС роли вооруженных сил страны, строящей коммунизм, и в связи с этим высказывает свои мысли о необходимости всеобщего разоружения под международным контролем, оснащения Советской Армии самыми современными средствами вооруженной борьбы и т. д.

30 июля 1961 года «Правда» опубликовала проект программы КПСС, где, в частности, говорилось:

«В ближайшее десятилетие (1961–1970) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную

и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня.

Во втором десятилетии (1971–1980) будет создана материально-техническая база коммунизма, для всего населения обеспечено изобилие материальных и культурных благ; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общественной собственности. Таким образом, в СССР будет, в основном, построено коммунистическое общество. Полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период…

Партия Торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Надуманность цифровых показателей и несостоятельность многих основных положений программы, прежде всего тех, что были связаны с практическими мерами по развернутому строительству коммунизма, будут поставлены в вину Хрущеву на октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1964 году. Однако долгое время вопрос о переработке программы не ставился. Лишь на XXVII съезде (1986 год) была утверждена новая редакция программы партии, как программы «планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны».

Но все это будет потом. А тогда, летом 1961 года, после обнародования проекта программы началось его обсуждение. Оно проходило в обстановке мощного пропагандистско-идеологического прессинга средств массовой информации. Однако в чем-то коммунистическая утопия находила поддержку и в реальной жизни. Рубеж пятидесятых-шестидесятых годов демонстрировал заметные экономические успехи и рост материального благосостояния масс. Поэтому для многих намеченные задачи «коммунистического строительства» отнюдь не представлялись надуманными и недостижимыми.

В партийные органы, в редакцию газет и журналов, на радио и телевидение поступило более трехсот тысяч писем, с предложениями и замечаниями. Для их рассмотрения и обобщения в ЦК были созданы двадцать две рабочие группы.

Наконец, 14 октября 1961 года пленум ЦК утвердил окончательный проект программы КПСС.

В октябре 4961 года новая программа КПСС была утверждена XXII съездом. Доклад о новой программе делал Хрущев. Он подробно рассказал, что такое коммунизм, почему должны исчезнуть классы и эксплуатация:

«Чаша коммунизма — это чаша изобилия, она всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад, и каждый из нее черпать.

— Мы руководствуемся строго научными расчетами. А расчеты показывают, что за двадцать лет мы построили в основном коммунистическое общество».

Находясь на пенсии, в беседе с писателем Феликсом Чуевым в 1981 году Молотов так отзывался о попытке Хрущева «скачка в коммунизм»:

«Программа, скандальная для коммунистов. Коммунизм в 1980 году — вот уже 1981 год — нет коммунизма! И не может его быть, и не могло быть. Не могло быть ни при каких условиях к 1980 году, потому что надо достраивать социализм. Это вовсе никакая не беда, никакое не преступление тем более, а это естественный совершенно вопрос.

Это, видимо, продиктовал левой ногой «Саврас без узды» — Хрущев. А за ним побежали маленькие «савраски» Не могло этого быть, по науке никак не может быть, нет ни внутренних условий, ни международных».

Отныне Хрущев на все смотрел только через призму «коммунизма». Выступая на встрече с деятелями литературы 8 марта 1963 года, он критиковал фильм Марлена Хуциева «Застава Ильича»:

— Даже наиболее положительные из персонажей фильма — трое рабочих парней — не являются олицетворением нашей замечательной молодежи. Они показаны так, что не знают, как им жить и к чему стремиться. И это в наше время развернутого строительства коммунизма, освещенное идеями Программы Коммунистической партии! Разве такая молодежь сейчас вместе со своими отцами строит коммунизм под руководством партии!

И только позднее, находясь на пенсии, Хрущев, похоже, осознал утопичность провозглашенных им планов «Коммунистического строительства». В своих мемуарах он говорит:

«Социалистический строй может победить в мире при условии, что им будет достигнута более высокая производительность труда, чем при капиталистическом строе. Наша производительность труда сейчас ниже, чем в ФРГ,

Франции, Англии, США, Японии. Мы бьемся над этим столько лет, имеем такие просторы, такие ресурсы и никак не можем создать нужных запасов… Нельзя увлечь за собой народ только рассуждениями о марксистско-ленинском учении. Если государство и обещанная система не дают людям материальных и культурных благ больше, чем их обеспечивает капиталистический мир, бесполезно звать людей к коммунизму».

Глава 14
Приказ: «Цель поразить!»

Президент Эйзенхауэр предложил Хрущеву:

— Зачем нам втягивать свои народы в дорогостоящее соревнование? Давайте лучше посоревнуемся друг с другом, ну например, в беге.

Хрущев согласился. На следующий день советские газеты сообщили: «Хрущев занял второе место, Эйзенхауэр — предпоследнее».

Из народного творчества

В 1960 году имена Хрущева и Эйзенхауэра действительно были у всех на слуху. Мир внимательно следил за сближением двух супердержав. 19 января было официально объявлено, что в июне состоится визит американского президента в Советский Союз. Хрущев заявил, что ему будет оказан «чрезвычайный» прием.

Советский лидер все больше входил во вкус, занимаясь внешнеполитической деятельностью. Подчас происходило это в ущерб внутренним делам. Да и на международной арене Хрущев допускал немало просчетов. Выезжая за границу, он брал с собой многочисленную свиту — помощников и советников, переводчиков и стенографисток, экспертов и телохранителей. Однако почти никогда не прислушивался к советам и рекомендациям компетентных людей. Он хотел все решать сам.

Потом, на октябрьском пленуме ЦК в 1964 году, Хрущеву придется услышать немало горьких, но справедливых упреков. Зачем надо было сооружать громадный стадион на сто тысяч мест в Джакарте, отель в столице Бирмы городе Рангуне, исследовательский атомный центр в африканском государстве Гане или спортивный комплекс в Мали? За десять лет правления Хрущева в различных странах Советский Союз соорудил около шести тысяч предприятий, но все затраты пропали даром, а из многих государств нас попросту выдворили. Впрочем, вину за это должны по праву принять на себя и его соратники, которые угодливо соглашались с Хрущевым и превозносили любое его решение.

Между тем, в стране развернулась активная подготовка к приему американского президента и сопровождающих его лиц. Правительственная комиссия побывала в Хабаровске и Иркутске, которые в ходе визита собирался посетить Эйзенхауэр. Под Москвой соорудили поле для гольфа на 18 лунок. Для американцев, щедро одаривших Хрущева и его спутников в сентябре 1959 года, готовились ответные подарки. В частности, специально для Эйзенхауэра методом ручной сборки сделали «Москвич-407». Шла активная подготовка к встрече в верхах, чтобы продолжить обсуждение проблем, начатое на встрече в Женеве в 1955 году. Намечена она, была на середину мая в Париже.

Хрущев все более убеждал себя, что потепление отношений с известным врагом — Соединенными Штатами Америки — это конец «холодной войны». С Америкой надо не враждовать, а сотрудничать. А огромная армия и накопленные горы оружия тяжелым бременем повисли на плечах экономики. Надо сокращать военные расходы. Так, постепенно вызревала идея о сокращении армии на 1 миллион 200 тысяч человек. При обсуждении этого вопроса на Президиуме ЦК партии выступил начальник Генштаба маршал Соколовский, заявивший, что сокращение обескровит вооруженные силы. Министр обороны маршал Малиновский Хрущева поддержал, хотя и весьма сдержанно. В результате Президиум одобрил предложение Хрущева. В январе 1960 года после доклада Хрущева Верховный Совет принял Закон о сокращении Вооруженных Сил на одну треть.

Но 1 мая 1960 года положило конец «разрядке». Именно в этот день советская ракета впервые сбила американский самолет-разведчик У-2, пилотируемый Гарри Фрэнсисом Пауэрсом и совершивший девятичасовой полет из Пакистана в Норвегию над территорией Советского Союза.

Подобные полеты американцы совершали уже в течение нескольких лет, откровенно издеваясь над беспомощностью советской противовоздушной обороны. Высота в двадцать километров была недостижимой и для зениток, и для истребителей. А ракеты «земля — воздух» поступили на вооружение советских войск ПВО только в начале 1960 года.

В 1959 году Эйзенхауэр распорядился прекратить разведывательные полеты над территорией СССР, несмотря на недовольство ЦРУ и Пентагона. Президент сказал, что когда в мае он прибудет в Париж на встречу в верхах, у него должна быть честная репутация: «Если один из этих самолетов будет сбит в то время, когда мы ведем особо доверительные переговоры, его

выставят в Москве на всеобщее обозрение, и это подорвет мои позиции». Эйзенхауэр как в воду глядел.

Однако шеф ЦРУ Ален Даллес сумел настоять на возобновлении полетов У-2, упирая на то, что следует проследить за размещением ракетных установок на Северном Урале и в районе Белого моря. А если русские умудрятся сбить самолет, то никаких улик в их руках не будет. Президент дал согласие. Первый после длительного перерыва полет состоялся 9 апреля 1960 года, когда самолет У-2 вылетел с американской базы в Пешаваре и взял курс на Семипалатинск. Советское военное руководство приказало поднять в воздух самые современные истребители-перехватчики Т-3, позднее названные С-9. Вооруженные четырьмя управляемыми ракетами, эти самолеты способны были подняться на высоту до двадцати километров. Однако из-за отсутствия в районе Семипалатинска запасного аэродрома самолеты так и не взлетели. Оказался небоеспособным и зенитный комплекс С-75, самое совершенное на то время оружие, способное поражать цель на высоте до двадцати пяти километров. Ракеты находились не на позициях, а в хранилищах на расстоянии в сто километров от полигона. В итоге У-2, выполнив свою миссию, благополучно вернулся на базу.

Со стороны Москвы протестов не последовало. Хрущев молчал, видимо, не желая говорить народу о низкой боевой готовности армии. Даллес обратился к Эйзенхауэру с просьбой разрешить новый полет. Шефа ЦРУ особенно интересовал новый советский ракетный объект в районе Плисецка в Архангельской области, где находились межконтинентальные ракеты. Исходя из этого и было составлено задание для Пауэрса. Позднее американцы признавали, что каждый полет У-2 давал им ценную информацию о развертывании и состоянии ракетно-ядерных сил СССР.

Противостояние США и СССР довлело над всей планетой. Два мировых гиганта и существующие в их орбитах страны-сателлиты определяли основные тенденции международных отношений. А самое главное — это противостояние воспроизводило атмосферу взаимного страха. США опасались неожиданного нападения со стороны Советского Союза, а тот, в свою очередь, боялся удара со стороны американцев. Ни та, ни другая страна не жалели средств на вооружение и разведку. Обоюдная настороженность и подозрительность всегда отличали советско-американские отношения, даже в годы «потепления» и «разрядки».

Свой полет Пауэрс начал ранним утром 1 мая 1960 года. Как только самолет пересек афганскую границу, он был замечен и взят под контроль службой противовоздушной обороны. Вскоре

выяснилось, что нарушитель границы держит курс на полигон Тюра-Там в Казахстане, главный космический ракетодром в Советском Союзе. Позднее он получит наименование Байконур, а в служебных переговорах его называли зона «Т». Через несколько минут сообщение дошло уже до министра обороны.

Маршал Малиновский, оценив всю опасность ситуации, разбудил Хрущева.

— Где он теперь? — спросил Хрущев.

— Цель на подходе к зоне «Т».

— Что-о-о? — закричал тот. — Да как вы допустили такое?! Сбить! Сбить любой ценой!

После звонка Малиновского ложиться уже не было смысла. На часах было шесть утра. Надо было ехать на первомайские торжества: парад, демонстрация. Злость на американцев не проходила, он все больше и больше накручивал себя, проклиная Эйзенхауэра, Даллеса и этот чертов самолет. Между тем распоряжение «самого» спускалось от министра обороны вниз. Напряжение и тревога все больше нарастали. Пауэрс уже миновал Тюра-Там и держал курс на Урал. Советские ракеты молчали.

Стремясь выполнить «приказ партии», командующий авиацией ПВО генерал Евгений Савицкий приказал капитану Ментюкову, перегонявшему суперсовременный С-9 в Белоруссию, поднять самолет в воздух и уничтожить нарушителя. Поскольку на С-9 не было вооружения, Савицкий приказал Ментюкову идти на таран. Летчик ответил:

— К тарану готов. Единственная просьба — не забыть семью и мать.

Однако жизнь Ментюкову спасло чье-то очередное разгильдяйство: локаторщики не сумели вывести его точно на цель. И только когда Пауэрс почти миновал Свердловск, его поразила одна из ракет дивизиона полковника Воронова. Однако в результате продолжающейся неразберихи был по ошибке сбит и наш истребитель-перехватчик Ми Г-19, пилот которого Сергей Сафронов погиб.

А Пауэрс остался жив. Он сумел выбраться из разваливающегося на куски самолета и спустился на парашюте с огромной высоты. Позднее Пауэрса обменяли на советского разведчика Рудольфа Абеля. А пока что он был доставлен в Москву и допрашивался в КГБ. И Вашингтон и Москва хранили молчание! Хрущев предвкушал, как он макнет американцев «мордой в грязь». Те были уверены, что летчик погиб. Правды же пока что не знали даже члены Президиума ЦК КПСС.

Только 4 мая на пленуме ЦК Хрущев заявил:

— Товарищи! Гвоздем завтрашней сессии Верховного Совета

станет вопрос об американском шпионском самолете, который мы сбили на Урале. Я проинформирую депутатов, что Соединенные Штаты послали самолет вглубь территории СССР, и объявлю, что наши доблестные ракетчики сбили нарушителя. Но я не буду говорить им, что летчик остался жив и сидит у нас на Лубянке. Пусть это будет нашей тайной. А потом мы преподнесем американцам сюрприз.

Члены пленума оценили замысел Первого и встретили его слова аплодисментами. На следующий день в Кремле открылась сессия Верховного Совета. После двухчасового доклада о положении в стране Хрущев приступил к главному. Потрясенные депутаты слушали обличения в подлости и вероломстве правящих кругов и военщины США. Американцы послали самолет-шпион вглубь Советского Союза в священный для каждого советского человека день — 1 мая. Правительство приказало сбить самолет! Это задание было выполнено — самолет уничтожен! Зал встретил эти слова бурными аплодисментами.

— Этот случай, — продолжал свои обличенья Хрущев, — лишний раз показывает, чего стоят все заверения американцев об их желании жить в мире и бороться за ослабление международной напряженности! Это все слова, но теперь мы видим, каковы их дела, а это значит, нам надо быть бдительными и готовыми в любой момент отразить любую атаку любого агрессора. Мы никому не дадим хозяйничать в собственном доме. Никому и никогда!

А 7 мая, подводя итоги работы сессии, Хрущев заявил:

— Летчик жив и здоров, а обломки самолета находятся у нас.

В зале раздался одобрительный смех, потом последовали аплодисменты. Хрущев сказал, что летчик Фрэнсис Гарри Пауэрс сознался в шпионских целях своего полета и что программа подобных полетов утверждена президентом США. Это был серьезный удар по престижу Эйзенхауэра. Между тем дата парижской встречи на высшем уровне все приближалась.

11 мая по распоряжению Хрущева останки американского самолета и шпионское снаряжение летчика были выставлены в парке Горького. Остряки назвали это «второй выставкой достижений американского народного хозяйства». Первая состоялась в Сокольниках год назад.

И все же неизбежно возникает вопрос: чем была вызвана столь жесткая и воинственная позиция Хрущева в отношении США? Ведь шпионажем Советский Союз «увлекался», наверное, еще более азартно, чем американцы. Быть может, он опасался, что приезд президента Эйзенхауэра в нашу страну вызовет рост симпатий к американскому образу жизни? Вряд ли, ведь все

зависело от того, как этот визит будет подавать печать.

Известный дипломат и аналитик Олег Гриневский, в свое время работавший в ближайшем окружении Первого, полагает, что весной 1960 года Хрущев впервые столкнулся с сильной оппозицией уже в своей «команде». Вот он и пытался показать, что не идет на поводу у империалистов, а борется с ними. Сюда же стоит добавить и фактор не всегда рационального, непредсказуемого поведения Хрущева.

Встал вопрос: ехать ли Хрущеву в Париж на встречу в верхах? Малиновский и Козлов считали, что делать этого не следует. Сам Хрущев на сей счет имел иное мнение, которое он высказал на заседании Президиума ЦК 12 мая:

— Я разделяю ваше возмущение провокационными выходками американцев. Но в политике нельзя давать волю чувствам. Если мы не поедем в Париж, весь мир скажет; что встречу в верхах и начавшуюся разрядку сорвал Советский Союз. Мы должны действовать хитрее и с дальним прицелом. В Париж приехать надо, но заседаний не начинать, пока американцы не принесут извинений и не заявят, что больше не будут посылать Шпионские самолеты в наши пределы.

В субботу 14 мая Хрущев прилетел в Париж. 16 мая в Елисейском дворце состоялась предварительная встреча лидеров четырех держав: Хрущева, Эйзенхауэра, де Голля и Макмиллана. Однако длилась она недолго. Хрущев потребовал от президента США извиниться за инцидент с У-2. Тот отказался. Де Голль предложил перенести встречу на следующий день. Однако из-за неуступчивости Хрущева собраться вместе так и не удалось. Макмиллан записал в своем дневнике: «Так закончилась, даже не начавшись, конференция на высшем уровне».

18 мая во второй половине дня Хрущев дал пресс-конференцию, на которую собрались более двух тысяч корреспондентов. Он зачитал заранее подготовленное заявление. В зале раздалось недружественное гудение, выкрики с мест. Хрущев отложил в сторону текст:

— Хочу сразу ответить тем, кто здесь «укает». Меня информировали, что подручные канцлера Аденауэра прислали сюда своих агентов из числа фашистов, недобитых нами под Сталинградом. Они тоже шли в Советский Союз с «уканьем». А мы так им «укнули», что сразу на три метра в землю вогнали. Так что вы «укайте», да оглядывайтесь.

Лицо Хрущева налилось кровью, глаза сверкали, он почти впал в истерику.

— Я являюсь представителем великого советского народа, который совершил Великую Октябрьскую социалистическую

революцию под руководством Ленина, народа, который с успехом строит коммунистическое общество, идет вперед к коммунизму. И когда вы на меня «укаете», то только бодрости придаете мне в моей классовой борьбе.

Срыв парижской встречи стал переломным рубежом, ознаменовавшим крушение разрядки и новое обострение «холодной» войны. А Хрущев готовился к очередному «сражению с империалистами». Он решил сам поехать на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Теплоход «Балтика», на котором разместилась советская делегация, отплыл из Балтийска 9 сентября 1960 года. Все десять дней плавания шла активная работа над текстом речи Хрущева в ООН. По замыслу Громыко и международного отдела ЦК, в основу ее было положено предложение к ООН принять Декларацию о полной и окончательной ликвидации колониализма. Хрущев, энергичный и неуемный, постоянно выдвигал новые идеи. Каждое утро после совещания с Громыко, Подгорным, Мазуровым, Аджубеем, Сатюковым он вызывал машинисток и диктовал им новые фрагменты своей речи. Затем эти диктовки переводились на нормальный русский язык. При этом, как вспоминает О. Гриневский, на «Балтике» буквально шла охота за острым словцом, ярким изречением, пословицами и поговорками, до которых Хрущев был так охоч.

— ООН должна отражать трехполюсность мира, — диктовал «вождь». — Поэтому необходимо избрать трех генеральных секретарей вместо одного от каждой группы стран: социалистических, капиталистических и развивающихся.

Другой его идеей стало предложение перенести штаб-квартиру ООН из США в одну из европейских стран: Швейцарию, Австрию или Советский Союз.

19 сентября теплоход прибыл в гавань Нью-Йорка. Встречи не было, от властей — никого. Вдобавок ко всему профсоюз докеров в знак протеста против приезда Хрущева в США отказался принимать советскую делегацию. В советских газетах все это подавалось иначе: «У причала с раннего утра собрались многочисленные встречающие. Развеваются государственные флаги СССР, Украины, Белоруссии, Венгрии, Румынии. На трапе появляется Н. С. Хрущев. Бурные аплодисменты…»

Эта сессия Генеральной Ассамблеи ООН вошла в историю как одна из самых представительных и, вместе с тем, одна из самых конфронтационных. Последнее обстоятельство во многом объяснялось поведением неуступчивого и шумливого «коммуниста номер один».

О. Гриневский, хорошо разбирающийся в закулисных играх в

ООН и ее нравах, свидетельствует:

«К острой политической борьбе ООН была не готова. Сессии Генеральной Ассамблеи давно стали рутинными. Даже ежегодные выступления советского министра иностранных дел лишь на какой-то момент могли всколыхнуть сонное болото пустых ооновских дискуссий, направленных в конечном счете на то, чтобы принять очередную составленную из многочисленных компромиссов и потому мало значащую резолюцию, о которой вскоре забудут. Пока на сессии присутствовали министры, зал еще бывал относительно заполненным — тут действовала взаимная солидарность дипломатов: не придешь слушать чужого министра и на выступление твоего тоже никто не придет. Что, естественно, своему министру вряд ли понравится. Но когда министры разъезжались и начинали работать комитеты, залы бывали не то, что полупусты, а просто пусты. Ведь дела делались не там, где произносились речи, а за кулисами, в многочисленных барах, где за обязательным мартини находились компромиссы, которые потом и утверждались Генеральной Ассамблеей».

23 сентября Хрущев выступил на пленарном заседании с докладом «Свободу и независимость всем колониальным народам. Решить проблему всеобщего разоружения», полным угроз и обвинений в адрес империалистов. Он даже потребовал снять генерального секретаря Дага Хаммаршельда как «слугу монополистического капитала США». После Хрущева с такой же агрессивной антиамериканской речью в течение четырех с половиной часов выступал кубинский лидер Фидель Кастро. Так был задан конфронтационный тон всей сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Свою речь Хрущев начал с пожелания благополучия и процветания молодым африканским государствам. Когда же он предложил предоставить независимость всем колониальным народам и странам, то аплодировали далеко не все.

— Это колонизаторы, — показал Хрущев рукой на тех, кто сидел без движения. — Им ли приветствовать свободолюбивые предложения?

А спустя несколько дней произошел инцидент, до сих пор вызывающий неоднозначную реакцию. Речь идет о «башмачной дипломатии» советского лидера, что стала притчей во языцех. Недаром сам Хрущев так много внимания уделяет ему в своих мемуарах, пытаясь объяснить обстоятельства и мотивы своего экстравагантного поступка.

В зале, где заседала Генеральная Ассамблея, прямо перед советскими представителями сидели испанцы. В то время отношения между СССР и франкистской Испанией были

напряженными и, как признается Хрущев, руководитель испанской делегации действовал на него отталкивающе. Тем более, что перед отъездом в США Хрущев виделся с Долорес Ибаррури, которая попросила его: «Товарищ Хрущев, хорошо, если бы Вы в речи или реплике, выбрав момент, заклеймили позором режим Франко в Испании».

Хрущев вспоминает, что во время заседаний все вопросы обсуждались очень бурно. «Представители буржуазных стран» подавали реплики, стучали о свои пюпитры, шумели, если речь им не нравилась. Представители Советского Союза и других социалистических стран быстро переняли подобные формы протеста. Когда выступал представитель Филиппин, поддержавший политику США, Хрущев подал очередную реплику. Сам он так вспоминал об этом:

«Помню: я употребил выражение: «Мы еще вам покажем кузькину мать!» Имелся в виде «показ кузькиной матери» в вопросах экономики, культуры, социально-политического развития наших стран. Тот опешил. А спустя какое-то время снова взял слово: «Выступая здесь, господин Хрущев употребил выражение, которое мне перевели. Я перелистал много словарей, но так и не смог разобраться, что это значит?»

Как оказалось, ему перевели: «мать Кузьмы», поэтому филиппинец не мог понять, что же Хрущев имел в виду.

Затем в ходе обсуждения вопроса о колониях Хрущев, взяв слово для реплики, обрушился на режим Франко. В ответ последовала реплика испанца. Сразу же советская делегация и представители других социалистических стран стали шуметь и стучать. «Я решил поддать жару, — вспоминал Хрущев, — снял башмак и начал стучать по пюпитру, да так, чтобы было погромче. Это вызвало бурную реакцию у журналистов и фотографов».

В советской прессе об этом инциденте ничего, естественно, не сообщалось. Позднее его стали подавать как пример «классовой дипломатии». Алексей Аджубей, выступая на XXII съезде КПСС, очень красочно и остроумно описывал инцидент с башмаком и прочие «дипломатические» приемы своего могущественного тестя, вызывая смех и бурные аплодисменты делегатов съезда: — Может, это и шокировало дипломатических дам западного мира, но просто здорово было, когда товарищ Хрущев однажды, во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал стучать им по столу. Всем сразу стало ясно — мы решительно против, мы не хотим слушать такие речи! Причем Никита Сергеевич Хрущев ботинок положил таким образом (впереди нашей делегации сидела

делегация фашистской Испании), что носок ботинка почти упирался в шею франкистского министра иностранных дел, но не полностью. В данном случае была проявлена дипломатическая гибкость.

Однако на Западе в открытую издевались над бездарной «башмачной дипломатией» Хрущева, его необузданностью, некомпетентностью и импульсивностью. И хотя эксцентричный поступок советского лидера не противоречил протоколу ООН, а Генеральный секретарь Хаммаршельд даже не сделал ему замечания, инцидент этот вписывался в общее русло хрущевской дипломатии. Звено цеплялось за звено, поступок за поступок, слово за слово — и формировался имидж «коммуниста номер один», возомнившего себя великим дипломатом. Историк Анатолий Пономарев пишет:

«Хрущев был непревзойденным мастером создания (буквально на ровном месте) кризисных ситуаций, выбираясь из которых, выдавал себя чуть ли не за спасителя рода человеческого. Натура увлекающаяся, упрямая, пренебрегавшая опытом традиционной дипломатии, он зачастую сам загонял себя в угол, когда, наоборот, можно было получить дополнительные очки».

Глава 15
И снова тень Сталина

Безмолвствовал мрамор.
Безмолвно мерцало стекло.
Безмолвно стоял караул,
На ветру бронзовея.
А гроб чуть дымился.
Дыханье из гроба текло,
Когда выносили его
Из дверей Мавзолея.
Гроб медленно плыл,
Задевая краями штыки.
Он тоже безмолвным был
Тоже! — но грозно безмолвным.
Угрюмо сжимая
Набальзамированные кулаки,
В нем к щели глазами приник
Человек, притворившийся мертвым.

Евгений Евтушенко

Несомненно, одно из основных решений XXII съезда партии (17–31 октября 1961 года) — вынос гроба с набальзамированной мумией Сталина из Мавзолея. Причем, если исходить из хода работы съезда, вопросов, которые на нем обсуждались с 17 по 27 октября включительно, решение это представляется несколько неожиданным и слабо мотивированным. Сравнительно немного говорил о культе личности Сталина Хрущев, выступая с отчетным докладом ЦК. Главный удар наносился по «антипартийной группе» Маленкова, Молотова, Кагановича. Вечером 27 октября Хрущев выступил с заключительным словом по итогам обсуждения отчетного доклада ЦК и Программы КПСС. О Сталине он только упомянул, да и то лишь в связи с выпадом в адрес албанского руководства. Правда, достаточно подробно остановился на неясных вопросах, связанных с обстоятельствами убийства Сергея Мироновича Кирова в 1934 году.

И вдруг на следующий день, едва возобновилась работа съезда, И. Спиридонов, первый секретарь Ленинградского областного Комитета партии, попросив слово вне очереди, выдвинул предложение убрать «тело тов. Сталина» из Мавзолея. Обращает на себя внимание эта запись в стенограмме: «тов.

Сталина», поскольку у всех других выступающих фигурирует просто «Сталин», без всяких «товарищей». Предложение было встречено бурными аплодисментами присутствующих. После него выступили П. Демичев (Москва), Г. Джавахишвили (Грузия), Д. Лазуркина (ветеран партии), Н. Подгорный (Украина). Все они поддержали предложение ленинградцев о выносе тела Сталина из Мавзолея.

Ленинградка Лазуркина, член партии с 1902 года, работавшая когда-то с Лениным, в 1937 году арестованная и семнадцать лет проведшая в лагерях, говорила:

— Я считаю, что нашему прекрасному Владимиру Ильичу, самому человечному человеку, нельзя быть рядом с тем, кто хотя и имел заслуги в прошлом, до 1934 года, но рядом с Лениным быть не может.

— Правильно! — бросил из Президиума Хрущев реплику. И зал сразу взорвался бурными аплодисментами.

— Я всегда в сердце ношу Ильича, — продолжала Лазуркина. — Вчера я советовалась с Ильичем, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: «Мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии».

В огромном помещении недавно построенного на территории древнего Кремля Дворца съездов словно витали два призрака — Ленина и Сталина. Мифологическое коллективное сознание, в едином порыве объединившее пять тысяч делегатов съезда, отныне направлялось уже какими-то ирреальными мотивами и устремлениями. На время были отложены все сложные проблемы, раздиравшие общество. Мощный идеологический посыл, инициированный, безусловно, самим Хрущевым, овладев этой человеческой массой, стал материальной силой, взорвавшей мертвое мистическое пространство Мавзолея. И труп Сталина этим порывом был сметен из «революционного Пантеона».

Выступивший после Лазуркиной Подгорный, «вождь» украинских коммунистов, один из самых в то время близких к Хрущеву людей, зачитал проект постановления XXII съезда:

«1. Мавзолей на Красной площади у Кремлевской стены, созданный для увековечения памяти Владимира Ильича Ленина — бессмертного основателя Коммунистической партии и Советского государства, вождя и учителя трудящихся всего мира именовать впредь: *Мавзолей Владимира Ильича Ленина.*

2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным

оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина».

Эта новая атака на Сталина и сталинизм была, в отличие от 1956 года, совершенно открытой и гласной, чему способствовали газеты, радио и телевидение, а Хрущев был уже не единственным обвинителем Сталина.

Чем был вызван этот новый мощный натиск Хрущева на тень Сталина? Он тем более непонятен, что уже вскоре после XX съезда партии Хрущев сделал шаг назад к критике Сталина. Он даже отвергал понятие «сталинизм» и «сталинисты», заявив: «Противники коммунизма нарочито изобрели слово «сталинист» и пытаются сделать его ругательством. Для всех нас, марксистов-ленинцев, имя Сталина неотделимо от марксизма-ленинизма» (январь 1957 года). На XXI съезде партии ничего не говорилось о Сталине и его культе личности. Да и в первые дни работы XXII съезда ничто, казалось, не предвещало взрыва эмоций и новых обвинений в адрес покойного вождя.

Виктор Кандыба, психолог и историк, полагает, что Хрущев стремился уничтожить общенациональный идеал, выраженный в образе Сталина. Если Сталин военного и послевоенного периода все более тяготел к русской национальной традиции, к ее державности, то Хрущев, обласканный Западом за антисталинизм и уверовавший в свои миротворческие таланты, решил стать «общечеловеком».

Однако подобная оценка, даже если не брать в расчет увлеченность Кандыбы мистицизмом и его апологетику Сталина, представляется поверхностной. «Зри в корень!» — любил говаривать незабвенный Козьма Прутков. В данном случае главное коренилось опять же в борьбе за власть, в столкновении политических амбиций. Еще в апреле 1960 года Хрущев столкнулся с нарастающим противодействием своему «импульсивно-реформаторскому» курсу на сближение с США и в целом с Западом. На этот счет любопытные свидетельства можно найти у хорошо информированного Олега Грановского, который реконструировал нигде не зафиксированное секретное заседание Президиума ЦК партии 7 апреля 1960 года. Именно тогда М. Суслов, А. Шелепин и ряд других членов партийно-государственной элиты рекомендовали Хрущеву сменить политику, прекратить сближение с американцами, которые совсем не собираются идти навстречу Москве. Обстановка в стране осложняется, армия ропщет, недовольная сокращениями, растет вольнодумство, у советских людей падает вера в коммунистические идеалы, их все больше прельщает западный образ жизни, идеал «буржуазной демократии и свободы». Империалисты пользуются этим и готовят новое наступление на

социализм.

Похоже на то, что трон под «коммунистом номер один» действительно пошатнулся. А непрерывный поток славословий по адресу Хрущева и «бурные и продолжительные» аплодисменты делегатов вряд ли могли ввести в заблуждение всякого опытного аналитика, каковым, к примеру, был посол США в Советском Союзе Леллуин Томпсон. В мае 1960 года он проинформировал Эйзенхауэра, что Хрущев возрождает атмосферу «холодной войны». Причина — отнюдь не полет самолета-разведчика У-2, это лишь повод для развертывания мощной пропагандистской антиамериканской кампании; главное — в изменении соотношения сил в Президиуме ЦК КПСС, где все больше верх берут консерваторы, прежде всего военные и КГБ.

Хрущев довольно часто тасовал колоду своих сподвижников, но, похоже, он неизбежно оказывался в «печальном одиночестве». В начале 1960 года из состава Президиума, Секретариата и из ЦК был выведен А. Кириченко, ставший к тому времени вторым человеком в Секретариате ЦК КПСС. Новым секретарем ЦК становится Ф. Козлов, являвшийся и первым заместителем Хрущева по Совету Министров. Тогда же был смещен И. Н. Беляев, возглавлявший партийную организацию Казахстана. Его сменил Д. Кунаев. В составе Президиума и секретариата собрались одни выдвиженцы Хрущева, однако это обстоятельство совсем не означало, что они были его единомышленниками. Налицо была лишь формально-уставная поддержка со стороны элиты, приученной за несколько десятилетий существования тоталитарной однопартийной системы следовать за «вождем». Однако это был не Сталин. Хрущев никого не сажал и не ставил к стенке. Уже вскоре номенклатура увидела в нем «болтуна-либерала», которого не стоит опасаться.

Ресурсы общественной и аппаратной поддержки, на которые первоначально опирался «третий вождь», иссякали. Многочисленные обещания и громогласно объявленные проекты не исполнялись. Инициативы со временем затухали. Нарастали трудности в аграрном секторе экономики. Военные были недовольны широкомасштабным сокращением в вооруженных силах. Между тем Хрущев говорил: «Мы в Президиуме ЦК очень довольны положением, которое сейчас сложилось в партии и в стране. Очень хорошее положение!»

Несомненно, Хрущев знал о реальном положении дел и чувствовал, что все его благие намерения превращаются в труху. Отсюда — его метания, постоянные кадровые перестановки, шараханья из стороны в сторону, импульсивные, не всегда продуманные шаги.

В обстановке нарастающих трудностей в стране и сопротивления консервативных сил Хрущев решает вновь активизировать критику Сталина. Этот порыв, видимо, разделяли его ближайшие соратники — Ильичев, Сатюков, Аджубей, а также влиятельные помощники — Шевченко, Шуйский, Лебедев. Разоблачая Сталина, Хрущев стремился нанести удар и по своим политическим противникам и на волне эмоционального подъема повести за собой делегатов XXII съезда. В выступлении Хрущева 27 октября, в речах ряда других ораторов вставала картина того, что стало бы с партией и страной, если бы не произошло осуждение культа личности Сталина. Хрущев заявил также, что следует соорудить в Москве памятник в память о видных деятелях партии и государства, ставших жертвами сталинского беззакония.

Более внимательное знакомство со стенограммой XXII съезда позволяет заключить, что атака на Сталина готовилась достаточно последовательно и как бы исподволь. Основной критический удар был направлен по участникам «антипартийной группы», в том числе и по Ворошилову, который сидел в Президиуме съезда. Но когда делегаты весьма эмоционально описывали деяния Молотова, Кагановича, все более явно за их спиной вставала страшная фигура Сталина.

19 октября с большими речами выступают Подгорный, Спиридонов и Мазуров. Они как бы положили начало критике Сталина и сталинизма. 20 октября — Фурцева. 23 октября — Полянский и Игнатов. 24 октября — Ильичев и Шверник. Очень мощно и аргументированно высказался 26 октября глава КГБ Шелепин. «Убийство Сергея Мироновича Кирова, — говорил он, — Сталин и приближенные к нему Молотов и Каганович использовали как повод для организации расправы с неугодными им людьми, с видными деятелями нашего государства».

Но принятые XXII съездом резолюции оказались более сдержанными в критике Сталина и сталинизма, чем прозвучавшие на нем выступления. Вопреки мысли Хрущева о необходимости продолжать изучение вопросов, связанных с политикой сталинских репрессий, в резолюции съезда утверждалось, что «партия сказала народу, всю правду о злоупотреблении власти в период культа личности». Иначе говоря, все это — в прошлом. Однако демократически настроенная интеллигенция отнюдь не собиралась рассматривать сталинизм как «факт истории». Писатель Эммануил Казакевич, обращаясь к Хрущеву, говорил о необходимости тесной взаимоувязки двух основных вопросов XXII съезда — Программы партии и критики Сталина. Это неразрывное целое, и нельзя быть за первое, не будучи за второе. «Полная ликвидация культа

Сталина — необходимость», — настаивал Казакевич.

Многие из представителей партийно-государственной верхушки были недовольны новым витком десталинизации. Второй человек в партийно-государственной иерархии Ф. Козлов, выступая вскоре после съезда перед слушателями Высшей партийной школы, заявил, что на XXII съезде вместо обсуждения главного события — новой Программы КПСС — неожиданно получилось «второе издание» XX съезда. «Подобный перекос надлежит выправить», — говорил Козлов.

Очевидный разрыв, отсутствие взаимосвязи и взаимообусловленности между двумя основными «блоками» XXII съезда — Программой КПСС и критикой Сталина — свидетельствовали о поспешности и непродуманности нового шага Хрущева и предопределяли «разброд и шатания» в общественном сознании. Мало кто из критически настроенных и думающих людей близко к сердцу воспринимал хрущевских «планов громадье». Планы построения коммунистического общества на фоне нищеты и убожества сельской жизни и серости городской культуры воспринимались как весьма отдаленный, скорее всего, несбыточный идеал.

Что же касается сталинской эпохи, то она была еще близка; раны, оставленные бессудными репрессиями, и миллионы жертв взывали к совести и душевному пробуждению. Хрущев, ведя свой натиск на фигуру Сталина, стремился также вытравить из сознания и психологии людей дух сталинского тоталитаризма. В этом смысле эмоциональный взрыв Хрущева и душевный порыв демократических слоев интеллигенции совпадали.

«Истинно исторические перевороты не те, которые поражают нас своим величием и силой, — пишет Г. Лебон. — Единственно важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей». В этом смысле 1956–1961 годы стали, несомненно, переломными в историческом процессе отхода от пут тоталитарного существования. Несмотря на то, что сохранялось мощное противодействие десталинизации как в высших эшелонах власти, так и на уровне повседневного сознания, процесс этот остановить уже было невозможно. Изменения в умах и мышлении, переворот в интеллектуальной жизни, ростки свободомыслия, ожидания демократических перемен — все это рождалось на волне критики Сталина и сталинизма. Недаром, обращаясь к Хрущеву, писатель Василий Гроссман пророчески утверждал:

«Вы на XXII съезде партии безоговорочно осудили кровавые

беззакония и жестокости, которые были совершены Сталиным. Сила и смелость, с которой вы сделали это, дают все основания думать, что нормы нашей демократии будут расти так же, как выросли со времен разрухи, сопутствовавшей гражданской войне, нормы производства стали, угля, электричества. Ведь в росте демократии и свободы еще больше, чем в росте производства и потребления, существо нового человеческого общества. Вне беспрерывного роста норм свободы и демократии новое общество мне кажется немыслимым».

Конечно, тогдашняя эпоха и сама личность Хрущева накладывали свой отпечаток на процесс десталинизации, предопределяя его непоследовательность и ограниченность. Утверждалось, что причины культа личности никак не обусловлены природой советского общественно-политического строя. Нигде не говорилось об ответственности партии, ЦК, Политбюро за установление режима единоличной диктатуры Сталина. Ни в выступлениях на съезде, ни в партийных документах Сталина так и не решились назвать преступником. У самого Хрущева подобное определение в отношении Сталина появляется только в мемуарах.

По итогам работы съезда был заметно обновлен состав высшего руководства. В Центральном Комитете партии заменили шестьдесят процентов членов. Произошли перемены и в составе Президиума. Вместо А. Аристова, Н. Игнатова и Е. Фурцевой членами Президиума стали Г. Воронов и, позднее, А. Кириленко. В свою очередь, в состав Секретариата народу с Хрущевым, Козловым и Сусловым вошли Демичев, Шелепин, Ильичев и Пономарев. Позднее секретарем ЦК становится Ю. Андропов.

После XXII съезда стали устранять приметы почитания Сталина: переименовываются города, площади, улицы, заводы, колхозы, носившие имя бывшего вождя. В связи с тем, что на съезде не раз звучали требования исключить из партии членов «антипартийной группы», Хрущев настоял на выполнении этого пожелания. Все они — Маленков, Молотов, Каганович, Шепилов — в конце 1961 года были исключены из рядов КПСС.

Д. Шепилов вспоминает, как после тяжелой болезни и операции он вернулся из Киргизии в Москву и стал работать в Главархиве при Совмине СССР. Вскоре после XXII съезда секретарю парторганизации архива позвонил Ильичев и сказал:

— Сегодня у вас партсобрание? Исключите Шепилова из партии!

— За что? Мы не имеем к нему никаких претензий, тем более, он сейчас болен и лежит дома.

— Выполняйте указание ЦК, — заявил Ильичев.

Затем по указанию Ильичева Шепилов был лишен и звания члена-корреспондента АН СССР.

Каганович, выйдя на пенсию, вернулся в Москву и состоял на партийном учете в одном из НИИ. В конце 1961 года по указанию из ЦК он был исключен из партии. 23 мая 1962 года бюро МГК утвердило это решение. Судя по стенограмме, на этом заседании в адрес Кагановича было высказано немало обвинений и упреков. Тот пытался защищаться:

— Нельзя смотреть глазами 1962 года на события 1937 года, когда Гитлер пришел к власти, фашизм у власти был в Германии, готовилась война, когда все империалистические страны засылали к нам шпионов и диверсантов.

В конце концов Каганович вынужден был признать: «Массовые расстрелы — да, такое излишество было». Но не более. Закрывая заседание, первый секретарь МГК П. Демичев сказал:

— Мы не отрицаем: что-то вы сделали и полезного для партии, но поставьте на чашу и взвесьте то положительное, что вы сделали, и то отрицательное, преступное перед партией и народом, и вы у видите, куда пойдет стрелка. Вы не поняли, вернее, не хотите понять и дать партийную оценку своим преступлениям.

Глава 16
Кубинский кризис

Только невежда в области марксизма-ленинизма может действовать безрассудно, по принципу, что уж если умереть, так красиво. Это — психология самоубийцы.

Н. Хрущев (из письма Ф. Кастро от 31 октября 1962 года)

Осенью 1962 года в ходе острого столкновения политической воли, властных амбиций и догматизма трех лидеров — Фиделя Кастро, Джона Кеннеди и Никиты Хрущева — мир оказался на грани ядерного самоуничтожения. Кубинский кризис был кризисом доверия. Самое удивительное заключается в том, что этот конфликт возник чуть ли не на пустом месте: первоначально ни США, ни Советский Союз никаких особых интересов на «Острове свободы» не имели и больших планов не строили. Узел кубинского конфликта завязывался постепенно, почти незаметно, самотеком, в нем большую роль играли случайность и обычная человеческая глупость.

На Кубе 1 января 1959 года был свергнут проамериканский диктаторский режим Батисты. Для Латинской Америки, где перевороты и смена власти происходили чуть ли не ежегодно, — событие заурядное, и тогда на него ни США, ни Советский Союз почти никакого внимания не обратили. Правда, Москва уже вскоре признала правительство Фиделя Кастро. Но дальше дело не пошло, тем более, что Кастро тогда отнюдь не питал симпатий к СССР и социализму.

Первоначально Кастро, нуждаясь в помощи и в поддержке, сделал ставку на Вашингтон. Весной 1959 года он прибыл в США, где встретился с вице-президентом Никсоном и госсекретарем Гертером. Последний так потом говорил Эйзенхауэру о Кастро:

— Он очень похож на ребенка. Очень неопытен, озадачен и сбит с толку возникшими практическими трудностями.

Однако американская администрация не пошла навстречу кубинскому лидеру и в помощи отказала. После этого тот обращает свой взор в сторону Москвы, Он прекрасно сознавал: чтобы выжить, надо обзавестись могущественным и богатым

покровителем. И тут, по свидетельству О. Гриневского, определенную, роль сыграла чистая случайность. Хрущев, с подачи своего зятя Аджубея, в ноябре 1959 года ознакомился со статьями корреспондента ТАСС в Латинской Америке (а по совместительству, одного из ведущих сотрудников КГБ), Александра Алексеева, посвященными антиимпериалистической борьбе мужественного кубинского народа во главе с бородатым Фиделем Кастро. Статьи эти произвели на Хрущева большое впечатление.

В феврале 1960 года на Кубу прибыл первый заместитель Хрущева по Совмину Микоян. Вожди нового кубинского режима ему понравились. Вернувшись, Микоян сообщил, что они, конечно, еще не коммунисты, но стойкие борцы против империализма. Вскоре Советский Союз предоставил Кубе кредит в сто миллионов долларов сроком на двенадцать лет. Недаром, выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1960 года, Кастро, обращаясь к американской делегации, говорил:

— Это вы толкнули нас на поиски новых рынков и новых друзей: И мы нашли их в лице Советского Союза, социалистического мира. А уж после этого мы заинтересовались и социализмом как таковым, стали его изучать. И пришли к выводу, что без социализма нам не переделать Кубу. Это вы, американцы, нас научили, как действовать.

С весны 1960 года, когда международная обстановка изменилась, антиамерикански настроенная Куба все больше привлекала внимание Хрущева. В мае 1960 года установились дипломатические отношения с между СССР и Кубой. А осенью того же года, когда Хрущев находился в США, он решил встретиться с молодым кубинским вождем. Беседа их была недолгой, двое лидеров всего лишь хотели познакомиться друг с другом. Потом Хрущев скажет: «Я считал своим долгом нанести визит этому героическому человеку, который поднял знамя борьбы кубинского народа за свою свободу и независимость, борьбы бедных против богатых и обеспечил победу трудового народа». А Эйзенхауэр записал в своих мемуарах, что эта встреча усилила подозрения американцев, что Кастро является коммунистом.

Как бы то ни было, для американцев кубинская проблема неожиданно выдвинулась в число ведущих. А тут еще началась предвыборная кампания, в ходе которой кандидат от демократов Кеннеди нанес мощный удар по своему сопернику республиканцу Никсону, обвинив администрацию Эйзенхауэра в бездействии против коммунистической угрозы со стороны Кубы.

В январе 1961 года Джон Фицджеральд Кеннеди приступил к

исполнению обязанностей президента США. С самого начала Хрущев внимательно следил за словами и действиями нового хозяина Белого Дома. В инаугурационной речи Кеннеди, с одной стороны, предостерегал от грозной опасности уничтожения человечества в результате ядерной войны, с другой — взывал к жизненной силе американской нации, которая призвана защищать свободу.

Кеннеди приходилось уделять много внимания внешней политике. Горячими точками вялотекущей «холодной войны» по-прежнему были Куба и Берлин. Хрущев выжидал, пока не трогая в своих многочисленных выступлениях США и их лидера. 17 апреля 1961 года вооруженные отряды кубинских эмигрантов высадились на побережье Кубы. Руководило этой агрессией ЦРУ однако Кеннеди не решился открыто выступить в ее поддержку. Через несколько дней десант был разбит.

Весной 1961 года началась подготовка к встрече Хрущева и Кеннеди в Вене. Георгий Большаков, который в 1959–1962 годах являлся советником нашего посольства в Вашингтоне, вспоминает о своей беседе в мае 1961 года с министром юстиции США и братом президента Робертом Кеннеди. Когда они обсуждали предстоящую встречу двух лидеров, Роберт говорил:

— Брат считает, что напряженность в отношениях между нашими странами возникает главным образом из-за непонимания друг друга, неправильного толкования намерений и действий другой стороны. Президент принял власть из рук генерала Эйзенхауэра, который был крупным военным руководителей. Ему достались в наследство такие люди на ключевых постах, как директор ЦРУ Аллен Даллес, председатель объединенной группы начальников штабов генерал Лемнитцер и другие. И ошибка брата заключалась в том, что он не заменил их сразу же. Эти люди выдвигали устаревшие рекомендации и предложения, которые не соответствовали новому курсу президента. И именно исходя из их неправильных оценок обстановки вынужден был принимать решение мой брат. Куба изменила все наши представления о внешней политике. Для нас события в заливе Кочинос не провал, а лучший урок, который мы получили. Теперь мы не намерены повторять прежних ошибок.

— Брат, — говорил Р. Кеннеди, — едет в Вену с большими сомнениями. У нас создается впечатление, что премьер Хрущев считает, будто имеет дело с довольно слабой политической фигурой, молодым человеком, который еще не обладает опытом ведения государственных дел, не обладает сильным характером и уверенностью в себе. Все первые пять месяцев президентства Кеннеди на него оказывалось определенное давление с вашей

стороны. Я часто спрашивал его, как ему нравится быть президентом… На что он, как правило, отвечал: «Если бы не русские, это была бы лучшая должность в мире!»

Оценивая проблему Берлина, Р. Кеннеди говорил:

— Берлинская проблема, равно как и проблема двух Германий, создана не премьером Хрущевым и не моим братом. Это очень сложная проблема, поэтому вряд ли следует встречу в верхах в Вене начинать с ее решения. По нашему мнению, до того как мы будем детально обсуждать берлинскую проблему на совещании в верхах, следует внимательно изучить ее и не предпринимать каких-либо крупных дипломатических акций.

К сожалению, в Вене в июне 1961 года Хрущев повел себя не лучшим образом. Он принял стремление Джона Кеннеди к взаимопониманию и терпимости за проявление слабости. Хрущев потребовал, чтобы западные державы ушли из Западного Берлина и вновь выдвинул свою идею создать тройку генсеков в ООН. Завершая встречу с Хрущевым в Вене, президент Кеннеди заметил:

— Я полагаю, что зима у нас будет очень морозной.

Позднее, обращаясь к нации 26 июня, Кеннеди говорил:

— Семь недель тому назад я возвратился из Европы и сообщил Вам о моей встрече с главой Советского правительства Хрущевым и сопровождавшими его лицами. Мрачные предостережения Хрущева о будущем всего мира, его меморандум о Берлине, последующие речи и угрозы, высказанные им и его уполномоченными, а также увеличение советского военного бюджета — все это привело наше правительство к ряду решений и к совещанию с участниками Атлантического пакта.

Одним из главных на венской встрече был берлинский вопрос. Статус Западного Берлина постоянно ставил под сомнение положение ГДР как государства. Хрущев предлагал подписать мирный договор с двумя Германиями на основе фактически сложившихся границ, а Западный Берлин объявить «вольным городом» с гарантиями великих держав. Запад к этим идеям относился весьма прохладно. Напряженность вокруг Западного Берлина все более нарастала.

7 августа 1961 года Хрущев, выступая по телевидению, заявил, что в связи с осложнением обстановки вокруг Западного Берлина Советскому Союзу, возможно, придется усилить свои воинские формирования на западных границах. Вскоре в частях НАТО была введена повышенная боеготовность. А в ночь на 13 августа по решению руководства СССР и ГДР возводится стена, разделяющая Восточный и Западный Берлин.

Начиная с 1957 года, когда СССР запустил первый спутник,

Хрущев все больше проникался оптимизмом. Если на XX съезде советский вождь говорил, что Советский Союз достаточно силен, чтобы убедить империалистов не нападать на «родину Октября», то теперь он полагал, что мы должны заставить Соединенные Штаты отказаться «экспортировать контрреволюцию».

К этому времени Советский Союз превратился в мощную военную супердержаву. Советские конструкторы и ученые добились больших успехов в создании современных видов оружия, прежде всего ракетно-ядерного. Хрущев с удовлетворением говорит в своих мемуарах, что после успешного запуска в 1957 году первого искусственного спутника Земли Советский Союз получил возможность перебросить ракетой через океан ядерную бомбу. Были созданы ракеты Королева, Янгеля, Челомея.

Советские руководители, прежде всего сам Хрущев, постоянно говорили о военной мощи Советского Союза. Из года в год росло количество угроз по адресу «империалистов», которые раздавались из уст Хрущева. Однако в целом к началу шестидесятых годов США обладали количественным и качественным превосходством в области стратегических ядерных вооружений, имея семнадцатикратный перевес по ядерным боеприпасам. Проведенная американцами в 1961 году космическая разведка показала, что вместо двухсот ракет, как до этого полагало ЦРУ, Советский Союз имел лишь четыре межконтинентальные ракеты в Плесецке. Активное развертывание таких ракет у нас началось только в конце 1961 года. К середине 1962 года их насчитывалось уже тридцать штук.

В 1961–1962 годах напряженность между США и Кубой нарастала. Хрущев решил оказать реальную помощь Кубе. В мемуарах он так говорит об этом:

«Потеря революционной Кубы, которая первой из латиноамериканских стран, ограбленных США, встала на революционный путь, понизит у народов других стран волю к революционной борьбе. Наоборот, сохранение революционной Кубы, которая идет по пути строительства социализма, в случае успешного развития и в этом направлении и повышения жизненного уровня кубинского народа до такой степени, чтобы он стал как бы прожектором, желанным маяком для всех обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран, оказалось бы в интересах марксистско-ленинского учения. Это соответствовало стремлению народов СССР освободить мир от капиталистического рабства для перестройки общественной жизни на марксистско-ленинских, социалистических, коммунистических началах».

Однако все это привычная «революционная риторика». Скорее всего, главное заключалось в том, что американская администрация, получая объективную информацию от Пеньковского и через спутники-разведчики, уже не верила блефу о «ракетно-ядерной мощи» Советского Союза. А создать на Кубе военную базу означало получить возможность реального всесокрушающего удара по США.

Впрочем, видный американский историк Адам Улам считал, что в основе кубинского кризиса — стремление Хрущева достичь соглашения с США о нераспространении атомного оружия. Хрущев боялся, что подобным оружием овладеет Китай, а отношения между Москвой и Пекином к тому времени резко ухудшились, о чем отчетливо свидетельствовал XXII съезд КПСС. Советского лидера все более раздражали слова и поступки Мао Цзэдуна, в котором он стал видеть чуть ли не врага.

Но Хрущев в то время нисколько не доверял и Д. Кеннеди. В разговоре с Г. Большаковым Р. Кеннеди как-то заметил:

— Неужели премьер Хрущев не понимает положение президента! Неужели премьеру неизвестно, что у президента не только много друзей, но и не меньше врагов. Мой брат искренне хочет добиться того, о чем говорит. Но каждый шаг навстречу Хрущеву стоит брату больших усилий. Премьеру хотя бы на мгновение надо войти в положение президента, тогда бы он понял его. Ведь «они» в порыве слепой ненависти могут пойти на все…

Вскоре после этого Большаков, приехав на родину в отпуск, встретился с Хрущевым и долго рассказывал ему о Д. Кеннеди и его программе. Он стремился убедить Хрущева, что президент США находится под пристальным вниманием реакционных сил, прежде всего военных и ультраправых, которые жаждут реванша за провал авантюры в бухте Кочинос. Однако у Хрущева на сей счет было собственное мнение:

— Он и сам не прочь взять реванш. Да руки коротки. Куба не та. Щекочет им брюшко.

Когда же Большаков рассказал Первому об опасениях Роберта Кеннеди за судьбу брата, тот бросил:

— Прибедняются. Президент он или не президент? Если сильный президент, то ему некого бояться. Вся власть в его руках, да еще брат — министр юстиции.

Ноябрь 1963 года показал, как неправ был в данном случае Хрущев. А пока что Куба все больше и больше занимала его. Объективно главной целью внешней политики Первого было установление равновесия сил с США и ликвидация точек напряженности во взаимоотношениях двух великих держав на

выгодных для Москвы условиях. И ему представлялось, что Куба поможет решить многие из возникших проблем.

Хрущев вспоминал, как он постоянно думал о судьбе Кубы:

«Мой мозг неотвязно сверлила мысль: «Что будет с Кубой? Кубу мы потеряем!» Это был бы большой удар по марксистско-ленинскому учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран, понизит наш престиж… Надо было что-то придумать. Что? Очень сложно найти вот это что-то, чтобы можно было противопоставить США. Естественно, сразу напрашивалось такое решение — ведь США окружили Советский Союз своими базами, расположили вокруг нас ракеты… Они нас окружили военно-воздушными базами, и их самолеты находятся на расстоянии одного радиуса действия от наших жизненных промышленных и государственных центров. А самолеты эти вооружены атомными бомбами. Нельзя ли противопоставить им то же самое?.. Я пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно и если американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять там на месте, готовыми к бою, то перед тем как принять решение ликвидировать их военными средствами, они должны будут призадуматься».

Обратимся к воспоминаниям другого очевидца событий, уже упоминаемого ранее А. Алексеева. В мае 1960 года, когда были установлены дипломатические отношения между Москвой и Гаваной, он, до этого корреспондент ТАСС, назначается советником нашего посольства. В мае 1962 года Алексеев неожиданно был вызван в Москву и назначен послом в республике Куба. Более часа он беседовал с Хрущевым в его кремлевском кабинете. Алексеев вспоминает:

«Н. С. Хрущев с большой симпатией говорил о лидерах кубинской революции, уточнял известные ему факты и события. Чувствовалось, что он хорошо понимал положение в стране, о котором знал от многих людей, кому уже довелось побывать там… Мне было легко разговаривать с Никитой Сергеевичем на тему Кубы и ее революции: он понимал меня с полуслова. В конце беседы Хрущев пожелал мне успехов в работе и сказал, что Советское правительство сделает все возможное, чтобы помочь революционному народу отстоять свои завоевания от происков американского империализма. Однако он ни словом не обмолвился и даже не намекнул, что у него уже есть намерение, в случае согласия Гаваны, разместить на Кубе наши ракеты».

Спустя четыре дня Алексеев вновь приглашается в Кремль, где в присутствии Козлова, Микояна, Малиновского, Громыко и Бирюзова Хрущев спрашивает у него: как прореагирует Фидель Кастро на предложение установить на Кубе наши ракеты?

Объясняя свое предложение, Хрущев говорил, что в отместку за Плайя-Хирон американцы предпримут вторжение на Кубу уже собственными вооруженными силами. Мы должны найти эффективное средство устрашения, которое удержало бы американцев от этого рискованного шага. К тому же американцы уже окружили Советский Союз своими военными базами и ракетами. Поэтому мы должны заплатить им их же монетой, пусть на себе почувствуют, каково живется под прицелом ядерного оружия.

Да, Хрущев все больше попадал под власть «ястребов» из среды военных и партийного истеблишмента. В июле 1962 года с подачи Минобороны, КГБ и соответствующих отделов ЦК было объявлено об отмене решения сократить вооруженные силы на один миллион двести тысяч человек. Военный бюджет увеличили на треть.

В июле 1962 года в Москву прибыла кубинская военная делегация во главе с братом Фиделя, министром вооруженных сил Раулем Кастро. 27 августа было подписано советско-кубинское соглашение о поставках оружия на Кубу. С августа до середины октября на Кубу прибыло до ста советских судов с оружием. Операция, получившая кодовое наименование «Анадырь», осуществлялась в строжайшей секретности. Как установила американская разведка, из СССР на Кубу было доставлено 42 ракетных установки среднего радиуса действия, 42 бомбардировщика-истребителя ИЛ-28, 144 зенитных установки САМ типа «земля — воздух» и другое вооружение, а также 22 тысячи советских военнослужащих.

15 октября 1962 года американский самолет-разведчик У-2 сфотографировал размещенные на Кубе советские ракеты с атомными боеголовками «земля — земля».

Это было наступательнее оружие, поставки которого на Кубу советская сторона категорически всегда отрицала, в частности, еще 12 сентября в «сообщении ТАСС» говорилось: «Правительство Советского Союза уполномочило ТАСС заявить… что Советскому Союзу не требуется перемещать в какую-то другую страну, например, на Кубу, имеющиеся у него средства для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства являются настолько мощными по своей взрывной силе, и Советский Союз располагает настолько мощными ракетоносителями этих ядерных зарядов, что нет нужды искать место для их размещения… где-то за пределами Советского Союза».

Обнаружение на Кубе наступательного ядерного оружия вызвало шок в американской администрации. Между тем в печати США стали появляться сообщения о советском ядерном

проникновении на Кубу, создающем реальную угрозу для Америки. Конгрессмены обратились к администрации с запросами. Члены созданного в связи с кризисом «Исполнительного Комитета Национального совета безопасности» уже не сомневались в серьезной опасности, угрожающей стране, но расходились во мнениях о характере, о масштабах ответного шага. Президент, его брат Р. Кеннеди, их ближайшее окружение выступили за морскую блокаду Кубы. Военные требовали немедленной вооруженной атаки. Между тем Москва продолжала утверждать, что наступательных ракет на Кубе нет. 18 октября министр иностранных дел А. Громыко по поручению Хрущева вновь заверил президента США, что на Кубе имеется только оборонительное оружие.

Хрущев в мемуарах говорит:

«Мы не успели доставить оборудование полностью, но мы уже установили достаточно ракет, чтобы уничтожить Нью-Йорк, Чикаго и другие огромные индустриальные города, не говоря уж о такой маленькой деревне, как Вашингтон. Я не думаю, что американцы когда-нибудь сталкивались со столь реальной угрозой уничтожения, как в этот момент». Он утверждает, что Москва стремилась лишь изменить баланс сил в мире, поставив США перед непосредственной угрозой стать объектом ядерного нападения. Но авантюризм этого плана и ложь, раздающаяся из Москвы, конечно же, не делали чести советскому руководству. Впрочем, в руках у Хрущева на этот счет были весомые аргументы.

«Американцы предупредили нас в неофициальном порядке через каналы, которые у нас тогда имелись с президентом Кеннеди и его доверенными лицами, — вспоминал он, — что они знают, что мы устанавливаем на Кубе ракеты. Естественно, мы все отрицали. Могут сказать, что это — вероломство. К сожалению, данная форма дипломатии сохраняется, и мы ничего нового тут не выдумали, а только воспользовались теми же средствами, которыми пользуется противник в отношении нас. Они же нас не предупреждали, что ставят свои ракеты в Турции, что поставили ракеты в Италии и в других странах-членах НАТО. Они отрицали, что ведут против нас разведывательную работу и посылают свои самолеты на нашу территорию».

22 октября президент Кеннеди выступил по телевидению и радио. Слова его повергли Америку в шок:

«…В течение прошлой недели бесспорные доказательства установили тот факт, что в настоящее время на этом плененном острове подготавливается целый ряд стартовых площадок для наступательного ракетного оружия».

Накануне выступления Кеннеди госсекретарь Дин Раск вызвал советского посла Анатолия Добрынина и без каких-либо объяснений вручил ему текст заявления президента. Кеннеди объявил, что США устанавливают вооруженную блокаду Кубы поскольку она превратилась в «важную стратегическую базу» Советского Союза и представляет угрозу миру и безопасности для всех стран Америки. Во Флориду были переброшены значительные военно-воздушные и военно-морские силы США. В Карибском море начал крейсировать авианосец «Индепенденс», имевший на борту около сотни истребителей.

23 октября Москва выступила с резким заявлением, в котором установление морской блокады Кубы и досмотр судов рассматривались как «беспрецедентные и агрессивные действия», способные привести к развязыванию мировой ядерной войны. Вместе с тем наше руководство по-прежнему утверждало, что никакого наступательного оружия на Кубе нет. В тот же день советские газеты сообщали, что министр обороны маршал Малиновский доложил правительству об уже осуществленных мероприятиях по повышению боевой готовности Советской Армии.

Находившийся в то время в США Г. Большаков вспоминает, что в американской прессе начали появляться данные о радиусе действия установленных на Кубе ракет, перечислялись города, которые могли быть разрушены их ударом. В стране росла паника. Люди скупали пакеты с питанием «для бомбоубежищ», сухари, шоколад, консервы.

26 октября президент США распорядился разработать срочные меры в целях утверждения «гражданского правления» на Кубе после оккупации ее американскими войсками. Все было готово к началу военных действий, ждали лишь приказа Д. Кеннеди.

Вечером 26 октября президент США получил послание от Хрущева, где говорилось, что Советский Союз уберет ракеты, если США дадут гарантии не нападать на Кубу. Однако утром 27 октября советской зенитной ракетой над Кубой был сбит американский самолет У-2. Его пилот Р. Андерсон погиб. Обстановка накалилась до крайности. Пентагон все сильнее давил на Кеннеди. Тогда же Хрущев получает весьма эмоциональное послание от Ф. Кастро.

«Дорогой товарищ Хрущев!

Анализируя создавшуюся обстановку и имеющуюся в нашем распоряжении информацию, считаю, что почти неминуема агрессия в ближайшие 24–72 часа.

Возможны 2 варианта этой агрессии:

1. Наиболее вероятным является атака с воздуха по определенным объектам, имея целью только их разрушение.

2. Менее вероятным, хотя и возможным, является прямое вторжение в страну…

Если произойдет агрессия по второму варианту и империалисты нападут на Кубу с целью ее оккупации, то опасность, таящаяся в такой агрессивной политике, будет настолько велика для всего человечества, что Советский Союз после этого ни при каких обстоятельствах не должен будет допустить создания таких условий, чтобы империалисты первыми нанесли СССР атомный удар.

Если они осуществят нападение на Кубу — этот варварский незаконный и аморальный акт, то в этих условиях момент был бы подходящим, чтобы, используя законное право на самооборону, подумать о ликвидации навсегда подобной опасности…»

Максималист Ф. Кастро, одержимый «революционным нетерпением» и ненавистью к «американскому империализму», по сути дела, потребовал нанесения по США упреждающего ядерного удара. Хрущев так описывает в мемуарах этот эпизод:

«Фидель сообщал, что по достоверным сведениям, полученным им, США вторгнутся на Кубу через несколько часов… и предлагал, чтобы не дать вывести из строя нашу ракетную технику, немедленно нанести первыми ракетно-ядерный удар по США». Позднее Хрущев верно оценит этот порыв Ф. Кастро: «Фидель в то время был очень горяч… он даже не продумал очевидных последствий своего предложения, ставившего мир на грань гибели».

В ночь на 28 октября без всяких консультаций с Кастро Москва решает принять условия с Кеннеди, переданные через посла Добрынина: в обмен на вывод советских наступательных ракет США принимали на себя обязательства не нападать на Кубу. Вскоре московское радио открытым текстом передало послание Хрущева президенту Д. Кеннеди. А. Алексеев свидетельствует, что позднее, во время визита Ф. Кастро в Советский Союз в мае 1963 года, Хрущев рассказывал, что такая поспешность была вызвана полученными из США данными о принятом американским военным командованием решении начать 29 или 30 октября бомбежку военных объектов на Кубе, а затем и вторжении на остров. Именно тогда, говорил Хрущев, мир висел на волоске.

Утром того же дня Хрущев направил Кастро послание:

«Дорогой товарищ Фидель Кастро, наше послание президенту.

Кеннеди от 28 октября дает возможность урегулировать вопрос в вашу пользу, оградить Кубу от вторжения, от развязывания войны. Ответ Кеннеди, который Вы, видимо, тоже знаете, дает заверение в том, что США не будут вторгаться на Кубу не только своими силами, но будут удерживать своих союзников от вторжения…

В связи с этим мы хотели Вам порекомендовать сейчас, в такой кризисный переломный момент, не поддаваться чувству, проявлять выдержку… не надо давать себя спровоцировать…»

Ф. Кастро отвечал Хрущеву так:

«…Мы согласны избегать инцидентов, именно сейчас, поскольку они могут нанести большой ущерб переговорам. В связи с этим мы дадим кубинским батареям инструкцию не открывать огня, но только на то время, пока ведутся переговоры и без изменения нашего решения, опубликованного вчера в прессе, защищать наше воздушное пространство.

В то же время следует учитывать опасность того, что в существующей напряженной обстановке инциденты могут возникнуть случайно».

Фидель Кастро был страшно разгневан сообщением о том, что Советское наступательное оружие будет вывезено с Кубы, и Хрущеву пришлось приложить немало усилий, чтобы его успокоить. 30 октября Хрущев писал Кастро:

«Дорогой товарищ Фидель Кастро, мы понимаем, что для вас созданы определенные трудности тем, что мы дали согласие правительству США на снятие с ракетной базы Кубы наступательного оружия в обмен на обязательства США отказаться от вторжения на Кубу войск самих США и их союзников в Западном полушарии… Это привело к ликвидации конфликта в зоне Карибского моря, который был чреват, как Вы хорошо понимаете, столкновением двух могущественных держав и перерастанием в мировую ракетно-ядерную войну.

Как мы поняли, среди кубинских товарищей существует мнение, что кубинский народ хотел бы другого заявления, во всяком случае, не заявления об отзыве ракет. Возможно, такие настроения в народе имеются. Но мы, политические и государственные деятели, являемся руководителями народа, который не все знает и не может сразу охватить все то, что должны охватывать руководители. Поэтому мы должны вести за собой народ, тогда народ будет идти за нами и уважать нас…

В телеграмме от 27 октября Вы предложили нам первыми нанести удар ядерным оружием по территории противника. Вы, разумеется, понимаете, к чему это привело бы. Ведь это был бы не

просто налет, а начало мировой термоядерной войны.

Дорогой товарищ Кастро, я считаю это ваше предложение неправильным, хотя и понимаю, чем оно было вызвано.

Мы пережили самый ответственный момент, когда могла начаться мировая термоядерная война. Конечно, в таком случае США понесли бы огромные потери, но и Советский Союз, весь социалистический лагерь также тяжело пострадал бы. Что касается Кубы, кубинского народа, то вообще трудно даже сказать, чем для него это могло бы закончиться. В первую очередь в огне войны сгорела бы Куба».

И далее следует весьма любопытный пассаж:

«Сейчас в результате проведенных мер мы достигли той цели, которая ставилась нами, когда мы с вами договорились поставить ракетные средства на Кубу. Мы вырвали обязательства у США не вторгаться на Кубу самим и удерживать от этого их союзников… Все это мы вырвали без ядерного удара».

Ответом было пространное и довольно резкое послание с Кубы.

Ф. Кастро — Н. Хрущеву (31 октября):

«*… Не считаете ли Вы, товарищ Хрущев, что мы эгоистично думали о себе, о нашем великодушном народе, готовом жертвовать собой, и не бессознательным образом, а с полным сознанием опасности, которой он подвергался?*

…Не отдельные, как Вас информировали, а многие кубинцы переживают в этот момент мгновения непередаваемой горечи и печали».

И вот последнее из этой серии посланий.

Н. Хрущев — Ф. Кастро (31 октября):

«Дорогой товарищ Фидель Кастро, разрешите поздравить Вас с большой победой, — повторяем, именно с большой победой.

Мы с Вами только что пережили острейшую схватку с американскими империалистами, шесть дней, о которых действительно можно сказать, что они потрясли мир…

Идея защиты Кубы с размещением ракет на кубинской территории сыграла свою роль. Грозное ракетное оружие помогло, оно перепугало американский империализм, заставило его отказаться от прямого вторжения…

Нам война не нужна. Она нужна агрессивным силам, тем сумасшедшим, которые потеряли перспективу на выигрыш в мирном соревновании с социализмом. Поэтому они и думают, если уж им все равно умирать, так умирать, как говорится, с музыкой,

хотя бы этой музыкой были разрывы атомных бомб.

Нам же, людям, строящим светлое будущее для человечества — коммунизм, нет никакого расчета умирать ни с музыкой, ни без музыки. Мы должны жить, чтобы довести до окончательной победы дело коммунизма».

По результатам длительных переговоров в Гаване и Нью-Йорке 20 ноября 1962 года Д. Кеннеди объявил о снятии блокады. К тому времени советское наступательное оружие было вывезено с Кубы. В Советских Вооруженных Силах отменили повышенную боевую готовность. Кубинский кризис был преодолен.

«Хрущев, сокрушив культ личности, но не сталинизм, — пишет Д. Волкогонов, — мыслил почти так же, как и его большевистские предшественники-гиганты. Он был более мелок в историческом масштабе, но унаследовал от них главное: фанатичную веру в конечное торжество коммунизма. Эта вера подталкивала его не раз на авантюры разных масштабов. Операция «Анадырь» была во внешнем политическом плане самой крупной за годы его «правления». Однако в итоге все же восторжествовал разум и здравый смысл, а американское вторжение на Кубу было предотвращено». Видимо, именно поэтому в своих мемуарах Хрущев высоко оценил тогдашние шаги советского руководства:

«Карибский кризис является украшением нашей внешней политики, в том числе моей как члена того коллектива, который проводил эту политику и добился блестящего успеха для Кубы, не сделав ни одного выстрела».

Однако Хрущев ничего не говорит об отрицательных последствиях кубинского кризиса, который ускорил разрыв между Советским Союзом и Китаем, вновь доказав, что советские «вожди» по-прежнему не брезгуют ложью даже на самом высоком уровне, наконец, он заметно понизил престиж советского лидера как внутри страны, так и за рубежом.

Глава 17
В борьбе за социалистический реализм

Человек с человеком испокон веку
ведут монолог.

Станислав Ежи Лец

Хрущев говорит в мемуарах:

«В своей жизни встречая на своем пути много людей, разных по званию и характеру, я, к сожалению, часто сталкивался с фактами, когда за отсутствием разумной ориентации люди опирались на старшинство, звания и подавляли нижестоящих».

К себе эти слова он, похоже, не относил. А между тем, именно с Хрущевым был связан мощный идеологический прессинг в сфере культуры. Его грубые указания художникам, писателям, композиторам, примитивные оценки, резкие нападки, брань — все это формировало общий фон тогдашней культурной жизни. Хрущев и здесь бросался из одной крайности в другую. Он разрешил публикацию повести Александра Солженицына у Твардовского в либеральном журнале «Новый мир», поощрял терпимость и многообразие мнений. Но он же кричал и топал ногами на тех, кто ему не нравился из представителей творческой интеллигенции. Он искренне стремился наладить диалог с людьми творческого труда, но постоянно срывался на монолог и окрик. Видимо, подсознательно Хрущев понимал, что либеральная интеллигенция — его самый верный союзник на пути углубления десталинизации, борьбы с консервативными ортодоксами. Однако принять ее идеалы и ценности он был не способен.

Бесконтрольная, самодержавная власть, которой обладал Хрущев, его малообразованность и низкая интеллектуальная культура — все это предопределяло поведение Первого. «Нельзя направлять развитие литературы, искусства и культуры с помощью палки и окрика, — говорит Хрущев в своих мемуарах. — Нельзя проводить борозду, а затем заставлять всех деятелей искусства следовать по ней без каких-либо отклонений. Если слишком жестко контролировать деятелей искусства, то не будет борьбы мнений, а без борьбы не будет критики — правдивости». Увы, осознание этих истин пришло к Хрущеву только на пенсии.

Посетивший в 1957 году Советский Союз писатель Габриэль Гарсия Маркес свидетельствовал:

«Их радио имеет только одну программу, а газеты — все они принадлежат государству — настроены лишь на волну «Правды». Однажды я увидел киоск, заваленный кипами «Правды», на первой странице выделялась статья на восемь колонок с заголовком крупными буквами. Я подумал, что началась война. Заголовок гласил: «Полный текст доклада о сельском хозяйстве».

Однако ростки нового постоянно пробивали себе дорогу. Как вспоминает кинорежиссер Михаил Ромм, даже у Хрущева попадались какие-то такие необыкновенности, которые заставляли оторопеть. Во время Одного из выступлений он говорил: «Идеи Маркса, это, конечно, хорошо, но ежели их смазать свиным салом, то будет еще лучше». «Мне и в голову бы никогда не пришло, — замечает Ромм, — что идеи Маркса можно смазать свиным салом».

Конечно, советское общество по-прежнему оставалось царством идеологии. Были идеологизированы все сферы человеческой деятельности. Проводником идеологии выступала партия — государство со всей мощью своего аппарата принуждения. На протяжении нескольких десятилетий власти обманывали людей, обещая то «социализм в отдельно взятой стране», то «коммунизм для нынешнего поколения». Драма Хрущева заключается в том, что, положив начало оттепели, которая привела к размыванию «идеологического монолита», он вместе с тем постоянно ратовал за идеологическое единство. Алексей Аджубей свидетельствует: «Хрущев до конца дней полагал, что его требования были вполне оправданны — нельзя даже в мелочах поступаться идейными убеждениями».

Отличительной чертой тогдашней власти оставался бред величия. Уже вожди 1917 года считали себя пророками, явившимися освободить угнетенный трудовой народ. Напыщенные речи, громогласные заявления, пустые обещания стали проявлениями этого бреда величия. Хрущевская эпоха не стала, увы, исключением.

Однако начавшаяся в пятидесятые годы оттепель разрушала миф о духовной монолитности и идеологической однородности общества. Пробуждались умы, появились ирония и самоирония. Прорастал культ знания. Это была вторая волна надежды и веры. Неизбежно ослабевали и «идеологические вожжи». Когда в октябре 1964 года смещали Хрущева, главный идеолог-цензор партии Михаил Суслов говорил: «Представьте себе, я открываю утром газету «Известия» и не знаю, что в ней будет напечатано».

В обществе постепенно нарастало ощущение раскованности,

свободы, духа вольномыслия, столкновения мнений. «Возможно ли появление различных мнений в отдельные периоды, особенно на переломных этапах?» — задавал Хрущев вопрос на XXII съезде партии. И сам же отвечал: «Возможно». Спор, полемика, диспут становились приметой дня, образом жизни.

Взращенные на идеях XX съезда молодые поэты, писатели, режиссеры, художники старались отразить в своих произведениях дух времени. На их фоне тускнели другие знаменитости, прославившиеся еще при Сталине. Особенно широкую известность обрели молодые писатели — Анатолий Гладилин, Василий Аксенов, Владимир Войнович, Анатолий Кузнецов, Георгий Владимов, поэты — Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина. Обострялась борьба творческих поколений, росло противостояние «лакировщиков» и «очернителей», «реалистов» и «формалистов», «грешников» и «праведников».

22 мая 1959 года Хрущев, выступая с большой речью на III съезде советских писателей, говорил:

«Я совсем не хочу брать под защиту людей, которые в своих произведениях так изображают явления, что отрываются от живой жизни. Возьмите, например, некоторые книги, в которых жизнь изображалась так приукрашено, что не соответствовала действительности. Подобные произведения вряд ли могут принести пользу. Но я хочу встать на сторону таких писателей, которых почему-то называют «лакировщиками» за то, что они берут в основу своих произведений показ положительных героев. Разве не является хорошим и нужным такое произведение, в котором автор правдиво показывает положительных героев? Такие авторы не все одобряют в своих положительных героях, они видят людей такими, какими они бывают в жизни — в борьбе и труде за утверждение нового. И это является закономерным и правильным. Надо воспитывать людей на хороших примерах, показом положительного в жизни прокладывать пути в будущее».

Хрущев постоянно говорил, что нельзя допускать «идеологической разболтанности», поскольку это может привести к неуправляемым процессам в обществе. Как удачно подметил культуролог Александр Генис, «советской метафизике» приходилось все энергичнее замазывать пропасть между теорией и практикой, поскольку процесс коммунистического строительства давал прямо противоположные результаты. Чем меньше порядка в жизни, тем больше его должно быть в искусстве. Этим и объясняется нарастающая нетерпимость коммунизма к «неорганизованному» искусству. Отсюда — хрущевские гонения на абстракционистов и формалистов,

молодых поэтов и писателей. Власть сама делала все, чтобы превратить их в диссидентов. Правда, далеко не все из творческой интеллигенции возлагали вину за это на Хрущева, вспоминая известные слова: «Короля играет свита!»

Критик Игорь Дедков свидетельствует:

«Когда Хрущев стал участвовать в проработке деятелей искусства и литературы и позволил себе кричать и угрожать и началась борьба с абстракционизмом, это было несчастье. Но вот парадокс: Хрущев оставался для нас, молодых журналистов, художников, литераторов, вузовских преподавателей, фигурой предпочтительной. Он явно ошибался, но ему прощали».

К этому времени немало уже было сделано, уже взошли ростки свободомыслия. Напечатали Солженицына и «Теркина на том свете» Твардовского. Да, скептицизм и неверие тоже нарастали, в обещания «близкого коммунизма» мало кто верил, но в людях жило ощущение больших возможностей страны. Это был великий свет надежды. При Хрущеве пробудилась культура: литература, кино, театр стали человечнее, приближались к реалиям жизни.

24 декабря 1962 года на заседании идеологической комиссии ЦК КПСС Л. Ильичев говорил:

— Речь не о том, чтобы сечь, шельмовать, высмеивать — помочь петь во весь свой могучий голос, петь во имя победы коммунизма.

А спустя несколько месяцев, 8 марта 1963 года, на встрече в Доме приемов на Ленинских горах Хрущев орал, багровея, на молодого поэта Андрея Вознесенского:

— Предатель! Посредник наших врагов! Ты не член моей партии, господин Вознесенский! Ты не на партийной позиции. Для таких — самый жестокий мороз… Обожди еще, мы тебя научим. Ишь ты какой Пастернак!.. Получайте паспорт и уезжайте к чертовой бабушке. К чертовой бабушке!

Позднее, уже находясь на пенсии, Хрущев с сожалением говорил художнику Борису Жутовскому: «Мне не надо было лезть в это дело. Я ведь глава государства был. Это не мое дело было. Но вот азарт…»

А до А. Вознесенского и прочих «формалистов-абстракционистов» был Манеж. Между выходом новомирской книжки в ноябре 1962 года с повестью Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и посещением Хрущевым выставки в Манеже 1 декабря прошло всего две недели. На основании выделения этих двух «знаковых вех некоторые даже считают, что время хрущевского либерализма уложилось именно в эти две недели. Это, естественно, натяжка, но во всех тех

событиях вновь проявилась противоречивая и импульсивная фигура Хрущева.

Рукопись своей повести «Щ-854» («Один день Ивана Денисовича») Александр Солженицын передал в редакцию «Нового мира» в ноябре 1961 года. Когда ее прочитал главный редактор А. Твардовский, он был потрясен и загорелся идеей опубликовать повесть в журнале. В июне 1962 года на заседании редколлегии «Нового мира» было принято решение о публикации повести Солженицына. Вскоре по просьбе Твардовского помощник Хрущева Лебедев познакомил своего шефа с повестью. Солженицын вспоминает:

«На даче в Пицунде Лебедев стал читать Хрущеву вслух (сам Никита читать не любил, образование старался черпать из фильмов). Никита хорошо слушал эту забавную повесть, где нужно — смеялся, где нужно — охал и крякал, а в середине потребовал Микояна, чтобы слушать вместе. Все было одобрено до конца, и особенно понравилась, конечно, сцена труда, «как Иван Денисович раствор бережет» (это Хрущев потом и на кремлевской встрече говорил). Микоян Хрущеву не возразил, судьба повести в этом домашнем чтении и была решена».

В середине октября вопрос о публикации повести «Один день Ивана Денисовича» обсуждался на заседании Президиума ЦК партии, где Хрущев настоял на положительном решении. 20 октября Твардовский был на приеме у Хрущева, и тот ему сообщил о решении Президиума. Знаменательно, что 21 октября в газете «Правда» появилось и знаменитое стихотворение Е. Евтушенко «Наследники Сталина». По некоторым свидетельствам, тоже с подачи Хрущева.

В середине ноября 1962 года появился одиннадцатый номер «Нового мира» с повестью А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Сотрудник журнала В. Лакшин потом вспоминал, что «через два-три дня о повести неизвестного автора говорил весь город, через неделю — страна, через две недели — весь мир. Повесть заслонила собой многие политические и житейские новости: о ней толковали дома, в метро и на улицах. В библиотеках 11-й номер «Нового мира» рвали из рук. В читальных залах нашлись энтузиасты, сидевшие до закрытия и переписывавшие повесть от руки». А когда вскоре состоялся пленум ЦК, то Хрущев заявил на нем, что это важная и нужная книга.

Другое знаковое событие этих лет — посещение Хрущевым 1 декабря 1962 года художественной выставки в Манеже.

XXII съезд вызвал новый всплеск критики. Сталина. Заметно активизировалась общественная мысль; и идеологическая жизнь.

Консервативные силы в партийно-государственной и культурной номенклатуре забеспокоились. Как свидетельствует Г. Арбатов, Р. Медведев и другие авторы, тогда и была задумана провокация, призванная столкнуть лбами Хрущева и творческую интеллигенцию. Для этого использовали выставку в Манеже. Авторы провокации были тогдашние руководители Союза художников, направляемые секретарем ЦК по идеологии Л. Ильичевым и Д. Поликарповым, который курировал культуру в идеологическом отделе ЦК партии.

Замысел увенчался полным успехом. Начался заметный поворот вправо. Впрочем, вполне можно допустить, что и сам Хрущев был к тому времени обеспокоен, не слишком ли он «ушел влево», и ему нужен был повод для того, чтобы внести коррективы в общий политический курс.

Публицист Федор Бурлацкий полагает, что большую роль в ухудшении отношений Хрущева с творческой интеллигенцией сыграл М. Суслов, на которого тот всегда полагался как, на самый крупный авторитет в области идеологии. Суслов же опирался на команду молодых руководителей, выходцев из комсомольских вожаков — А. Шелепина, В. Семичастного, к которым примыкали В. Лебедев и А. Аджубей. Последнего группа молодых «вождей» во главе с Шелепиным сумела втянуть в свою борьбу против либеральной интеллигенции, в том числе внутри партии.

А Игорь Черноуцан, бывший тогда ответственным работником ЦК партии, вспоминает: «Человек сильного, но необузданного темперамента, не подчиненного интеллекту, Хрущев легко поддавался наветам и наговорам и тут уж ни в чем нельзя было его переубедить. Роковую роль в этой ситуации играло его ближайшее окружение — талантливый, но циничный Аджубей, приспособленец Грибачев, тупой и невежественный Сатюков, не злой, но слабовольный и малообразованный В. Лебедев».

«Ну, где у вас тут праведники, где грешники — показывайте!» этими словами начал Хрущев осмотр экспозиции в Манеже. Его сопровождали Ильичев, Суслов, Полянский, Косыгин, Шелепин, Кириленко, а также «главные художники» — Сергей Герасимов, Борис Иогансон и Владимир Серов. На первом этаже были размещены работы официально признанных художников и скульпторов. Хрущев спокойно рассматривал экспозицию, никаких оценок не давал. Затем его, уже уставшего, повели на второй этаж, где накануне были размещены произведения «абстрактного» искусства. Здесь Хрущев дал простор своим эмоциям: «Мазня!», «Осел мажет хвостом лучше!» Ему совершенно не понравились работы Р. Фалька, Э. Белютина, Э. Неизвестного.

Б. Жутовский вспоминал.

«Как только Хрущев увидел работы Эрнста, он опять сорвался и начал свою идею о том, что ему бронзы на ракеты не хватает. И тогда на Эрнста с криком выскочил Шелепин: «Ты где бронзу взял? Ты у меня отсюда не уедешь!» На что Эрнст, человек неуправляемый, вытаращил черные глаза и, в упор глядя на Шелепина, сказал ему: «А ты на меня не ори! Это дело моей жизни. Давай пистолет, я сейчас здесь, на твоих глазах, застрелюсь».

В отчете о посещении Первым секретарем Манежа «Литературная газета» потом напишет:

«Во время осмотра выставки Никита Сергеевич Хрущев, руководители партии и правительства высказали ряд принципиальных положений о высоком призвании советского изобразительного искусства, которое многообразными средствами должно правдиво отображать жизнь народа, вдохновлять людей на строительство коммунизма».

17 декабря Хрущев вновь собрал деятелей культуры, на этот раз в Доме приемов на Ленинских горах. С большим докладом выступил Ильичев, который заявил:

— Мы должны внести полную ясность: мирного сосуществования социалистической идеологии и идеологии буржуазной не было и быть не может. Партия выступала и будет выступать против буржуазной идеологии, против любых ее проявлений… В идеологии идет и ни на минуту не прекращается схватка с буржуазным миром, идет борьба за души и сердца людей, особенно молодежи, борьба за то, какими будут они, молодые люди, что возьмут с собой из прошлого, что принесут в будущее. Мы не имеем права недооценивать опасность диверсий буржуазной идеологии в сфере литературы и искусства.

Потом выступали И. Эренбург, С. Щипачев, Н. Грибачев, Г. Серебрякова. Во время выступления Е. Евтушенко Хрущев снова «завелся», стал нападать на абстракционистов, а молодой поэт мужественно их защищал, сославшись на то, что на Кубе абстракционизмом увлекается даже Фидель Кастро.

Почему-то именно об этой встрече вспомнил Хрущев, диктуя свои мемуары незадолго до смерти:

«Я теперь сожалею о многом, что было сказано мной на том совещании. Критикуя Неизвестного, я даже допустил грубость, сказав, что он взял себе такую фамилию неспроста. Его фамилия вызывала у меня какое-то раздражение. Во всяком случае, с моей стороны проявилась грубость, и если бы я встретил его сейчас, то попросил бы прощения. Тем более, что я занимал тогда высокий государственный пост и обязан был сдерживаться, ведь подобная

форма ведения разговора — это не беседа, а разнос… Нельзя же административно-полицейскими мерами бороться против того, что возникает в среде творческой интеллигенции».

Тогда же, на Олимпе власти, ведя свою разрушительную борьбу за «социалистический реализм», Хрущев говорил:

«Ну вот, мы вас тут, конечно, послушали, поговорили, но решать-то будет кто? Решать в нашей стране должен народ. А народ — это кто? Это партия. А партия кто? Это мы. Мы — партия. Значит, мы и будем решать, я вот буду решать. Понятно?»

После инцидента в Манеже идеологическая обстановка в стране начинает заметно меняться. Шло активное «закручивание гаек» в идеологии и культуре. На лето 1963 года назначили пленум ЦК партии по вопросам идеологии. Как вспоминает Г. Арбатов, в этот период бешеную активность развел Ильичев, который рассчитывал на этом пленуме стать, как минимум, кандидатом в члены Президиума ЦК, обойдя своих соперников, прежде всего Ю. Андропова и Б. Пономарева. Задача пленума, уже на подходе к которому были оттеснены на периферию общественного внимания многие проблемы, поднятые XX и XXII съездами, могла быть только одна — серьезный идеологический зажим.

«К 1963 году, когда идеологическая ситуация особенно обострилась, Хрущев был «заведен» до предела, — вспоминал Аджубей. — Ему всюду мерещились происки абстракционистов, обывательщина, мелкотравчатость. На его мироощущение явно давил внутренний цензор, заставлявший проверять себя: не слишком ли отпущены вожжи, не наступил ли тот самый грозный паводок? В нем жили два человека. Один осознавал, что необходимы здравая терпимость, понимание позиций художника, предоставление ему возможности отражать реальную жизнь со всеми ее действительными противоречиями. Другой считал, что имеет право на окрик, не желал ничего выслушивать, не принимал никаких возражений».

7-8 марта в Кремле опять состоялась встреча Хрущева с деятелями литературы и искусства. С большим докладом выступил секретарь ЦК Л. Ильичев, заявивший, что «у нас навечно утвержден ленинский курс в жизни, и порукой тому Центральный Комитет партии во главе с Н. С. Хрущевым». Ильичев обрушился на тех, кто «сеет недоверие в умах молодежи к совершенно ясным и четким выступлениям партии против тенденций, чуждых советскому искусству, хочет выдать себя за духовных «наставников», духовных «вождей» нашей молодежи. «Но у нас был, есть и будет только один духовный вождь народа, советской молодежи — наша великая Коммунистическая партия!»

Объектом грубой критики в большом и путаном выступлении Хрущева на этот раз стал кинофильм молодого режиссера Марлена Хуциева «Застава Ильича». Особое неудовольствие Первого секретаря вызвало то обстоятельство, что главные герои фильма; выглядят какими-то неприкаянными: «Они показаны так, что не знают, как им жить и к чему стремиться. И это в наше время развернутого строительства коммунизма, освещенное идеями Программы Коммунистической партии!»

На какие положительные образцы следует равняться кинематографистам? Для Хрущева ответ был очевиден: «Постановщики картины ориентируют зрителя не на те слои молодежи. Наша советская молодежь в своей жизни, в труде и борьбе продолжает и умножает героические традиции предшествующих поколений, доказавших свою великую преданность идеям марксизма-ленинизма и в годы мирного строительства, и на фронтах Отечественной войны. Хорошо показана наша молодежь в романе А. Фадеева «Молодая гвардия». И очень жаль, что С. Герасимов, ставивший фильм по этому роману, не посоветовал своему ученику М. Хуциеву показать в своей картине, как в нашей молодежи живут и развиваются замечательные традиции молодогвардейцев».

Неожиданно в своей речи Хрущев заговорил о заслугах Сталина, о его большом вкладе в дело социалистического строительства в СССР:

«Партия со всей непримиримостью осудила и осуждает допущенные Сталиным грубые нарушения ленинских норм партийной жизни, произвол и злоупотребление им властью, причинившие серьезный ущерб делу коммунизма. И при всем этом партия отдает должное заслугам Сталина перед партией и коммунистическим движением. Мы и сейчас считаем, что Сталин был предан коммунизму, он был марксистом, этого нельзя и не надо отрицать».

Любопытно, что в ответ на многочисленные выступления Хрущева по вопросам литературы и искусства в ЦК поступало много писем-откликов, зачастую с резкой критикой его взглядов. В этом — тоже важная примета времени. Вот, к примеру, письмо студентки МГУ Г. Щегольковой:

«Никита Сергеевич, я сажусь за письмо к Вам сразу же после прочтения Вашей речи от 8 марта. Я нахожусь сейчас в полной растерянности. Все, во что я верила, во имя чего жила, — рушится.

Системе культа не удалось остановить строительство социализма, хотя объективно все было направлено именно на это. Мы осудили культ личности, осудили вею эту систему. Мы

стараемся будить в каждом человеке творчество — думай, твори, и только тогда коммунизм будет построен.

Что же мы имеем теперь? Начался поход против творчества. Это пока поход против творчества в искусстве. А что будет затем? Этот поход вызовет обязательным следствием поход против творчества и в других областях. Почему? Потому что дается сила опять прежним силам, которые при Сталине занимались тем, чтобы убедить людей, что им не надо думать, а надо верить Сталину… К чему Вы призываете художников? Ищите новое, но только так, чтобы и всем нравилось, и не противоречило это новое старому, и не ломало это новое старого, и не было дерзким, смелым… Атмосфера, создающаяся сейчас, есть атмосфера администрирования, насилия, необоснованных обвинений, оплевывания, демагогии и декламации самых высоких слов, которые честный человек произносит только в самый трудный момент».

В июне 1963 года состоялся пленум ЦК партии, специально посвященный идеологической работе. К этому времени проработочная кампания несколько сбавила свои обороты. Видимо, Хрущев осознал, что зашел слишком далеко. Большая речь, с которой он выступил на пленуме, была выдержана в спокойных тонах.

В начале шестидесятых годов Хрущев активно ринулся в борьбу за «социалистический реализм», постоянно апеллируя к интересам «людей труда». Подвергая грубому разносу «абстракционистов» и «формалистов», о которых большинство людей и понятия не имели, поскольку они нигде не выставлялись, Хрущев прежде всего боролся за идеологическое единство общества. Он постоянно говорил о недопустимости мирного сосуществования в области идеологии. Будучи продуктом системы, он так и не сумел вырваться из ее объятий. Более того, начав оттепель, он в то же время, явно ее опасался. «Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, — признается Хрущев в своих мемуарах, — руководство СССР, в их числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться… Мы боялись лишиться прежних возможностей управления страной, сдерживая рост настроений, неугодных с точки зрения руководства. Не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути… Нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма». А устраивая многочисленные проработочные кампании, импульсивный и непоследовательный Хрущев все больше отвращал от себя интеллигенцию, так горячо

поддержавшую идеи XX и XXII съездов партии.

Глава 18
Апогей

Если система не может существовать без культа, она — порочна.

Из политологических изысканий

Феномен Хрущева как политического лидера великой державы был связан с переломным периодом в ее истории — отходом от политического тоталитаризма. Казалось, Хрущев искренне стремился порвать с прошлым как в обществе, так и в себе самом. Но он пытался реформировать систему, которая в принципе реформированию не подлежала. Сами реформы были непоследовательными и импульсивными, что во многом объяснялось самой личностью Хрущева.

Он относился к людям, сформировавшимся в условиях чрезвычайного положения и для чрезвычайных положений: мобилизовать массы, поднять энтузиазм. Он торопил людей, подталкивал, зажигал. «Все должно делаться быстро, по-солдатски, по-боевому. Среди его понятий не было понятия о постепенном накоплении количества и качества, средств, опыта, знаний, он не выносил никакой эволюции, признавал только революцию, только скачки и переломы, гнал и гнал «нынешнее поколение советских людей жить при коммунизме». Эта оценка публициста Анатолия Стреляного вполне точна и уместна.

В кубинском и берлинском кризисах, в напоре и непоследовательности реформаторства, в свержении Берии и ниспровержении Сталина, в духовном «оттаивании» и последующем закручивании «идеологических гаек» — на всем этом и многом другом неизбежно лежала печать личности Хрущева.

В то время в обществе только начали формироваться элементы новой политической культуры, отличной от политической культуры сталинского тоталитаризма. Подобно тому как этическая культура предписывает нормы и правила поведения в общественной жизни, политическая культура определяет нормы поведения в политической действительности. В обществе доминировала патриархальная политическая культура, а сам Хрущев был ярким ее воплощением. Слабо выраженные политические представления, ценности и установки

на уровне общества предопределяли свой набор символов, метафор и политической лексики вплоть до высших эшелонов власти.

Хрущев как политический лидер был прочно вписан в развертывающийся в пространстве и времени исторический процесс с напряженным противостоянием разных сил и начал, воплощающих старое и новое, зло и добро, стабильность и смуту. По замечанию Анатолия Стреляного, Хрущев всегда чувствовал себя хозяином большого, во всю шестую часть света, колхоза, или, скорее, директором необъятной единой фабрики, которому все обязаны отчитываться в работе. Символическая фигура Хрущева как лидера отражала сложившуюся политическую культуру общества и политический стиль номенклатуры. «Третий вождь» всегда исходил из представлений об абсолютном характере власти руководителя, являясь представителем авторитарной традиции.

К примеру, для Шепилова даже процесс принятия пищи Хрущевым стал своеобразным отличительным знаком при его характеристике. По свидетельству Шепилова, еда в жизни Хрущева занимала весьма важное место: «С водворением его у кормила власти появилась большая армия специальной челяди, которая удовлетворяла аппетиты Хрущева не только у него на городской квартире и на даче, но и в любом общественном месте, где он был в данный момент. Хрущев любил еду жирную, наваристую: борщ с мясом, сало, свинину в разных видах, блины со сметаной, вареники, галушки, опять-таки с салом и со сметаной, пельмени, различные острые и жирные закуски. Ел он все это помногу и так же щедро запивал водкой либо коньяком. Поэтому еда следовала за ним повсюду.

В 1954–1955 годах заботился о питании Хрущева министр госбезопасности И. Серов. Хрущев был привередлив в еде и нередко покрикивал: «Серов! Почему суп не горячий?.. Иван Александрович! Ты что, решил нас несолеными отбивными кормить?.. Серов! А вобла есть?» Серов, обычно сидевший с краю стола, каждый раз срывался с места и бежал на кухню поправлять дело».

Хрущев и сам по себе был символическим знаком эпохи постсталинизма. Он являл собой совершенно иной образ «вождя» — приземленного, открытого, добродушного, близкого к простонародью. Но многие образованные люди попросту не могли воспринимать его как политического лидера. Вот оценки историка и культуролога Леонида Баткина:

«Впервые у нас появилась возможность неспешно разглядеть вблизи лидера Страны Советов и оценить его человеческий и

умственный уровень. До этого кремлевских властителей судеб окутывала некая заоблачная тайна… Действительная кремлевская тайная для меня приоткрылась. Она состояла в органической однородности серого сталинского нового класса, в его убожестве снизу доверху. Это — власть троечников». Поэтому Баткин и говорит о знаковости «третьего вождя»:

«Хрущев — это исторически первый знак перемен без перемены и надежд, сбывающихся с опозданием на сорок лет».

Сложилась политическая лексика, оперирующая терминами официальной пропаганды и воздействующая в первую очередь на чувства и эмоции, а не на разум людей. В свою очередь, политическое сознание общества опиралось на поверхностные политические знания, стереотипные оценки и представления. В обществе, жестко скованном идеологией, слово и образ всегда выступали инструментами политического действия.

Шепилов в своих воспоминаниях свидетельствует: «Хрущев любил выступать. Он рвался к выступлениям. К концу его пребывания у власти страсть к выступлениям приобрела уже характер явно патологического недержания речи». Его речи, переполненные импровизацией, всегда, прежде чем попасть в печать, тщательно вычищались, редактировались, дополнялись цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Поэтому живая речь Хрущева в «готовом» виде становилась, как правило, хуже. Она теряла свой колорит, оказывалась причесанной под средневзвешенный канцелярский, газетный язык». Занималась этим целая команда помощники первого секретаря Г. Шуйский, В. Лебедев, А. Шевченко, а также идеологи Л. Ильичев и П. Сатюков.

Речевое поведение Хрущева резко отличалось от всего, к чему уже был приучен безропотный народ. Аудитория услышала дыхание живой речи, интонации, поиски нужного и не всегда находимого слова; она, эта речь, была наполнена повторами, оговорками, ошибками, эканьями, но это было слово живого человека, а не застывшего истукана. Хотя, конечно же, образованные слои общества не всегда воспринимали подобную «простонародную речь». Баткин вспоминает:

«Не помню точно когда (в 1957 году?) американские тележурналисты получили беспрецедентное разрешение записать на пленку интервью с Хрущевым. На советские киноэкраны вышел полнометражный документальный фильм, в котором высший руководитель коммунистической партии и государства, сменивший в этой роли Сталина… разговаривал. Хотя вопросы, разумеется, были переданы заранее, однако же, будучи абсолютно уверен в себе, идеологически горяч и агрессивно словоохотлив,

Никита Сергеевич не подглядывал ни в какие бумажки. Так сказать, импровизировал, то и дело отклоняясь в сторону. Боже мой, что он нес! Какую самодовольную и малограмотную галиматью!»

Но, с другой стороны, слова, тексты, заявления Хрущева нередко взрывали устоявшуюся атмосферу, были настолько новыми и неожиданными, что вызывали сначала шок, а затем — чувство искреннего восхищения. Так он покорял либерально настроенную интеллигенцию или западных политиков и дипломатов.

На рубеже пятидесятых-шестидесятых годов был как бы искусственно воскрешен дух революционного романтизма и революционного пафоса. В своих многочисленных выступлениях Хрущев и другие высокопоставленные функционеры и идеологи говорили о «революционных преобразованиях», но не о реформах. Само же понятие «реформист» отсутствовало в обойме санкционированных политико-идеологических стереотипов и имело скорее негативный характер.

В речах словоохотливого Хрущева («Мы — ораторы натренированные!») переплетались народное просторечие, разговорный язык и официозный жаргон. Даже в отредактированном тексте его выступления, опубликованном на страницах газет, это видно весьма отчетливо:

«Интересные соображения и ряд ценных предложений высказали многие товарищи, выступавшие на этом совещании. Все это убедительно говорит о том, что вопросы, которые мы с вами обсуждали, имеют принципиальное значение для развития социалистической культуры, советской литературы и искусства в том направлении, которое определено в Программе Коммунистической партии.

Прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного…

Жрет этакий шалопай хлеб насущный, да еще и глумится над теми, кто создает этот хлеб своим нелегким трудом».

Все это пассажи из одной только речи Хрущева 8 марта 1963 года на встрече с деятелями литературы и искусства.

Хрущев при всем своем самомнении являлся политическим лидером с заниженной самооценкой. Истоки этого феномена — в его карьере партийного функционера и в абсолютной зависимости от Сталина. Тогдашние его ощущения — опасения за собственную жизнь, чувство унижения («Никита, пляши гопак») — буквально рассыпаны по страницам мемуаров Хрущева. Даже будучи первым лицом в советском государстве, он, несомненно, чувствовал свою культурную отсталость, интеллектуальную и

эстетическую неразвитость, убожество литературного языка. Поэтому и окружал себя подобными же серыми личностями — Брежневым, Подгорным, Сатюковым, Сусловым, Козловым.

Заниженная самооценка во многом и толкала Хрущева на все его глобальные мероприятия — подъем целины, освоение космоса, низвержение Сталина, смещение «антипартийной группы», «поход в коммунизм». Стремление самоутвердиться, компенсировать заниженную самооценку особенно проявлялось в международной деятельности Хрущева, когда он выступал как лидер сверхдержавы.

Хрущев был прежде всего политическим люмпеном, а потом уже — политическим лидером, причем советского типа, сформировавшимся на основе патриархальной политической культуры. Отсюда его некомпетентность, «любительство», неумение и нежелание вникать в глубинную суть проблемы. А. Стреляный пишет по этому поводу:

«Специалист, от любителя отличается тем, что знает историю вопроса, держит в поле зрения все стороны предмета и понимает, как они между собою связаны. Хрущев был любитель до мозга костей. Истории вопроса для него обычно не существовало, видел он обычно одну, от силы две стороны предмета — довольно случайные, но чем-то привлекательные, о целом клубке связей и не подозревал… он все время забывал и опускал что-нибудь такое, что, казалось бы, невозможно упустить и забыть, все время преувеличивал или преуменьшал такие вещи, истинные размеры которых были очевидны».

В начале шестидесятых все больше раздувается культ личности Хрущева. Фигура Первого всегда возвышалась над прочими функционерами высшего эшелона. Генерал Судоплатов вспоминал, как во время суда над ним в 1958 году все беспокоились, как только всплывало имя Хрущева, а генерал И. Серов прямо ему посоветовал: «Не упоминай Хрущева».

На XXII съезде партий Хрущев достиг апогея своего всевластия. Он сам открывал и закрывал работу съезда. Он выступил с отчетным докладом ЦК. Он сделал доклад о новой программе КПСС. После XXII съезда на всех пленумах ЦК партии, за исключением июньского в 1963 году, именно Хрущев выступал с докладом.

Воспевание личности Хрущева, его действительных и мнимых заслуг отличало весь ход работы XXII съезда. Министр культуры Е. Фурцева, критикуя действия «раскольников» Молотова, Маленкова и Кагановича в 1957 году, витийствовала: «Какое счастье для всей нашей партии, какое великое счастье для нашего советского народа, что в тот момент Центральный Комитет нашей

партии во главе с нашим дорогим Никитой Сергеевичем оказался на высоте своего положения». По словам Д. Полянского, «за последние годы самое важное в жизни страны, партии, и в том числе разгром антипартийной группы, неразрывно связано с именем верного ленинца, выдающегося политического деятеля современности — с именем Никиты Сергеевича Хрущева». А ветеран партии Ф. Петров «с чувством глубокого удовлетворения» сказал, что старые большевики испытывают величайшее счастье, видя, как воплощаются в жизнь ленинские заветы, с каким искусством ведет партию, весь народ по пути создания коммунистического общества Центральный Комитет во главе с выдающимся ленинцем, воплотившим в себе лучшие черты пламенного революционера-большевика, сына рабочего класса, Никитой Сергеевичем Хрущевым».

В 1962–1963 годы все более нарастала пропагандистская кампания по восхвалению Хрущева. Школьные учебники и даже буквари начинались с портрета «великого борца за мир» и «верного ленивца». Газеты и журналы воспевали Хрущева, имя его постоянно звучало по радио и телевидению. Теперь уже все это сам Хрущев воспринимал как должное.

История свидетельствует: на месте обманутой веры возникает пустота. Подорвав веру в Сталина как символ социализма, новая власть подорвала веру и в сам социализм как общественный строй. Конечно, в самом Хрущеве веры было с избытком, и она с избытком заменяла ему знания и убеждения. Но чем больше в лидере веры, тем больше опасности субъективизма, тем шире возможности для безответственности.

Со временем Хрущев стал настолько самоуверенным, что начал делать то, за что сам же критиковал Сталина, то есть управлять партией и государством самолично, минуя и Президиум, и Секретариат ЦК, напрочь отбросив заявленный им же принцип «коллегиальности». Он становился все более капризным и нетерпимым, попадая под влияние подхалимов. «Мне лично трудно забыть «соловьиные песни» Аджубея и Сатюкова», — свидетельствует В. Новиков, работавший при Хрущеве председателем Госплана.

Пожалуй, начало открытого воспевания Хрущева положила группа журналистов, идеологов и аппаратчиков, которые написали книгу «Лицом к лицу с Америкой»: А. Аджубей, Н. Грибачев, Г. Жуков, Л. Ильичев, В. Лебедев, Е. Литошко, В. Матвеев, В. Орлов, П. Сатюков, О. Трояновский, А. Шевченко, Г. Шуйский. В апреле 1960 года им была присуждена Ленинская премия.

Как говорится, авторитет политика, что хрусталь: шлифуется

долго, но все равно остается хрупким. По оценке Н. Мухитдинова, именно 1960–1961 годы стали переломными в деятельности Хрущева. К этому времени он израсходовал свой творческий потенциал, стал чрезвычайно вспыльчивым, обидчивым, нетерпимым к чужому мнению. Самыми близкими к нему людьми стали А. Микоян, М. Суслов, Ф. Козлов. Пожалуй, никто не относился к Хрущеву с такой подобострастностью, не раздувал в нем мании величия, как они.

И именно Суслов в докладе на октябрьском пленуме 1964 года, когда Хрущев был смещен, обвинял его в культе личности. Он заявил, что за 1963 год в центральных газетах сто двадцать раз помещали портрет Хрущева, а за девять месяцев 1964 года — сто сорок раз. Между тем даже изображения Сталина печатались десять-пятнадцать раз в год. Хрущев давно окружил себя советниками из числа родственников, к которым он прислушивался больше, чем к мнению членов Президиума ЦК КПСС. Суслов говорил также, что Хрущев втянул в политику всю свою семью, а в печати и на радио его окружали подхалимы.

Бывший диссидент, «шестидесятник» Владимир Буковский говорит, что Хрущев был лишь скверной пародией на Сталина.

«Судьба этого человека трагична и поучительна, — пишет Буковский. — Конечно, после того шока, который дало нам всем разоблачение Сталина, ни один коммунистический вождь никогда уже любим народом не будет и ничего, кроме насмешек да анекдотов, не заслужит. Но никто, видимо, и не вызовет столь единодушной и лютой ненависти, как Хрущев. Все раздражало в нем людей. И его неумение говорить, неграмотность, обычная для всех коммунистических правителей до него и после! И его толстая ухмыляющаяся рожа — кругом недород, нехватка продуктов, а он ухмыляется, нашел время веселиться!.. До него был тот же голод, страх, безысходность, но была вера в усатого бога, которая заслонила все. Он отнял эту веру, и, хотя очевидность сказанного им ни у кого сомнений не вызвала, вся горечь, вся ненависть, вызванная смертью бога, обрушилась на Хрущева… лишив людей иллюзий, он позволил им оглянуться, увидеть реально всю свою жизнь, и, точно до него не было всей этой жизни, тотчас же оказался для всех виновен».

Однако у другого «шестидесятника», писателя Михаила Глинки, иной взгляд на Хрущева и его культ:

«Из всего того, что наиболее определяло духовный строй тех людей, о которых идет речь, доминирующим событием был XX съезд… В те дни мы вдохнули другой воздух, до тех пор даже не понимая, каким спертым было то, чем мы дышали в нашем детстве и отрочестве. Когда же перемены, связанные с XX

съездом, стали захлебываться, нам показалось, что захлебываемся и мы. Но никакого — ни общественного, ни политического, ни даже возрастного опыта — дабы объединиться и противостоять — мы не имели… К тому же культ Хрущева, который приходил на смену поре надежд, был не страшный, скорей, даже смеховой. Казалось, что даже те, кто лепил ему памятник, похлопывая по серому гипсу, похохатывают… По сравнению со сталинскими временами все это казалось буффонадой».

Однако у партноменклатуры, вынужденно раздувавшей культ Вождя, постепенно нарастал свой счет к нему. Аппарат был вполне удовлетворен, когда Хрущев заявил о сталинских преступлениях против номенклатуры и о возвращении к «ленинским нормам партийной жизни». Все более расширялась система привилегий. Дошло до того, что в начале шестидесятых годов появляются торгующие за валюту знаменитые магазины «Березка», предназначенные именно для номенклатурщиков и иных лиц, близких к ним. Постепенно партийно-государственная элита переходила на западное обслуживание товарами ширпотреба. Даже у Хрущева вместо всегда помятого и, с точки зрения помощников, совершенно не модного костюма, появился новый элегантный костюм из Италии.

Но когда Первый секретарь попытался набросить на номенклатуру свою узду, ситуация стала меняться. При Ленине надо было признавать его лидерство, быть умелым практиком. При Сталине — это нерассуждающий исполнитель, лично преданный Вождю. При Хрущеве же главным для номенклатуры было удержаться на плаву.

А. Авторханов пишет:

«Окружающие Хрущева имели дело утром — с одним, в обед — со вторым, а вечером — с третьим Хрущевым. Его постоянное непостоянство, его изумительный дар хаотического импровизатора, его болезненный зуд бесконечно организовывать и реорганизовывать, его властная безоглядность, умноженная на его незадачливость и беспечность, его опасная болтливость, его безосновательная амбициозность знать все, видеть все, делать все самому, его вероломство в дружбе и самоуверенность в политике, — это только некоторые черты столь богатого, красочного, динамичного характера Хрущева. Эти черты делали его исключительно опасным для окружающих».

К тому же Хрущев, сам будучи весьма нетребовательным в быту, начал требовать чуть ли не аскетизма от своих приближенных. Он стал закрывать спецраспределители и переводить аппаратчиков на обслуживание через обычную торговую сеть. В начале шестидесятых годов был резко сокращен

перечень лиц, имевших право на пользование персональными государственными автомобилями. Особенно недовольны аппаратчики были резким принижением их роли в жизни общества, снятием покрова секретности и таинственности с деятельности партийных органов. А ведь еще великий инквизитор у Достоевского призывал править, опираясь на «чудо, тайну и авторитет». Теперь же все это рушилось.

В начале шестидесятых стали нарастать сложности в экономическом развитии страны. Пятидесятые годы оказались весьма успешными для общественного производства. Средние темпы экономического роста тогда составляли 6,6 %. Созданная в двадцатые-тридцатые годы система государственной экономики пока еще обладала немалым потенциалом. Даже рассуждая о «революционной перестройке» и проводя ее постоянные реорганизации, Хрущев не затрагивал основы системы — государственную собственность и плановую экономику.

Провальным в аграрном производстве оказался 1960 год. Сократился урожай зерна и других сельскохозяйственных культур, уменьшилось производство мяса. Лозунг «Догнать и перегнать Америку» постарались благоразумно забыть. В 1961 году впервые Советский Союз стал закупать зерно за границей. Обеспокоенный Хрущев в октябре 1960 года направляет в Президиум ЦК записку, где пишет, что «если не принять необходимые меры, то мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 году».

Осенью 1961 года Хрущев предпринял большую поездку по стране, пытаясь наладить на месте управление сельским хозяйством. Он призывал: «Организуйте дело так, чтобы колхозы и совхозы, имеющие низкие показатели, быстро поднялись, пошли вперед!» Выполнять это призваны были партаппаратчики. Однако А. Стреляный вспоминает, что обкомовцы и райкомовцы вели себя в колхозах и совхозах как чужестранцы, которым приказано было оставить после себя выжженную землю: «Хватали и гнали на бойни все, что могло передвигаться на четырех ногах: стельных коров и супоросных свиней, телят и поросят, которым бы еще расти и расти… Ожили времена феодального разбоя: одна область промышляла на территории другой».

Чтобы как-то объяснить растущую нехватку самого необходимого, власти обрушились на «спекулянтов». С 1961 года обвиненные в экономических преступлениях стали приговариваться к высшей мере. Однако все усилия были тщетны. «Государственный корабль, — пишет Игорь Бунич, — чьи топки перестали получать в виде топлива новые миллионы жертв, хотя еще идет по инерции, но уже грозит вот-вот остановиться.

Лишенные даровой рабочей силы, грозили остановиться шахты и рудники. Получив, наконец, паспорта, разбегались из деревень колхозники, переполняя города и ставя сельское хозяйство страны на грань катастрофы. Все ждали каких-то решительных действий, но получили незабываемую по своему цинизму знаменитую хрущевскую программу партии, которая открывалась словами: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!», который обещали полностью построить к 1980 году».

1 июля 1960 года в целях установления разумного соотношения между закупочными и розничными ценами на продукцию животноводства были повышены цены на мясо на 30 %, на масло — на 25 %. Подавалось это как временная мера. Однако в стране значительно возросло недовольство, а в Новочеркасске произошел настоящий бунт. При подавлении беспорядков были убиты двадцать три человека и тридцать ранено. Впоследствии семь человек за участие в новочеркасских событиях были расстреляны.

Хрущев метался, пытаясь как-то удержать наметившийся спад производства. Весной 1962 года он начал перестройку административно-хозяйственного управления в сельских районах. Однако, не закончив ее, взялся за коренную реорганизацию партийного руководства по производственному принципу. Областные и районные комитеты партии были разделены на промышленные и сельские, что лишь привело к резкому увеличению численности функционеров. Затем, с осени 1962 года, началось укрупнение совнархозов. Но все эти попытки административно-силового решения экономических проблем окончились крахом.

Молотов в беседе с Ф. Чуевым в 1973 году говорил:

— Роль Хрущева очень плохая. Он дал волю тем настроениям, которыми Он живет… Он бы сам не мог этого сделать, если бы не было людей. Никакой особой теории он не создал, в отличие от Троцкого, но он дал возможность вырваться наружу такому зверю, который сейчас, конечно, наносит большой вред обществу.

— Но этого зверя называют демократией, — уточняет Чуев.

— Называют гуманизмом, — говорит Молотов. — А на деле — мещанство.

Молотов здесь во многом прав. Именно тогда, при Хрущеве, проснулись надежды на либерализацию, начали оформляться элементы политической культуры реформаторства. Но именно отсюда, с эпохи Хрущева, отпустившего «идеологические гайки», берут свое начало антисоциальные тенденции: расцветают ложь, воровство, коррупция, приписки. Хрущев как-то заметил, что

только психически ненормальный человек может быть недоволен жизнью в советском обществе. Увы, недовольных было гораздо больше. Государство не замечало рядового человека. Человек всячески стремился уйти от контроля государства. Страх исчезал, а моральные регуляторы всегда были слабыми. К тому же росли потребности, а государство не способно было их удовлетворить.

При Хрущеве многое изменилось, но сущность системы не была затронута — те же отношения власти и собственности, та же иерархия господства и подчинения. Разрушив культ личности Сталина, Хрущев не ликвидировал систему однопартийной, во многом полицейской власти. Да это ему и в голову не могло прийти. Именно поэтому вернулся тот же культ, на сей раз уже самого Хрущева. Как и всякий, наверное, российский реформатор, он, разбудив процессы, не способен был удержать их под контролем. Избавляя страну от страха, он не учитывал, что именно страх всегда был символом и средством власти в Российском государстве, в той самой стране, которую «умом не поймешь и аршином общим не измеришь».

Недаром Г. Воронов, в свое время один из ближайших к Хрущеву людей, считает, что именно окружение Первого в немалой степени предопределило многие провалы тех лет:

«Я бы выделил три парадокса, которыми отличен тот период. Первый: люди, подводившие Хрущева к самым непопулярным решениям, голосовавшие за них, в итоге оставались в тени, в то время как общественная антипатия доставалась в полной мере Хрущеву — лидеру. Второй парадокс в том, что, утверждая новаторский дух, Хрущев все чаще опирался не на тех, кто с ним спорил, а на тех, кто ему поддакивал. Третий же парадокс — именно они — эти люди, впоследствии наиболее беспощадно обвиняли его в ошибках, волюнтаризме».

Так неуклонно шла к своему завершению беспрецедентная партийная карьера Никиты Сергеевича Хрущева, и ничто уже не могло предотвратить его падение.

Глава 19
Заговор

Кто из властителей устраивал заговор во имя своего народа или рисковал жизнью для освобождения подданных?

Байрон

Заговоры против правителей — это всегда самые драматические, а нередко и кровавые страницы истории. Это всегда, несмотря на множество исторических свидетельств, самые загадочные страницы истории. А потому — и весьма дискуссионные. Вот и по поводу смещения Хрущева нет полной ясности.

Был ли заговор или все осуществилось в русле «партийной демократии»?

Кто был инициатором кампании за смещение Хрущева?

Почему Хрущев, узнав о происках против него, практически ничего не предпринял?

Наконец, почему он так легко сдался на милость победителям?

Неопределенные слухи о растущем недовольстве политикой Хрущева стали распространяться в высших эшелонах власти уже в конце 1963 года. Видимо, тогда же у некоторых из «вождей» стали появляться и мысли о возможном отстранении Хрущева. Тем более, что обиженных им было немало!

Есть много свидетельств, что в 1962–1963 годах самыми близкими к Хрущеву людьми являлись Брежнев, Подгорный, Козлов и Шелепин. Однако Козлов вскоре тяжело заболел. Брежнев становится вторым секретарем ЦК и в случае отсутствия Хрущева начинает вести заседания Президиума и Секретариата ЦК КПСС. В свою очередь, к Брежневу были близки Подгорный и Суслов. В этом ближайшем окружении Хрущева и начал постепенно вызревать замысел заговора.

Все эти люди отражали интересы номенклатуры, недовольной постоянным перетряхиванием кадров Хрущевым, покушением на привилегии. Ф. Бурлацкий полагает, что последний удар был нанесен решением Хрущева разделить партийные комитеты на промышленные и сельские. Никто этого новшества не понимал и не желал принимать. Как можно делить орган власти и противопоставлять одну часть аппарата другой? То ли Хрущев

задумал нанести удар по функционерам, то ли вообще размышлял о возможности создания двух партий. Аппарат постепенно приходил к выводу, что лидер-реформатор — это смертельная для него опасность.

Особенно обеспокоила партноменклатуру речь Хрущева на пленуме ЦК в июле 1964 года, наполненная резкими выпадами и даже угрозами по адресу местных партийных органов в связи с провалами в сельском хозяйстве. И содержание, и тон выступления показали, что Хрущев готов к новым непредвиденным шагам, что он становится все более непредсказуемым. А вскоре на места поступила записка Хрущева от 18 июля: он предлагал исключить всякое вмешательство партийных органов в экономическую деятельность колхозов и совхозов.

Хрущев был по-прежнему энергичен и физически крепок, допоздна засиживался в своем кремлевском кабинете. Но постепенно копилась усталость, не столько даже физическая, сколько моральная, психологическая. Он видел, что далеко не все из обещанного удается осуществить. Главное объяснение этому коренилось в пороках политико-экономической системы и в особенностях полутрадиционного российского общества. Но ортодокс Хрущев вряд ли это сознавал. А. Стреляный свидетельствует, что весной 1964 года Хрущев на одном из совещаний произнес надрывно-самокритичную речь. Он заявил, что выполнить обещания, данные народу, не удалось, что ничего не получается и надо, видимо, уступать место другим. И далее Стреляный пишет:

«Есть мнение, что именно серьезность хрущевского намерения или порыва ускорила его политический конец. Сталинисты и обыватели, железные Шурики и добрые Леониды Ильичи (одни мечтали навести без него «настоящий порядок», другие — пожить «наверху» тихо, в свое удовольствие) одинаково противились тому, чтобы Хрущев подавал пример, нацеленный в будущее. Страна, где первое лицо может покинуть кресло только по причине смерти или заговора, — это одна страна, это их страна. Страна же, где человек мог бы признать свое поражение, с достоинством уступить место другому… — это совсем другая страна, для них хуже, чем чужая».

Помощник Хрущева А. Шевченко вспоминает, как тот говорил в феврале 1964 года: «Чертовски устал! Вот 70 лет стукнет в апреле, надо или отказаться от всех постов, или оставить за собой что-нибудь маленькое». По мнению помощника, Хрущев действительно собирался уходить, потому что был на пределе. Да и выступая на заседании Президиума ЦК в день своего смещения,

Хрущев сказал: «Я давно думал, что мне надо уходить».

Возможно, где-то на уровне подсознания он все же к концу своего правления чувствовал, что система и общество не реформируемы, что люмпенское большинство народа к переменам не готово и не желает их, а управленческий аппарат действует только в собственных корыстных интересах. Поэтому и не оказал серьезного сопротивления заговорщикам, поэтому и шел на октябрьский пленум ЦК как, бык на заклание — уставший и равнодушный. Но всплески энергии и попытки что-то предпринять пока что его не оставляли.

Дипломат Виктор Корягин вспоминает о последней зарубежной поездке Хрущева в июне 1964 года — это был визит в Скандинавию. Именно тогда, по его мнению, Хрущев стал задумываться о подлинной демократии. «Теперь уже мало кто помнит, — пишет В. Корягин, — а в газетах об этом вообще ничего не писали, что вскоре после возвращения из Скандинавии Никита Сергеевич поверг своих коллег в глубокий шок, приехав в один из дней на работу в Кремль не в громадном-черном лимузине, а в «Москвиче» Об этой новости шептались недели две, строя догадки и высказывая опасения, что «Никита» опять чего-нибудь учудит». Рассуждения строились не на пустом месте. У всех было на памяти, что с момента прихода к власти, особенно после XX съезда в 1956 году, Хрущев упорно проводил линию на «борьбу с привилегиями».

17 апреля 1964 года Хрущеву исполнилось 70 лет. Юбилей был торжественно отмечен по всей стране. Юбиляру присвоили звание Героя Советского Союза — за заслуги перед КПСС и Советским государством и за «исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками». На торжественном обеде в Георгиевском зале Кремля все выступавшие говорили о крепком здоровье Хрущева и желали ему еще многих лет плодотворной работы на благо партии и советского народа.

Но в высшем партийно-государственном руководстве уже были убеждены в неспособности Хрущева остановить рост негативных тенденций в жизни общества. Некоторые из активных участников смещения Хрущева позднее в своих интервью не раз говорили о том, что никакого заговора не было, а все осуществлялось в «рамках партийной демократии». Так, бывший первый секретарь МГК КПСС Н. Егорычев в беседе с историком Н. Барсуковым утверждал, что все было сделано законно, шла обычная подготовка пленума.

— Но определенная конспирация соблюдалась? — спрашивает у него Барсуков.

— Да, конечно, не афишировали. Ведь это было

действительно опасно. Потому что, если бы кто-то Хрущеву доложил, то, прямо скажем, он бы расправился жестоко с нами.

А Александр Шелепин в беседе с тем же Барсуковым отрезал:

— Утверждение о том, что это был заговор — глупость и чепуха. И не было это ни «свержением Хрущева», ни «октябрьским переворотом», о чем сейчас некоторые пишут. Все было сделано в рамках партийной демократии.

Однако, если все осуществлялось в рамках партийной демократии, то почему инициаторы смещения Хрущева так опасались разоблачения?! Почему в такой шок повергли их слова Хрущева: «Что-то вы, друзья, против меня замышляете?!» Егорычев вспоминает, как был тогда напуган Брежнев: «Коля, Хрущеву все известно. Нас всех расстреляют». Спасло их лишь то, что самонадеянный Хрущев не принимал всерьез доходящую до него информацию о заговоре. То был для Хрущева, как замечает Ф. Бурлацкий, «апофеоз власти и апофеоз ослепления».

Совершенно очевидно, что смещение Хрущева стало результатом сговора, а следовательно, заговора, но никак не экспромта. Кто же играл главную роль в подготовке смещения Хрущева? Здесь также нет единого мнения. Ф Бурлацкий называет Шелепина, Р. Медведев — Суслова, Шелепина и Игнатова. Однако большинство из участников заговора или очевидцев называют прежде всего Брежнева и Подгорного (С. Хрущев, П. Родионов, Г. Воронов, А. Шелепин, П. Шелест, В. Семичастный). Хотя, конечно, в итоге вся руководящая политическая элита была вовлечена в заговор: создавалась ситуация «коллективной ответственности».

Сергей Хрущев свидетельствует, что, по данным охранника Игнатова по фамилии Галюков, «Брежнев, Подгорный, Полянский, Шелепин, Семичастный уже почти год тайно подготавливали отстранение отца от власти. В отличие от самонадеянных Маленкова, Молотова и Кагановича, рассчитывавших в 1957 году лишь на поддержку членов Президиума ЦК, на сей раз все обставили обстоятельно. Под тем или иным предлогом переговорили с большинством членов ЦК, добились их согласия. Одни поддержали сразу: перестройки, перестановки им давно надоели. Других понадобилось уговаривать, убеждать, а кое-кого подталкивать ссылками на сложившееся большинство».

В тайной политической борьбе объединились такие непохожие люди, как Н. Подгорный и А. Косыгин, М. Суслов и А. Шелепин, К. Мазуров и Д. Полянский. Но у них, этих непохожих, отныне была общая цель и один противник. Идея заговора объединяла даже В. Мжаванадзе, первого секретаря ЦК КП Грузии, и А. Шелепина, которые до этого не испытывали друг

к другу симпатий. Дело в том, что по предложению Хрущева на XXII съезде партии Мжаванадзе должен был выступить с предложением о выносе Сталина из Мавзолея. Узнав об этом, он срочно «заболел», и выступить пришлось главе правительства Грузии Г. Джавахишвили. Шелепин вскоре направил в Президиум ЦК записку, где высказал сомнения в болезни вождя грузинских коммунистов. Мжаванадзе, естественно, об этом узнал и затаил зло на Шелепина.

1964 год стал годом особенно интенсивных поездок Хрущева по стране и за ее пределы. За девять месяцев этого года он 135 дней провел в поездках. Все это вызывало недовольство правящей элиты. Хрущев также предложил провести новую реформу управления сельским хозяйством. Свои идеи по этому поводу он изложил в записке от 18 июля, которую разослал по областным комитетам партии и ЦК компартий союзных республик. Обсуждение этой очередной реорганизации предполагалось провести на пленуме ЦК в ноябре.

В сентябре 1964 года, когда многие из заговорщиков находились на юге на отдыхе, они окончательно обговорили все детали смещения Хрущева. Принимал их тогдашний первый секретарь Ставропольского крайкома Ф. Кулаков. В начале октября 1964 года Хрущев отправился на отдых в Пицунду. Аджубей свидетельствует: Хрущев знал, что один руководящий товарищ, разъезжая по областям, прямо заявляет: «Надо снимать Хрущева». Видимо, имелся в виду Игнатов, тогдашний глава Президиума Верховного Совета РСФСР, один из самых активных участников заговора, который в то время чуть ли не в открытую сколачивал антихрущевский блок.

12 октября в Кремле собрался Президиум ЦК. Председательствовал на нем Брежнев. Было решено обсудить на заседании Президиума некоторые вопросы нового пятилетнего плана с участием Хрущева, а также отозвать с мест записку Хрущева от 18 июля 1964 года «с путаными установками «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации».

Впрочем, судя по воспоминаниям первого секретаря ЦК КП Украины П. Шелеста, тогда вопрос «снимать — не снимать» Хрущева не ставился. Речь шла о том, чтобы пригласить его и откровенно поговорить. Наконец, решили, что Брежнев позвонит в Пицунду и пригласит Хрущева в Москву. Шелест свидетельствует:

«Мы все присутствовали, когда Брежнев разговаривал с Хрущевым. Страшно это было. Брежнев дрожал, заикался, у него посинели губы: «Никита Сергеевич, тут вот мы просим приехать…

по вашим вопросам, по вашей записке». А Хрущев ему что-то говорит, но мы не слышим что. Положил Брежнев трубку: «Никита Сергеевич сказал, что он… два дня и вы уже там… обоср… вопросов решить не можете».

Почему так много расхождений и неувязок в воспоминаниях очевидцев этих событий? Почему так субъективны и пристрастны они в своих рассуждениях? Как пауки в банке, они даже в старости, на пенсии, стараются перегрызть друг другу глотку, облить грязью, опорочить, оболгать. И поневоле думаешь, а был ли среди них хоть один порядочный человек? Он просто не смог бы выжить в этом хитросплетении интриг и эмоций, лжи и властных амбиций, подсиживаний и наговоров, лести и злобы.

Заговорщики учли печальный опыт «антипартийной группы» 1957 года. Тогда, по свидетельству Авторханова, сняв Хрущева 18 июня, «маленковцы» собирались сообщить об этом в партийной печати и по радио, однако встретили отказ. Им ответили, что средства массовой информации подчиняются Первому секретарю ЦК и его аппарату, а не Президиуму ЦК. Поэтому накануне свержения Хрущева главный редактор «Правды» Г. Сатюков и председатель Гостелерадио М. Харламов были отправлены в зарубежные командировки, а главный редактор «Известий» А. Аджубей и секретарь ЦК по идеологии Л. Ильичев находились в поездке по стране. Накануне главных событий участники «дворцового переворота» поставили своих людей на ключевых постах в средствах массовой информации. Председателем Гостелерадио был назначен Н. Месяцев, а руководителем ТАСС — Д. Горюнов. Оба они были доверенными лицами Шелепина.

Когда днем 13 октября Хрущев прилетел в Москву, его встретили только председатель КГБ Семичастный и секретарь Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе. «Где остальные?» — спросил Хрущев. — «В Кремле». — «Они уже пообедали?» — «Нет, кажется, Вас ждут». Семичастный свидетельствует, что Хрущев был спокоен; видимо, ни о чем не подозревал.

Протокол заседания Президиума ЦК 13 октября не вели. Выступили все члены Президиума. Говорили очень резко, что Хрущев игнорирует принцип коллективного руководства, проявляет самодурство, допустил много ошибок. И каждый из выступавших предлагал отстранить Хрущева от руководства.

Шелепин вспоминает, что выступил по следующим основным пунктам. Во-первых, критика сельскохозяйственной политики Хрущева. Во-вторых, неправомочное разделение партийных и советских органов на промышленные и сельские. В-третьих, что сыну Хрущева — Сергею — были совершенно неправильно присвоены звания Героя Социалистического Труда и лауреата

Государственной премии. Говорил он также о крупных внешнеполитических ошибках, в результате чего страна трижды стояла на грани войны (Суэцкий, Берлинский и Кубинский кризисы).

Для Хрущева все это оказалось неожиданным. Вначале он вел себя достаточно самоуверенно, перебивал как обычно, выступающих, бросал язвительные реплики. Но вскоре ему стало ясно, что все заранее предрешено, и он сник. На этом заседании Хрущеву пришлось выслушать немало неприятных слов.

Вот примерное содержание заключительного выступления Хрущева на этом заседании Президиума ЦК, которое, Шелепин по своим сохранившимся записям надиктовал на магнитофон Н. Барсукову в мае 1989 года: «Вы все здесь много говорили о моих отрицательных качествах и действиях и говорили также о моих положительных качествах, и за это вам спасибо. Я с вами бороться не собираюсь, да и не могу. Я вместе с вами боролся с антипартийной группой. Вашу честность я ценю. Я по-разному относился к вам и извиняюсь за грубость, которую допускал в отношении некоторых товарищей. Извините меня за это. Я многого не помню, о чем здесь говорили, но главная моя ошибка состоит в том, что я проявил слабость и не замечал порочных явлений. Я пытался не иметь два поста, но ведь эти два поста дали мне вы! Ошибка моя в том, что я не поставил этот вопрос на XXII съезде КПСС. Я понимаю, что я за все отвечаю, но я не могу все читать сам… О Суэцком кризисе. Да, я был инициатором наших действий. Гордился и сейчас этим горжусь.

Карибский кризис. Этот вопрос мы обсуждали несколько раз и все откладывали, а потом направили туда ракеты.

Берлинский кризис. Признаю, что я допустил ошибку, но вместе с тем горжусь тем, что все так хорошо закончилось.

В отношении разделения обкомов партии на промышленные и сельские. Я считал и сейчас считаю, что решение об этом было принято правильно.

Я понимаю, что моей персоны уже нет, но я на вашем месте сразу мою персону не сбрасывал бы со счетов. Выступать на пленуме ЦК я не буду. Я не прошу у вас милости. Уходя со сцены, повторяю: бороться с вами не собираюсь и обмазывать вас не буду, так как мы единомышленники. Я сейчас переживаю, но и радуюсь, так как настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность Первого секретаря ЦК и говорить полным голосом. Разве я — «культ»? Вы меня кругом обмазали г… а я говорю: «Правильно» Разве это «культ»? Сегодняшнее заседание Президиума ЦК — это победа партии. Я давно думал, что мне надо уходить. Но жизнь — штука цепкая. Я

сам вижу, что не справляюсь с делом, ни с кем из вас не встречаюсь. Я оторвался от вас. Вы меня за это здорово критиковали, а я и сам страдал из-за этого…

Я благодарю вас за предоставляемую мне возможность уйти в отставку. Прошу вас, напишите за меня заявление, и я его подпишу. Я готов сделать все во имя интересов партии. Я сорок шесть лет в партии состою — поймите меня! Я думал, что, может, вы сочтете возможным учредить какой-либо почетный пост, но я не прошу вас об этом. Где мне жить — решите сами. Я готов, если надо, уехать куда угодно. Еще раз спасибо вам за критику, за совместную работу в течение ряда лет и за вашу готовность дать мне возможность уйти в отставку».

В постановлении Президиума ЦК, датированном 13–14 октября 1964 года, говорилось: «Признать, что в результате ошибок и неправильных действий тов. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в Президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами Президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной». Хрущев обвинялся в том, что он проявляет нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК, пренебрежительно относится к их мнению и допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов партии.

Как вспоминает П. Шелест, Хрущев будто бы хотел обратиться с просьбой к пленуму, но ему не разрешили!

— Я понимаю, — говорил Хрущев, — что это последняя моя политическая речь, как бы сказать, лебединая песня. На Пленуме я выступать не буду. Но я хотел бы обратиться к Пленуму с просьбой…

Не успел он договорить, как ему в категорической форме Брежнев ответил:

— Этого не будет.

После чего Хрущев сказал: «Очевидно, теперь будет так, как вы считаете нужным, — при этом у него на глазах появились слезы. — Ну что же, я готов ко всему. Сам думал, что мне надо было уйти, ведь вопросов много, а в мои годы справиться с ними трудно. Надо двигать молодежь. О том, что происходит сейчас, история когда-то скажет свое веское правдивое слово.

Сейчас я прошу написать заявление о моей отставке, и я его подпишу. В этом вопросе я полагаюсь на вас. Если вам нужно, я уеду из Москвы».

Кто-то подал голос: «Зачем это делать?» Все поддержали. Хрущева оставили в Москве, установив надлежащий надзор.

Впрочем, возможно, Хрущев этого и не говорил: Шелеста могла просто подвести память.

Днем 14 октября начался Пленум ЦК. Его открыл Брежнев, объявив, что на повестку дня поставлен вопрос о ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. Затем с большим докладом выступил М. Суслов. Он отметил, что в последнее время в Президиуме и ЦК сложилось ненормальное положение, вызванное неправильными методами руководства партией и государством со стороны тов. Хрущева. Нарушая ленинские принципы коллективного руководства, он стремится к единоличному решению важнейших вопросов партийной и государственной работы.

За последнее время, говорил Суслов, даже крупные вопросы Хрущев решал по сути дела единолично, грубо навязывая свою субъективистскую, часто совершенно неправильную точку зрения. Он возомнил себя непогрешимым, присвоил себе монопольное право на истину. Всем, кто делал замечания, неугодные Хрущеву, он высокомерно давал всевозможные пренебрежительные и оскорбительные клички, унижающие человеческое достоинство. В итоге коллективное руководство становилось фактически невозможным. К тому же, товарищ Хрущев систематически занимается интриганством, стремясь поссорить членов Президиума друг с другом. О стремлении тов. Хрущева уйти из-под контроля Президиума и ЦК свидетельствует и то, что за последние годы у нас проводились не Пленумы ЦК, которые бы собирались для делового обсуждения назревших проблем, а Всесоюзные совещания с участием до пяти-шести тысяч человек, с трибуны которых звучали восхваления в адрес тов. Хрущева.

Все это время Хрущев просидел, опустив голову, за столом Президиума. А вернувшись во второй половине дня домой, сказал:

— Все… В отставке…

Шелепин вспоминает, что после окончания Пленума в комнате для членов Президиума ЦК Хрущев попрощался с каждым из них за руку. Шелепину он сказал: «Поверьте, что с вами они поступят еще хуже, чем со мной».

Судя опять же по последующим воспоминаниям, многих удивляло то обстоятельство, что не стали открывать прения. Почему? В. Семичастный полагает, что некоторые из членов Президиума попросту этого боялись: наряду с Хрущевым, могло достаться и Подгорному, и Полянскому, и Суслову, да и другим. «А когда начали голосовать, — вспоминает Семичастный, — началось сзади: «Исключить! Под суд отдать!» Это самые ярые

подхалимы. Я вот так, сидя в зале, наблюдал — кто больше всех подхалим, тот больше всех кричал: «Исключить!» и «Под суд отдать!» Но сам процесс был нормальный. Проголосовали, все как полагается. Единогласно».

Когда стало ясно, что смещение Хрущева прошло спокойно и сравнительно безболезненно, Брежнев был очень доволен: он благодарил соратников, а для близких друзей устроил роскошный ужин. Хрущеву же самолично определил крут привилегий: 1) пенсию в 500 рублей; 2) кремлевскую столовую и поликлинику; 3) дачу в Петро-Дальнем и городскую квартиру; 4) персональную машину. Есть свидетельства, что Брежневу предлагали подвергнуть Хрущева резкой критике в партийных организациях и печати, но он не согласился.

Так был низвергнут с политического Олимпа один из самых интересных, незаурядных и противоречивых правителей советской эпохи. «Свержение Хрущева, — свидетельствуют историки М. Геллер и А. Некрич, — было бунтом жрецов против Верховного жреца, осмелившегося посягнуть на касту служителей культа». Хрущев во многом освободил общество и людей от страха, а следовательно, и от почтения перед властью. Поэтому номенклатура без особых затруднений избавилась от неуправляемого лидера, а народ, похоже, даже не сожалел о том, кто пробудил в нем надежды на лучшую жизнь. «Никита-чудотворец» так и не сумел сотворить чудо.

Глава 20
На пенсии: воспоминания и размышления

Тяжело тому, кто все помнит!

Гете

Неожиданная отставка была воспринята Хрущевым как крах всей жизни. Многие годы работа была для него всем — и творчеством, и радостью, и постоянной тревогой. К его словам прислушивался весь мир. И вот — безвестность, тихое растительное существование в окружении семьи и охраны.

«Замолчали многочисленные телефоны, — вспоминает Сергей Хрущев. — Молчаливые трубки без знакомого басовитого гудка казались мертвыми… У ворот застыла «Чайка», заменившая привычный «ЗИЛ», который полагался только троим в стране: Первому секретарю ЦК, Председателю Президиума Верховного Совета и Председателю Совета Министров. «Чайка» у ворот простояла недолго. В тот же день она исчезла так же незаметно, как и появилась, а еще через полчаса на ее месте оказалась «Волга» — автомобиль рангом пониже. В свое время инициатива отца — упразднить или хотя бы сократить персональные автомобили — вызвала сильное недовольство среди руководителей всех рангов. Теперь наступил их черед… Передавали слова одного начальника: «Хотел нас на «Волги» пересадить? Пусть теперь сам попробует».

В будущем отца ожидало множество подобных мелких уколов».

Его сразу же отрезали от внешних источников информации, резко ограничили контакты, фиксировали посетителей и телефонные звонки. «Хрущева боялись, — свидетельствует его сын Сергей. — Поверженный, он казался опасным, все ждали от него чего-то неожиданного, каких-то действий. Никто не хотел поверить, что он ничего не собирается предпринимать, смирившись со своей участью. Очень трудно было представить отца, человека кипучей энергии, пенсионером, не помышляющим о политической деятельности».

Сам Хрущев в первые после отставки дни сокрушался: что он теперь будет делать без работы, как жить?! Иногда впадал в какое-то оцепенение, возможно, прокручивал в памяти события последних дней. Его личный врач Владимир Беззубчик прилагал

все усилия, чтобы снять с Хрущева стресс, но лекарства мало действовали. Со временем Хрущев стал привыкать к своему положению. Он начал много читать, в основном русскую классику, по вечерам ловил «Голос Америки» и «Би-би-си», узнавал, что происходит в мире.

31 декабря вся семья собралась вместе — отмечали наступление нового 1965 года. Хрущеву никто не звонил, все словно забыли о нем. Но поздно вечером неожиданно позвонил Анастас Микоян и тепло поздравил Никиту Сергеевича с Новым годом.

— Спасибо, Анастас! — ожил Хрущев, услышав голос своего давнего соратника. — И тебя поздравляю с Новым годом… Спасибо, бодрюсь. Мое дело теперь — пенсионерское! Учусь отдыхать…

В начале 1965 года Хрущев и его семья переехали на дачу в Петрово-Дальнем, где Никита Сергеевич и провел последние годы жизни. Его деятельная энергия требовала выхода. Сначала, неожиданно для близких, Хрущев увлекся фотографией, потом — гидропоникой. Несколько раз ходил на рыбалку, но это занятие ему не понравилось:

— Сидишь, чувствуешь себя полным дураком! Так и слышишь, как рыбы под водой над тобой потешаются. Не по мне это!

Внимательно следил он за событиями во внутриполитической жизни страны. Хрущев видел, что от многих его нововведений новые руководители отказались, и это вызвало у него явное неодобрение. Сергей Хрущев вспоминает, что после отставки отец, оставшись, в сущности, человеком двадцатых годов, ведь до этого он жил в другом измерении, с трудом осваивался в реально существующем мире. Его удивляли самые обыденные факты и явления. Особенно болезненно переживал факты взяточничества, бюрократизма, лени. Один из охранников как-то в разговоре упомянул, что нарушил правила уличного движения, пришлось откупиться, дать милиционеру трешку. Этот случай произвел на Никиту Сергеевича тягостное впечатление, он не раз пересказывал его и возмущался:

— Разве можно себе представить! Люди, поставленные охранять закон, берут взятки! Как же мы будем строить коммунизм?..

Всегда считающий себя знатоком международных отношений, Хрущев и на пенсии внимательно следил за тем, что происходит в мире. Сергей Хрущев вспоминает, что отец рядом с телевизором повесил на ширму большую политическую карту мира — по ней он уточнял места событий, о которых сообщалось в новостях.

Особенно интересовали его события в Африке, где шел процесс становления молодых независимых государств.

Но главным делом для Хрущева в эти последние годы жизни стали его мемуары. Сергей Хрущев свидетельствует, что отец не любил читать мемуарную литературу. Ему привозили книги Черчилля, де Голля, дневники Валуева, записки Витте, но он только листал их и откладывал в сторону. Все началось с воспоминаний военных, которые стали широко издаваться в шестидесятые годы. Хрущев, прошедший почти всю войну, считал, что и мемуары, и художественная литература о войне не говорили всей правды, искажали истину. Задевало Хрущева и то, что о нем нигде не было ни малейшего упоминания. Опального правителя приказано было забыть, и цензура строго за этим следила.

Никите Сергеевичу рассказали, что на одной из встреч генералу Батову, прошедшему с ним полвойны, задали вопрос о роли Хрущева в войне и был ли Хрущев в Сталинграде? Батов замешкался, а потом сказал, что не знает, был ли Хрущев в Сталинграде, и что он вообще не знает, где тот был во время войны.

Изо дня в день, диктуя воспоминания, Хрущев как бы заново переосмысливал свою жизнь. Он все глубже погружался в себя и в переживаемые события, стремясь по возможности честно передать потомкам свое понимание исторического творчества. «Заранее знаю-, говорит он на первых страницах своих мемуаров, — что нет такого мнения, которое бы всех удовлетворяло, да я и не преследую этой цели. Но хотел бы, чтобы среди тех мнений, которые будут в той или иной форме записаны и останутся как наследство для будущих поколений, и мое мнение было известно… Не думаю, что то, что я скажу, — обязательная истина. Нет, истину будет находить каждый, сопоставляя разные точки зрения по тому или иному вопросу в то или иное время. Только этого я и хочу».

Да, Хрущев на пенсии, вдали от властных интриг и амбиций, — это совсем другой человек: искренний, размышляющий, терпимый. Нет уже самоуверенного правителя, безапелляционно раздающего ценные указания. В прошлом остались «долгие продолжительные аплодисменты», славословия в честь «великого ленинца», «несгибаемого борца за мир».

Когда Хрущев начал работу над мемуарами? Обратимся к стенограмме беседы с ним в КПК 10 ноября 1970 года.

Хрущев. Я знаю и повторяю вам, что ряд положений, которые имеются в этих диктовках, правдивы, и я за них абсолютно ручаюсь… Вы помните, товарищ Пельше, разговор у товарища

Кириленко. Записи тогда не было. Я сказал: если бы мне помогли, дали бы машинистку, ЦК получил бы эти материалы.

Пельше. То есть с самого начала вы действовали нелегально.

Хрущев. Не пугайте меня нелегальщиной. Нельзя упрощенно подходить… Меня вызывали в ЦК.

Пельше. Это было в 1968 году.

Постовалов. А писать вы раньше начали.

Хрущев. Я тогда только что начал писать.

Итак, 1968 год! Но, похоже, что Хрущев здесь слукавил. К воспоминаниям он приступил, как минимум, в начале 1967 года. Хрущев надиктовал уже большой массив материала, от XIV партконференции до Женевской встречи 1954 года, но тут на Ближнем Востоке летом 1967 года разразилась шестидневная война. Естественно, что он откликнулся на происходящее, причем, очень эмоционально, как в лучшие свои годы.

«С арабскими странами, — диктовал Хрущев, — мне пришлось возиться очень много, особенно после 1956 года, когда мы спасли Египет во время Суэцкого кризиса. Это очень важный район мира, и мы ему уделяли большое внимание. Но многие руководители арабских стран — люди молодые, неопытные, не прошедшие серьезную школу политической борьбы». Хрущев прямо признает, что эту войну по сути дела спровоцировал президент Египта Насер, потребовав от У Тана вывода войск ООН из пограничной зоны, но поражение арабов его расстроило: он лишний раз убедился в слабости арабских армий, их неумении воевать.

Потерпели сокрушительное поражение, а «потом начинают рассказывать сказки, — негодует он, — что там их офицеры к бабам ходили и поэтому их армию застали врасплох. Все офицеры ходят к бабам во всех странах, и нельзя на это списывать поражение… Туда ездили наши инструкторы, обругали их… А почему их разбили? Потому, что они проср…, и другого аргумента тут нет». Израиль победил, потому что он «имеет более высокую культуру, лучшую дисциплину в армии, а его офицеры обладают боевым опытом и отлично подготовлены». Тут же он выступает в роли предсказателя и считает, что в конце концов Израиль будет разбит: «Арабы ведь не глупее евреев. Все люди имеют равные возможности, надо только умело их использовать. Сегодня евреи более развиты, но это вопрос времени. Если взять первые годы нашей революции, то у нас в составе партийного актива евреи тогда имели очень высокий процент. И это вполне понятно, потому что они были более грамотные люди. Теперь же этого нет? Русские подтянулись. Ничто не вечно под луной!»

Это хрущевское отвлечение от размеренного повествования и

позволяет примерно датировать начало работы над мемуарами: рубеж 1966/1967 гг. В противном случае Хрущев попросту бы не успел надиктовать до лета 1967 года большой объем материала.

Да, Хрущеву было что вспомнить. С начала тридцатых годов вращался он в окружении Сталина, был членом Политбюро, активным участником войны, потом десять лет руководил сверхдержавой, с которой в то время считался весь мир. Недаром Хрущев всегда внимательно следил за тем, чтобы ему в зарубежных поездках оказывали почести, соответствующие лидеру великой державы. «Ко мне давно обращаются мои товарищи и спрашивают (и не только спрашивают, но и рекомендуют) записать свои воспоминания, — начинает мемуары Хрущев, — потому что я и вообще мое поколение жили в очень интересное время: революция, гражданская война и все, что связано с переходом от капитализма к социализму, развитием и укреплением социализма. Это целая эпоха… Пройдет время, и буквально каждое слово людей, живших в наше время, станет на вес золота. Тем более тех людей, кому выпала доля близко стоять у руля, который направлял весь огромный корабль на перестройку общественно-политической жизни нашей страны и тем самым оказывал огромное влияние на мировое развитие».

День за днем, неделя за неделей реконструировал он основные вехи своей жизни и деятельности. XIV партийная конференция. Киев. Промакадемия. Знакомство со Сталиным. Московские будни… Ему пришлось отбросить обиды, попытаться посмотреть на себя как бы со стороны. Не всегда это получалось. Ничего не говорит Хрущев о собственном участии в сталинских беззакониях, о том, что на его руках тоже было немало крови. Но не стремился он и обелить себя. Хрущев считал, что дел злых (!) и дел добрых он совершил почти поровну, но добрых — немного больше: «Если положить на весы мои добрые дела и злые, То добрые все же перевесят».

Алексей Аджубей приводит воспоминания Нины Петровны Хрущевой о том, как создавались эти мемуары.

«Не помню точно месяца и года, но Никита Сергеевич немного успокоился и решил писать воспоминания о своей работе. Он диктовал на магнитофон. Делал он это регулярно по утрам, иногда и днем. Я переписывала с магнитофонной ленты текст. Когда накопилось много страниц, Никита Сергеевич передал пленки Сергею, чтобы перепечатала машинистка».

Нина Петровна упоминает о вызове Хрущева в апреле 1968 года к секретарю ЦК КПСС А. Кириленко, который попытался запретить ему писать мемуары и требовал сдать все уже написанное в ЦК. Но Хрущев отказался прекратить работу над

мемуарами. «Разве я не имею права работать над мемуарами?» — заявил он Кириленко. Теперь это для него было смыслом всей жизни.

И вновь поток воспоминаний: встречи с Мао Цзэдуном, ухудшение отношений с Китаем, визит в США, Карибский кризис, страны народной демократии, взаимоотношения с молодыми государствами Азии и Африки. Хрущева больше тянет на международные проблемы, о внутриполитических делах и событиях он говорит меньше. Нет рассказа о XXI съезде и концепции построения коммунизма, выдвинутой на нем. Совсем мало внимания Хрущев уделяет и XXII съезду партии. Почти ничего не говорит, за исключением последней главы, о своих нашумевших стычках с либеральной интеллигенцией.

Некоторые из хорошо знавших в то время Хрущева считают, что мемуары не отражают в полной мере его политическую эволюцию. Так, один из ведущих диссидентов 60-70-х годов Петр Якир не раз встречался и беседовал с пенсионером Хрущевым. При этом они обсуждали и альтернативные варианты общественного развития, говорили о том, что делал бы Хрущев, «если бы можно было все начать сначала». Якир свидетельствует, что Никита Сергеевич сожалел о том, что не всегда был настойчивым и последовательным.

Конечно, из девяностых годов события пятидесятых — начала шестидесятых видятся более отчетливо и совсем по-иному, чем это представлялось пенсионеру Хрущеву. Несомненно, что альтернативные варианты тогда существовали, хотя бы теоретически. Но Хрущев никогда не был аналитиком, потому и мемуары его, наполненные фактами и событиями, лишены глубины осмысления.

Между тем кремлевская верхушка внимательно следила за неугомонным пенсионером. 25 марта 1970 года председатель КГБ Ю. Андропов на бланке с грифом «Особой важности» сообщал в ЦК КПСС:

«В последнее время Н. С. Хрущев активизировал работу по подготовке воспоминаний о том периоде своей жизни, когда он занимал ответственные партийные и государственные посты. В продиктованных воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительно партийную и государственную тайну по таким определяющим вопросам, как обороноспособность государства, развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, научно-технических достижений, работы органов госбезопасности, внешней политики, взаимоотношений между КПСС и братскими партиями социалистических и капиталистических стран и другие. Раскрывается практика

обсуждения вопросов на закрытых заседаниях Политбюро и ЦК КПСС». Тогда же в 1970 году у Хрущева состоялась беседа с И. Капитоновым и Ю. Андроповым. А в конце мая у него случился первый инфаркт. Хрущев долго болел, и работа над мемуарами замедлилась. С мая 1970 года до сентября 1971 он надиктовал не больше тридцати машинописных страниц.

Осенью 1970 года советский посол в США А. Добрынин сообщил, что одно из американских издательств собирается опубликовать воспоминания Хрущева. Это вызвало переполох в кремлевской верхушке. 10 ноября 1970 года Хрущев был приглашен к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвиду Пельше. Разговор состоялся жесткий.

— По сообщению нашего посла в США, — сказал Пельше, — товарища Добрынина, 6 ноября в Нью-Йорке представители американского журнально-издательского концерна «Тайм» официально объявили о том, что они располагают «воспоминаниями Никиты Сергеевича Хрущева», которые будут вначале опубликованы в журнале «Лайф», начиная с 23 ноября, а затем выйдут отдельной книгой под названием «Хрущев вспоминает». Книга будет пущена в продажу 21 декабря. На днях по линии ТАСС получена информация о том, что информационные агентства и иностранная печать широко муссируют эти сообщения о предстоящей публикации «воспоминаний Хрущева» в США и ряде других стран Запада, в частности, в Англии, в ФРГ, Франции, Италии, Швеции.

— Опять этот пустой разговор, — вставил реплику Хрущев.

— Вы помните, — продолжал Пельше, — что некоторое время тому назад у нас с вами была беседа у Андрея Павловича Кириленко, когда вам было сказано, что путь создания ваших мемуаров, связанный с вовлечением в это дело широкого круга людей, является непартийным. И тогда вы были предупреждены, что такой путь не исключает возможности утечки материалов. Вы видите, эта утечка материалов произошла, и в этой связи вы должны понять, что несете всю полноту ответственности за это дело.

Пельше и двое его помощников добивались у Хрущева признания, как мемуары оказались в США. Однако того голыми руками взять было трудно, да и в искусстве самобытной риторики Хрущеву не было равных. Он то обвинял партийное руководство в провокации, то заявлял, что готов нести любое наказание, вплоть до смертной казни. «Я готов на крест, берите гвозди и молоток!» — возмущенно выкрикивал Хрущев. Он сворачивал разговор на воспоминания маршала Жукова и убийство Павла I, на свои заслуги в борьбе со сталинизмом и на генерала де Голля:

«Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я недоволен, что живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему. Я был честным человеком, преданным. Как только родилась партия, я все время был на партийной работе».

Партийно-идеологическая обработка завершилась тем, что Хрущев вынужден был опубликовать опровержение:

«Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н. С. Хрущева. Это — фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров и материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал также материалов и советским издательствам. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать.

10.11.1970 г. Н. Хрущев».

Однако в этом опровержении нет ни слова о том, что Хрущев не писал мемуаров. Вскоре двухтомник «Хрущев рассказывает» был опубликован в американском издательстве «Литтл Браун». Так парадоксально завершал свой жизненный путь «последний романтик коммунизма» Никита Сергеевич Хрущев, став одним из первых «тамиздатчиков».

В своих мемуарах Хрущев почти ничего не говорит о вождях, сменивших его. Однако известно, что относился он к ним весьма неодобрительно. Особенно Хрущева возмущал Брежнев — своей пассивностью, бездеятельностью, отсутствием наступательного начала. Однажды в 1970 году на дачу к Хрущеву внучка Юля привезла Владимира Высоцкого. Тот уже был очень популярным, но концерты его проходили в полулегальных условиях. Высоцкий переживал из-за этого и решил посоветоваться с бывшим «первым человеком страны» — может, что-то подскажет.

— Меня все поют, — говорил Хрущеву Высоцкий, — а песни мои не легализованы, я официально не признан, как бы оказался за бортом общества. Кому это нужно? Мне? Нет. Людям? Тоже нет. К кому бы вы посоветовали обратиться из членов правительства? Вы их там всех знаете.

Хрущев помолчал и сказал:

— А ты их портреты видел?!

Завершаются мемуары Хрущева главой со знаменательным названием «Я не судья…» Впрочем, все названия глав и разделов были даны скорее всего не самим автором, а обработчиками и

редакторами. В начале сентября 1971 года Хрущев закончил диктовку воспоминаний. Последняя глава ему не понравилась, и он собирался заново ее надиктовать. Но не успел. 5 сентября у него случился третий инфаркт.

11 сентября 1971 года Никита Сергеевич Хрущев скончался. Западные радиостанции сразу же передали эту трагическую новость. 13 сентября в газете «Правда» появилось небольшое сообщение: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с Прискорбием извещает, что 11 сентября 1971 года после тяжелой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев». Однако официального некролога в газетах так и не появилось.

В тот же день, 13 сентября, на Новодевичьем кладбище состоялись похороны. Власти готовились к ним как к войсковому сражению, согнав к кладбищу до трех тысяч солдат внутренних войск и выставив несколько рядов оцепления. Историк и писатель Георгий Федоров, побывавший на похоронах, так описывал свои впечатления:

«Народу было не очень много, около 60 корреспондентов, кажется, только иностранных… Кроме того, было еще человек двести, среди которых немало людей с сединами… Никита Сергеевич лежал в гробу на Возвышении, окруженном венками и цветами. В ногах у него находились красные подушки с тремя Звездами Героя Социалистического Труда и орденами. Лицо его было значительным, таким значительным и спокойным, каким мне не доводилось его видеть на страницах газет и журналов, на экранах кино и телевидения. Высокий мощный лоб, волевые скулы. Казалось, на лице его запечатлелась какая-то важная дума, которой так и суждено было остаться тайной».

Даже мертвого и уже погребенного Хрущева власти боялись. Писатель Анатолий Злобин тогда записал в своем дневнике:

«Хрущев умер, но появился призрак Хрущева. Предсказанный мной на сегодня некролог в центральной прессе не напечатан, значит, у них даже хитроумности нет, есть только тупость да страх. Все соцстраны дали фото и некрологи, молчит одна ГДР. Албания объявила: умер главарь шайки ревизионистов.

Вот и получается у нас, что ничего не было: ни XX, ни XXII съездов, ни сталинских преступлений, ни хрущевской оттепели… Тупость и ложь, рождающиеся из страха».

В 1975 году на могиле Хрущева был установлен памятник, созданный Эрнстом Неизвестным. Он ощущал в реальном Хрущеве два начала — светлое и темное, доброе и злое; это,

видимо, он и выразил в граните и мраморе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

30-е годы: первый коммунист Москвы

Хрущев в годы войны

На отдыхе

Со Сталиным на первомайской демонстрации в Москве. 1932 г.

Хрущев доволен визитом в США. В мире повеяло разрядкой

«Через двадцать лет нынешнее поколение будет жить при коммунизме!»

С сыном Сергеем Никитичем и Ниной Петровной

На пенсии Никита Сергеевич пристрастился к любительской фотосъемке

С внучкой Юлией, правнучками Ниной и Ксенией

Мать Н. С. Хрущева Ксения Ивановна с внуком Сергеем

Последний год жизни

В последний путь

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием извещают, что 11 сентября 1971 года после тяжелой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Надгробный памятник на Новодевичьем кладбище

работы Эрнста Неизвестного

FB2 created by

mefysto